В. ДУШЕНЬКИН

От солдата до маршала

Тов. М[redacted]

За активное участие в концерте.

Ш[redacted]

Культ. орг. [illegible]

3.06.66г.

В. ДУШЕНЬКИН

ГЕРОИ
И
ПОДВИГИ

От солдата до маршала

Издание третье,
дополненное и исправленное

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1966

9(С)22
Д 86

Имя Блюхера, легендарного героя и талантливого полководца, широко известно в нашей стране и далеко за ее пределами.

В огне и буре гражданской войны рождалась его слава, расцветал талант военачальника и полководца. Из конца в конец необъятной страны, на самые боевые участки гражданской войны посылала его партия.

Смелые рейды и молниеносные удары полков Блюхера приводили в трепет врагов революции. С изумительным мужеством, бесстрашием и отвагой бойцы, руководимые Блюхером, защищали Урал, громили Колчака, наносили смертельные удары по врагу под Каховкой, Перекопом, Волочаевкой. Они наголову разгромили японских самураев у озера Хасан в 1938 году.

О жизни и боевом пути этого замечательного человека рассказывает в предлагаемой брошюре кандидат исторических наук В. В. Душенькин.

Товарищи читатели! Ваши отзывы и пожелания просим присылать по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., д. 7, Политиздат, редакция литературы по истории советского общества.

По заданию партии

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это...

В середине ноября 1917 года в кабинете председателя Самарского ревкома В. В. Куйбышева состоялся следующий разговор.

— Товарищ Блюхер, ревком решил назначить вас комиссаром отряда, посылаемого для освобождения Челябинска. Мы только что получили боевое задание от товарища Ленина и остановились на вашей кандидатуре. Учтите, что поручение чрезвычайно ответственное,— сказал В. В. Куйбышев.

Предложение председателя ревкома было настолько неожиданным, что Блюхер несколько смутился. Заметив это, Куйбышев ободрил его:

— Ничего, ничего, действуйте смелее. А мы вам всегда поможем, только держите с нами связь. Подберите в отряд как можно больше солдат-большевиков и двигайтесь без промедления.

— Задание партии будет выполнено! — коротко ответил Блюхер.

Так началась военная деятельность легендарного героя гражданской войны, впоследствии Маршала Советского Союза Василия Константиновича Блюхера.

— Мог ли я тогда думать,— говорил потом полководец,— что это поручение партии будет началом моей военной работы и на всю жизнь свяжет меня с родной Красной Армией.

Нерусская фамилия Василия Константиновича вызывала немало толков и догадок в отношении его национальности. Белогвардейские и иностранные корреспонденты писали, что Блюхер — немецкий генерал, продавшийся большевикам. Некоторые советские авторы и поныне утверждают, что Блюхер — это партийная кличка, а настоящая фамилия Василия Константиновича — Медведев.

В действительности В. К. Блюхер — русский человек. В давние времена по фантазии помещика одному из предков будущего полководца, крепостному крестьянину, была дана кличка Блюхер — по фамилии известного немецкого маршала той эпохи. Так она и переходила из поколения в поколение. И затем превратилась в фамилию.

В официальных документах Василий Константинович писал, что он родился 19 ноября 1889 года в деревне Барщинке Рыбинского уезда Ярославской губернии в семье крестьянина-бедняка. Однако в книге регистрации актов гражданского состояния год рождения указан 1890, 19 ноября по старому стилю (1 декабря по новому стилю).

Семья у отца Блюхера была большая, жила бедно, и поэтому маленькому Василию с раннего детства пришлось испытать нужду и непосильный труд.

В 1904 году, после окончания сельской церковноприходской школы, отец отвез его в Петербург и отдал учеником в мануфактурный магазин купца Клочкова.

Учеников заставляли мыть полы, таскать дрова, товар и выполнять другую тяжелую работу. За малейшую провинность их жестоко били. Не выдержав издевательств, Блюхер через восемь месяцев сбежал от купца и поступил чернорабочим на Франко-Русский завод, бывший Берда. Здесь, в среде передового

петербургского пролетариата, он получил первую революционную закалку, принимал активное участие в собраниях и рабочих массовках, за что попал в «черные списки» и в декабре 1908 года был уволен с завода. Полгода скитался он без работы.

В мае 1909 года В. К. Блюхер приехал в Москву, но и здесь его ждала неудача. Отчаявшись, он отправился искать счастья на Волгу. Несколько месяцев Василий Константинович работал в средневолжских городах, а осенью снова вернулся в Москву. Ему удалось устроиться в небольшую слесарную мастерскую на Мещанской улице, откуда вскоре он перешел на вагоностроительный завод в Мытищах.

На Мытищинском заводе Блюхер с первых же дней активно включился в революционную деятельность. В феврале 1910 года за призыв к забастовке он был арестован и приговорен Московским окружным судом к двум годам и восьми месяцам тюремного заключения.

Выйдя из заключения, Василий Константинович вначале работал в Рыбинске, а в августе 1913 года переехал в Москву и поступил в мастерские Московско-Казанской железной дороги.

Когда началась первая мировая война, Блюхера призвали в армию. Вместе с пятьюдесятью другими московскими рабочими его зачислили в запасной батальон, стоявший в Кремле. Значительная часть солдат была настроена революционно, и командир батальона через две недели отправил всех «смутьянов», в том числе и Блюхера, на фронт, в 19-й Костромской стрелковый полк.

Всего четыре месяца провоевал Василий Константинович на Юго-Западном фронте, но и за это короткое время он проявил себя отважным и мужественным солдатом. Увлеченный общим угаром «ура-патриотизма», молодой боец совершил много боевых подвигов. Не раз ходил он в разведку и приносил ценные сведения, приводил «языков». В лихой атаке 8 января 1915 года на реке Дунаец под Тернополем Блюхер был тяжело ранен. В бессознательном состоянии доставили его в армейский полевой госпиталь. Восемь больших осколков было извлечено

из его тела. Сильно были повреждены обе ноги. Осмотрев храброго солдата, профессор Пивованский произвел очень сложную операцию и приложил все усилия, чтобы спасти ему жизнь.

Несколько дней Василий Константинович не приходил в сознание. Однажды Пивованский, обходя палаты, увидел, что койка Блюхера свободна. Профессор насупил брови.

— Где Блюхер? — спросил он у лечащего врача.

Врач ответил, что раненый умер и его вынесли в морг. Пивованский не поверил, сам пошел в морг и обнаружил у Блюхера едва заметные признаки жизни.

«Умершего» принесли в палату. А через день все повторилось: его опять отнесли в морг и профессор снова вернул раненого в палату. На этот раз Пивованский распорядился не трогать больше Блюхера без его ведома. В конце концов смерть отступила. На редкость крепкий организм победил.

Больше года пробыл молодой солдат в госпитале. В марте 1916 года он был уволен «врачебной комиссией Главного Московского военного госпиталя имени императора Петра I в первобытное состояние с пенсией первого разряда».

Как инвалида первой группы, его сняли с воинского учета. Казалось, что военная служба для него окончилась навсегда.

Некоторое время Блюхер прожил в родной деревне, восстанавливая силы, а затем вновь отправился на Среднюю Волгу в поисках работы. В Нижнем Новгороде он временно устроился на Сормовский судостроительный завод, откуда через месяц перевелся на механический завод Остермана в Казани. Василий Константинович знакомится с большевиками, завязывает с ними тесную связь. Здесь он получает первое партийное поручение и вступает в ряды Коммунистической партии. Сбывается его давнишняя мечта: в 1916 году, на заре Великого Октября, Блюхер навсегда связывает свою жизнь с судьбой великой ленинской партии.

Февральскую революцию Блюхер встретил в городе Петровском Казанской губернии, где он работал слесарем-мотористом на маслобойном заводе. В мае

1917 года Василий Константинович переехал в Самару с намерением устроиться на военный завод. Однако, явившись в Самарский городской комитет РСДРП(б), Блюхер получил задание поступить добровольцем в 102-й запасной полк и развернуть революционную агитацию среди солдат.

С большим трудом, поскольку он был инвалидом первой группы, благодаря настойчивости и боевым наградам Блюхеру удалось зачислиться в полк.

Хорошее знание солдатской жизни, веселый и общительный характер позволили ему быстро завоевать доверие бойцов. В июне месяце они избирают Блюхера членом, а в августе председателем полкового комитета и заместителем председателя военной секции Самарского городского Совета.

Популярность Василия Константиновича среди солдат была огромной. Он оказывал большое влияние на солдат гарнизона, который во время революционного переворота в Самаре, 27 октября, полностью перешел на сторону Советской власти. В этом перевороте В. К. Блюхер принял активное участие, находясь во главе революционных войск. На первом же заседании Самарского ревкома он был избран членом президиума. Одновременно его назначили помощником комиссара самарского гарнизона и начальником губернской охраны революционного порядка.

Однако недолго пришлось ему работать в Самаре. По заданию партии Василий Константинович быстро сформировал отряд и через два дня выехал в Челябинск.

...Это были суровые для Советской республики дни. Атаман Оренбургского казачьего войска ярый монархист Дутов объявил войну Советской власти. Ему удалось сформировать из офицеров, юнкеров и зажиточных казаков несколько хорошо вооруженных отрядов, захватить Оренбург, Троицк, Верхне-Уральск и окружить Челябинск. Связь Центральной России со Средней Азией и Сибирью, откуда шли поезда с продовольствием на запад, к Москве и Петрограду, была нарушена. Черная реакция хотела костлявой рукой голода задушить революцию.

«Все завоевания народа, и в том числе близкий мир, поставлены на карту,— говорилось в правительственном сообщении 30 ноября 1917 года.— Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли восстание».

Совет Народных Комиссаров призвал все местные революционные власти смело и решительно выступить на борьбу с врагом. Для руководства боевыми действиями против Дутова на Южный Урал был командирован чрезвычайным комиссаром старый большевик П. А. Кобозев.

Большую помощь рабочим Урала в борьбе с дутовщиной оказал лично В. И. Ленин. В конце ноября он принял делегацию оренбургских железнодорожников. После беседы Владимир Ильич написал:

«В штаб (Подвойскому или Антонову). Податели — товарищи железнодорожники из Оренбурга. Требуется *экстренная* военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить *практически* поскорее. А мне черкнуть, как решите» [1].

Вскоре по ленинскому указанию из Петрограда на Урал выехал Северный летучий отряд, состоявший из революционных солдат 17-го Сибирского полка и балтийских моряков с линкоров «Петропавловск» и «Гангут». Командовал отрядом мичман С. Д. Павлов.

Оренбургская губерния не случайно оказалась ареной ожесточенной гражданской войны. Здесь в наиболее резкой форме имелось налицо классовое расслоение и сословная рознь. С одной стороны — казачья беднота, переселенцы и батраки, с другой — богатые казаки, владельцы крупных земельных угодий и многочисленные офицеры. Первые были прочной опорой Советской власти, вторые — ее злейшими врагами.

Ликвидация дутовщины началась с восстановления и упрочения Советской власти в Челябинске.

Первым прибыл сюда Самарский отряд рабочих и солдат в количестве 500 человек во главе с Блюхером. Выдавая себя за возвращающихся с фронта демобилизованных солдат, самарцы с помощью желез-

---

[1] *В. И. Ленин.* Военная переписка (1917—1920). М., 1957, стр. 16.

нодорожников благополучно проскочили белогвардейские заставы и 20 ноября прибыли в Челябинск. В тот же день эсеро-меньшевистская городская дума, захватившая власть в городе, была распущена, а ее главари арестованы. Челябинский Совет рабочих и солдатских депутатов, опираясь на поддержку Самарского отряда, вновь взял власть в свои руки. Для практической деятельности был создан военно-революционный комитет. Председателем ВРК был избран коммунист А. П. Галактионов, заместителем — большевик Е. Л. Васенко, членом президиума от сводного отряда солдат — В. К. Блюхер.

Но уже через две недели в связи с отзывом А. П. Галактионова на другую работу Василий Константинович избирается председателем военно-революционного комитета и назначается начальником штаба Красной гвардии. С этого времени В. К. Блюхер становится одним из организаторов и руководителей борьбы с дутовщиной.

20 декабря он направил прибывший из Петрограда Северный летучий отряд и Челябинскую красногвардейскую дружину под командованием С. Д. Павлова на освобождение Троицка. В авангарде шли моряки. Увешанные пулеметными лентами, в неизменных бескозырках с развевающимися лентами, они стремительно двигались на врага. Своим грозным видом они вызвали в рядах противника полное смятение. В ожесточенном бою у станиц Еманжелинской и Нижне-Увельской белоказаки были разбиты и отброшены. В ночь на 25 декабря 1917 года (7 января 1918 года) советские отряды вступили в Троицк.

Освобождение Челябинска и Троицка имело огромное значение для развития дальнейших операций против Оренбурга — основного оплота контрреволюции на Южном Урале.

В середине декабря красногвардейские отряды предприняли первое наступление на Оренбург. Силы их были незначительны.

«Нас, вооруженных, было вначале 200 человек, прибывших в Бузулук,— вспоминал впоследствии П. А. Кобозев.— Телеграфисты ст. Бузулук сконфузились этой цифрой и, передавая в Оренбург о прибы-

тии чрезвычайного комиссара, прибавили нолик. Получилось 2000.

Оренбургские товарищи, в свою очередь, не могли поверить, чтобы Совет Народных Комиссаров прислал такие ничтожные воинские части на выручку их из дутовского плена, и, принимая телеграмму, подставили еще нолик. Получилось 20 000.

И все, включая Дутова, поверили этому. Таким образом я оказался во главе 20-тысячной армии, руководимой «германским генералом» Блюхером» [1].

Вместо наступления на Бузулук Дутову пришлось спешно занимать оборону.

Так телеграфисты невольно оказали услугу делу революции. Они дали возможность красногвардейцам выиграть время и сосредоточить необходимые силы.

В начале января 1918 года на усиление советских войск, действовавших под Оренбургом, прибыли отряды П. З. Ермакова из Екатеринбурга, А. Л. Борчанинова из Перми, балтийских моряков С. Д. Павлова из Троицка и другие. Всего собралось здесь около 3500 человек. Командующим всеми отрядами был назначен мичман С. Д. Павлов. Общеполитическое руководство осуществляли П. А. Кобозев и председатель Оренбургского ревкома С. М. Цвиллинг.

7(20) января 1918 года красногвардейцы при поддержке бронепоезда перешли в решительное наступление. В ожесточенном трехдневном бою у станций Сырт и Каргала они разбили противника. 18(31) января 1918 года над Оренбургом взвился красный флаг.

Однако борьба на этом не закончилась. Уцелевшие белоказачьи банды во главе со своим атаманом бежали в район Верхне-Уральска, где через два месяца снова подняли голову. Окрепшие отряды Дутова окружили Троицк, прервали его связь с Челябинском, разрушали железную дорогу, в станицах разгоняли Советы, убивали советских и партийных работников. Над промышленными центрами Южного Урала нависла угроза. И снова уральские большевики бросают клич: «На Дутова!»

---

[1] Газета «Смычка», орган Оренбургского губкома, № 255, 7 ноября 1927 г.

Тысячи добровольцев шли в боевые отряды. На фронт записывались целыми семьями.

Активное участие в борьбе с Дутовым приняла семья Кашириных. Глава ее — Дмитрий Иванович — в течение 18 лет был атаманом Верхне-Уральской станицы. Он отказался признать «правительство» Дутова и использовал свой огромный авторитет для привлечения казачества на борьбу с ним. Видную роль играли его сыновья — Иван и, особенно, Николай.

Пятнадцать заводов Южного Урала послали своих представителей во главе с членом КПСС с 1905 года М. С. Кадомцевым на защиту революции. 23 марта в Белорецке состоялось совместное заседание Белорецко-Тирлянского ревкома и представителей Верхне-Уральского Совета и Уфимского отряда, на котором был утвержден план совместных действий против Дутова.

В самом Верхне-Уральске в это время назревало вооруженное восстание. В связи с этим было решено не ждать сосредоточения всех отрядов, а выступить в поход наличными силами. Они состояли из верхнеуральцев — 600 человек, белоречан — 200 человек, Тирлянской дружины — 150 человек и дружины хутора Кирсы — 140 человек. На вооружении их было 8 пулеметов.

Командующим сводным отрядом был избран рабочий-коммунист А. М. Чеверев. В ночь на 25 марта отряд ворвался в Верхне-Уральск и с помощью восставшего трудового населения освободил его. Дутов был крайне разгневан неудачей. Через несколько дней он пытался вернуть город, но был разбит подошедшими отрядами М. С. Кадомцева и М. В. Калмыкова.

Одновременно на борьбу с Дутовым выступили рабочие отряды Среднего и Северного Урала во главе с председателем Челябинского Совета В. К. Блюхером. Официально он назывался «командующим всеми восточными отрядами, действующими против Дутова». Комиссарами дружин у него были пламенные большевики-пропагандисты И. М. Малышев, Н. Г. Толмачев, С. Я. Елькин. 28 марта екатеринбургские дружины в бою у Черной речки (в 12 кило-

метрах юго-западнее Троицка) нанесли Дутову сильное поражение.

«В этом бою,— писал Н. Г. Толмачев,— наши дрались как львы. Дутовцы бежали в панике. Причем наши потери — 8 убитых и десятка два раненых, а Дутов потерял до 50 человек и больше сотни раненых». 2 апреля белогвардейское кольцо, окружавшее Троицк, было разорвано. 3 апреля Василий Константинович провел расширенное совещание всех начальников отрядов и дружин совместно с представителями партийных, советских и военных учреждений Троицка.

Секретарь укома партии, старый большевик Я. В. Аппельбаум подробно информировал командующего об обстановке. Говоря о вооруженных силах гарнизона, Аппельбаум с беспокойством сообщил, что бойцы 17-го Сибирского полка стойко выдержали осаду, но теперь, в связи с приходом красногвардейских отрядов, стали поговаривать о возвращении в свои родные места.

Выступивший в конце совещания В. К. Блюхер отметил, что для успешной борьбы с Дутовым необходимо объединить мелкие отряды, укрепить дисциплину, сплотить бойцов, провести большую разъяснительную работу среди казачества и привлечь его на свою сторону.

— В разгроме белоказаков должно участвовать трудовое казачество,— сказал командующий.— Задача состоит не только в том, чтобы пройти военным маршем по казачьим станицам, но и в том, чтобы организовать в них Советскую власть.

Присутствующие увидели, что Блюхер не только хороший командир, но и опытный политический руководитель. Совещание признало целесообразным образовать «единый штаб» из пяти человек для руководства боевыми действиями против Дутова и переформировать все мелкие отряды в дружины. Председателем штаба был единогласно избран В. К. Блюхер. 4 апреля он издал приказ о реорганизации отрядов. По его указанию во всех дружинах развернулась энергичная подготовка к дальнейшему походу против Дутова: совершенствовалось боевое мастерство, проводились политбеседы, пополнялись склады бое-

припасов и продовольствия. 5 апреля на центральной площади Троицка состоялся общегородской митинг. С яркими речами выступили В. К. Блюхер, И. М. Малышев, Н. Г. Толмачев и другие коммунисты. Они призывали красногвардейцев и особенно бойцов 17-го Сибирского полка к сплочению своих рядов для скорейшего разгрома дутовщины, к организации и укреплению Советской власти в казачьих станицах. В единогласно принятой резолюции участники митинга поклялись не бросать оружия до полной ликвидации контрреволюции.

В плане разгрома Дутова предусматривалось, что разбить врага следует не только штыком, но и пламенным большевистским словом. В своих воззваниях и листовках, обращенных к трудовому казачеству, В. К. Блюхер беспощадно разоблачал действительное лицо Дутова.

«Пойми же наконец, казачья беднота, кто ваши враги и кто ваши братья. Идите к нам с открытой душою, и вы всегда найдете поддержку в 160-миллионной армии остальной такой же бедноты, как и вы... Кто толкнул вас, товарищи казаки, на братоубийственную войну? Кто заставил потерять ваших отцов, мужей, братьев и сыновей?.. Это Дутов, это сбежавшее к нему офицерство... Это все предатели революции, это все враги трудовой бедноты...» [1]

Командующий призывал казаков объединить усилия для борьбы с Дутовым.

Яркие и правдивые слова большевиков оказывали большое воздействие на трудовое казачество. В своем донесении В. К. Блюхеру командир 2-го Пермского отряда Н. Костарев писал, что «после нашей агитаторской деятельности... масса начинает пробуждаться. Ненависть к Дутову и его приверженцам настолько велика, что, по заявлению многих бедных казаков и фронтовиков, достаточно бросить клич, как молодое казачество и беднота станут под наши знамена».

9 апреля Василий Константинович отдал приказ о наступлении. Его отряды окружили дутовцев тремя колоннами: с севера, востока и юга. Западную линию

---

[1] «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 80—81.

фронта, от Верхне-Уральска до станицы Магнитной (ныне Магнитогорск), обеспечивали отряды М. С. Кадомцева, Н. Д. Каширина, М. В. Калмыкова.

Общая численность красногвардейских отрядов составляла около четырех тысяч человек.

Дутов имел несколько меньше солдат — около трех тысяч. Но зато его части были отлично вооружены, хорошо обучены, имели большую прослойку офицерского состава и много опытных руководителей. Почти все белоказаки имели коней, что позволяло им быстро маневрировать и своевременно уходить из-под ударов.

В середине апреля окружение дутовцев было завершено. Все населенные пункты и наиболее важные перекрестки дорог были заняты красными войсками. План В. К. Блюхера — окружить врага плотным кольцом — был успешно выполнен. Красногвардейские отряды вышли на исходные позиции для решительной атаки. 16 апреля Василий Константинович отдал приказ о переходе в общее наступление.

На следующий день 1-й Пермский полк Советов Приуралья под командованием Н. Костарева освободил поселок Сухтелинский и атаковал станицу Краснинскую — главную базу противника. Одновременно отряды М. С. Кадомцева и И. Г. Байбурина наносили удары с флангов. Белогвардейцы оказывали упорное сопротивление.

Вспоминая о тех жестоких боях, командир Белорецкого отряда И. Волков писал:

«Нельзя умолчать об исключительном героизме рабочих отрядов. Дутовцы дрались очень упорно, однако упорству наших можно было позавидовать. Кавалерия противника непрерывно бросалась в атаки. Но эти атаки спокойно и решительно отбивались. Выбитые с позиций, дутовцы уходили в глубь станицы, занимали там большие буржуйские дома и, забаррикадировавшись в них, упорно защищались. Рабочие отряды геройски выбивали их из занятых домов ручными гранатами, заставляя отступить».

Хорошая подготовка, дружное и энергичное наступление всех красногвардейских отрядов принесли им успех. Дутов стал терпеть одно поражение за другим. Как загнанный зверь бросался он из стороны

в сторону, нащупывая наиболее уязвимое место для прорыва. Но всюду получал сокрушительные удары.

Убедившись, что ему не удастся вывести из окружения все свои войска, он приказал распустить их по домам, а сам с отборным отрядом в 250 офицеров и 350 солдат [1] в ночь на 19 апреля прорвался у станицы Наваринской и ушел на юг, к Орску.

В. К. Блюхер приложил все усилия, чтобы догнать врага. В своем письме М. Кадомцеву он просил «во что бы то ни стало отрезать путь отступления Дутову к киргизам. Каширин спешит на Таланскую, что помешает ему (Дутову) убежать в Башкирию. Лупов все время идет по пятам. Итак, тов. Кадомцев, спешите. Уйдет — вина будет Ваша» [2].

Вечером 22 апреля передовой отряд красногвардейцев под командованием В. Бобылева получил от местных жителей сведения о том, что Дутов собирается ночевать в поселке Бриене. Тридцать километров отделяло блюхеровцев от врага. Всю ночь двигались они, не смыкая глаз. На рассвете бойцы подошли к поселку и с ходу атаковали противника. В ожесточенном бою дутовцы были разбиты. Остатки их вместе со своим атаманом бежали в Тургайские степи.

На этом заканчивается второй этап борьбы красногвардейских отрядов против дутовщины. Была одержана важная победа.

Однако в то время, когда отряды В. К. Блюхера и М. С. Кадомцева добивали банды Дутова под Верхне-Уральском, контрреволюционеры подняли новое восстание белоказаков под Оренбургом. В ночь на 11 мая они захватили станцию Ново-Сергиевка и прервали сообщение с городом. В окрестностях разгорелись ожесточенные бои. 15 мая осажденные оренбуржцы послали Уфимскому штабу боевых дружин тревожную телеграмму о помощи.

«Отправьте на подкрепление все, что можете. Оренбург окружен со всех сторон. Положение очень критическое».

Уральские заводы снова посылают своих лучших

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 613, л. 269.
[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 255.

представителей во главе с В. К. Блюхером на борьбу с контрреволюцией. В предыдущих боях он приобрел большой опыт и проявил себя выдающимся военно-политическим руководителем. Разработанный им план ликвидации восстания Дутова в Верхне-Уральском уезде отличался своей оригинальностью и был успешно осуществлен. И когда теперь встал вопрос о главнокомандующем Оренбургским фронтом, Уральский обком партии смело выдвинул его на этот высокий пост. Коммунисты Урала были твердо уверены, что он не подведет. Одновременно ему поручили объединить под своим командованием все войска, действовавшие против дутовцев в районе Оренбурга. В выданном Василию Константиновичу мандате за подписью облвоенкомов Ф. Голощекина и Н. Анучина говорилось:

«Предъявитель сего Василий Блюхер Уральским областным военным комиссариатом назначен главнокомандующим всеми отрядами, оперирующими под Оренбургом, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Всем начальникам отрядов на означенном фронте предписывается точное и беспрекословное подчинение всем распоряжениям тов. Блюхера».

12 мая Василий Константинович выехал из Екатеринбурга на Оренбургский фронт. В его распоряжение был выделен Сводный уральский отряд в составе 1-го Уральского стрелкового полка, Екатеринбургского кавалерийского эскадрона, Челябинского отряда «Народных копей» и Челябинской батареи. Всего отряд Блюхера насчитывал около двух тысяч бойцов.

В Бузулуке к нему присоединился красногвардейский отряд (800 бойцов, 25 пулеметов и четыре орудия) под командованием Г. В. Зиновьева, прибывший с Западного фронта.

Положение Оренбурга с каждым днем ухудшалось. В информационной сводке Народного комиссариата по военным делам за 16 мая сообщалось: «Оренбургский фронт. Положение серьезное. Дутовские войска великолепно дисциплинированы, с хорошим командным составом. Численность их 10—15 тысяч человек. Объявлена общая мобилизация,

и число их будет увеличено до 60 тысяч. Зиновьевские отряды дерутся хорошо. Нужны подкрепления полками, батареями и боевыми припасами»[1].

Белоказачье войско непрерывно атаковывало Оренбург. На помощь ему спешили уральские отряды Блюхера. Чем ближе продвигались они к Оренбургу, тем ожесточеннее шли бои. 19 и 20 мая в районе станиц Татищенской и Донецкой белоказакам было нанесено тяжелое поражение. Отбрасывая их, головной эшелон Блюхера 23 мая прибыл на станцию Сырт, где соединился с оренбургскими частями. Контрреволюционное кольцо было разорвано. Опасность ликвидирована.

«Положение Оренбурга прочное и безопасное,— доносил В. К. Блюхер 27 мая.— Вчера сильным отрядом нанесли удар казакам в районе Пречистенской по Орской железной дороге и по линии железной дороги на Бузулук... Подготавливаем широкую и глубокую операцию против казачьих сил. Приготовления идут спешным порядком, и вероятно скорое выступление наших отрядов широким фронтом против восставших станиц»[2].

Однако полностью осуществить свои замыслы не удалось. В это время началось вооруженное восстание чехословацкого корпуса[3]. Обстановка на Южном Урале резко ухудшилась. Под защитой белочехов значительно активизировала свою деятельность внутренняя контрреволюция. Объединенными усилиями мятежникам удалось захватить Челябинск, Златоуст, Уфу и другие города Южного Урала. Действовавшие здесь части и отряды Красной Армии были отрезаны от центральных районов Советской России и оказались в глубоком тылу врага.

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 50, л. 252 об.

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 25, л. 149.

[3] Чехословацкий корпус был сформирован в России до Октябрьской революции из военнопленных чехов и словаков, служивших в австро-венгерской армии. Численность корпуса составляла около 50 000 человек. По соглашению с Советским правительством ему был разрешен свободный проезд во Францию через Владивосток. Однако империалисты стран Антанты приложили все усилия, чтобы сорвать это соглашение, и спровоцировали чехословацкий корпус на вооруженную борьбу против Советской власти.

В огненном кольце

К лету 1918 года молодая Советская республика оказалась в огненном кольце вражеских фронтов. Наибольшая опасность грозила Стране Советов с востока, где были сосредоточены основные ударные силы интервентов и белогвардейцев. Здесь решалась судьба социалистической революции.

Захватив почти всю территорию Урала и Сибири, враг отрезал от центральных районов республики важнейшие хлебные и сырьевые районы и стремился полностью овладеть районом Средней Волги.

Не считаясь с огромными потерями, неприятель рвался вперед. 22 июля он захватил Симбирск, 7 августа — Казань и готовился к наступлению в центр Советской России. Малочисленные советские войска не могли сдержать врага.

Укрепление Восточного фронта стало неотложной задачей. В качестве первоочередной меры Центральный Комитет Коммунистической партии признал необходимым проведение массовой мобилизации коммунистов на Восточный фронт. Они должны были укрепить командные кадры, усилить партийно-политический аппарат и наладить политико-воспитательную работу в частях и соединениях. На главный фронт республики направлялись самые подготовленные и надежные полки. Для организации борьбы с белочехами в Уфу прибыл народный комиссар по военным делам Н. И. Подвойский.

Массовая мобилизация коммунистов явилась решающим условием укрепления Восточного фронта. Прибывшие коммунисты сумели в короткий срок реорганизовать войска, повысить их боеспособность и влить в них революционный энтузиазм. Наступление противника было остановлено.

В то время как советские войска Восточного фронта набирали силы и готовились к наступлению, в глубоком тылу врага формировались многочисленные партизанские отряды. По призыву партийных организаций трудовой Урал поднялся на борьбу с врагом. «Красный Урал в опасности!», «Все к оружию!», «Поднимайтесь на борьбу, свободолюбивые сыны Урала!» — гласили многочисленные призывы на улицах городов и в цехах заводов.

Для трудящихся Южного Урала наибольшую опасность представляла челябинская группировка белочехов. Заняв 26 мая Челябинск, отряд интервентов вскоре двинулся на юг, к Троицку, на соединение с белоказаками. Троичане взялись за оружие и выступили на борьбу с врагом. В короткий срок из казачьей бедноты был сформирован 1-й Оренбургский социалистический полк имени Степана Разина. Командиром его был избран казак А. Е. Карташев.

17-й Сибирский стрелковый полк пополнился добровольцами-интернационалистами — бывшими военнопленными и тоже выступил на фронт. Полк стал называться 17-м Уральским. Командиром его вместо Я. М. Суворова [1], уехавшего на борьбу с Дутовым в Оренбург, был избран бывший прапорщик А. П. Кононов.

Дружными усилиями троичане отразили первый натиск врага. Подтянув свежие силы, неприятель 18 июня вновь перешел в наступление. Председатель Троицкого Совета Я. В. Аппельбаум запросил помощи. В своей телеграмме Н. И. Подвойскому он писал: «В Троицке создалось крайне тяжелое положение... Здесь крайне необходим Блюхер, хорошо знакомый с местностью и уже руководивший подавлением казачьего мятежа. Содействуйте приезду из

---

[1] Ныне Я. М. Суворов — полковник в отставке, живет в Москве.

Оренбурга в Троицк Блюхера, Гвоздиковского и Суворова. Силы наши небольшие, и боевые припасы ничтожные. С минуты на минуту ждем падения» [1].

К вечеру советские части оставили город. В боях за него погиб Я. В. Аппельбаум.

Падение Челябинска, Троицка и напряженные бои под Екатеринбургом вызвали тревогу и беспокойство в уральских отрядах. Дутовцы в то время активности не проявляли, и бойцам казалось, что они зря тратят время в Оренбурге, когда на Южном и Северном Урале идет ожесточенная война. Бойцы требовали немедленно направить их против мятежников.

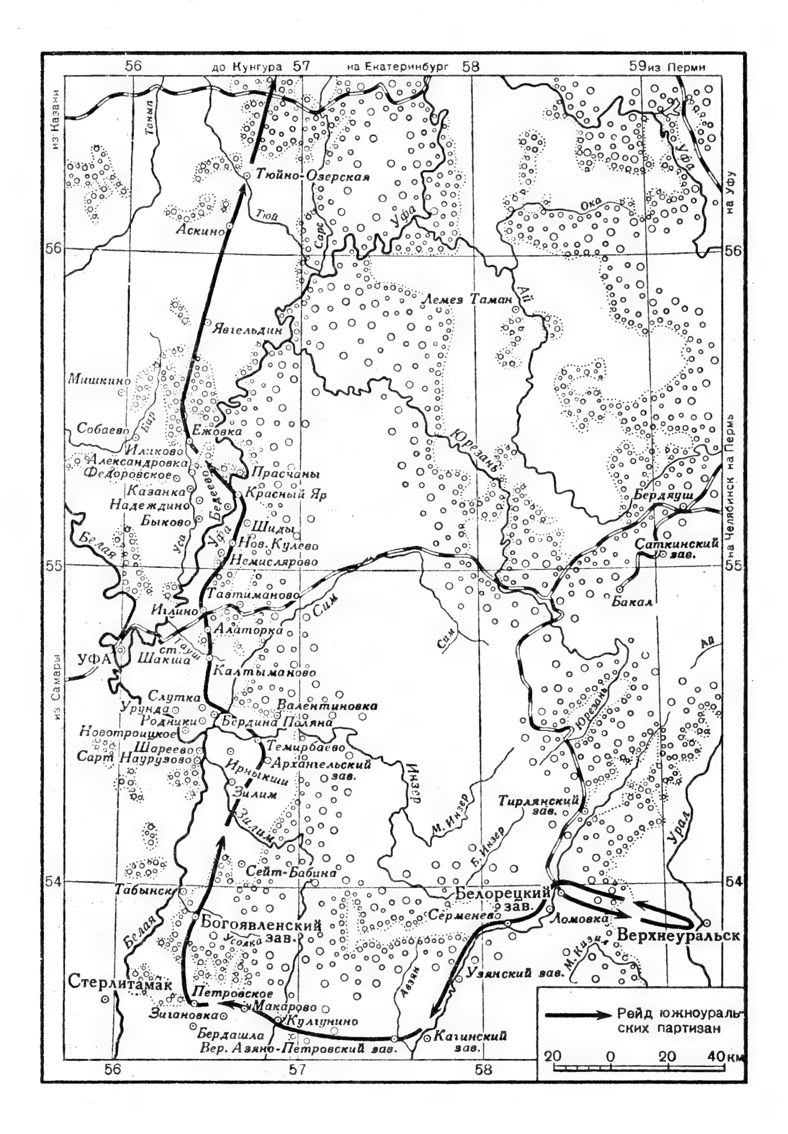
«Уральские войска страшно волнуются в связи с событиями в Челябинске, Троицке и на Урале,— говорилось в телеграмме комиссара уральских войск С. Я. Елькина председателю ВЦИК Я. М. Свердлову.— Каждый день выносят постановления, чтобы их вели на помощь осажденным троичанам, верхнеуральцам и побежденным челябинцам. Все влияние, которым я и Блюхер пользуемся, падает. К нам начинают относиться враждебно. Там погибнут на виселицах их родные, если не разрешите организованным и довольно сильным отрядом с огромной пользой для общего фронта двинуться из Оренбурга к Троицку и Челябинску уральским войскам. Несомненно, что в самом лучшем случае я и Блюхер, выполняя приказы главковерха, будем буквально на аркане уведены войсками с собой, ибо мы с этими войсками совершаем четвертый поход. Наши войска по праву считаются самыми дисциплинированными и храбрыми.

Здесь нас могут заменить без особых осложнений другими войсками. Мы надеемся перетянуть чашу весов на советскую сторону оказанием помощи всем советским войскам. Я, товарищи, все время молчал. Это первая телеграмма, посылаемая мною за восемь месяцев беспрерывной войны с казачеством. Если немые заговорили, то глухие должны услышать.

Комиссар уральских войск *С. Елькин»* [2].

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 1259, л. 132.
[2] ЦГАСА, ф. 1, оп, 2, д. 29, л. 150.



до Кунгура
на Екатеринбург
из Перми
из Казани
на Уфу
из Самары
на Челябинск на Пермь
Тюйно-Озерская
Аскино
Явгельдин
Лемез Таман
Мишкино
Собаево
Ежовка
Иликово
Александровка
Федоровское
Прасчаны
Казанка
Красный Яр
Надеждино
Быково
Шиды
Нов. Кулево
Немислярово
Тавтиманово
Иглино
Алаторка
УФА
ст. Шакша
Калтыманово
Слутка
Валентиновка
Урунда
Родники
Бердина Поляна
Новотроицкое
Темирбаево
Шареево
Сарт Наурузово
Архангельский зав.
Зилим
Тирлянский зав.
Сейт-Бабина
Табынск
Белорецкий зав.
Богоявленский зав.
Серменево
Ломовка
Верхнеуральск
Узянский зав.
Стерлитамак
Петровское
Зигановка
Макарово
Кулгунино
Бердашла
Вер. Азяно-Петровский зав.
Кагинский зав.
Бердяуш
Саткинский зав.
Бакал
Рейд южноуральских партизан
20 0 20 40 км

Телеграмма была передана Троицкому. Но он медлил с ответом. Положение продолжало осложняться. 18 июня В. К. Блюхер вновь обратился с просьбой перебросить его отряды на помощь Уралу. В разговоре по телефону с Н. И. Подвойским он сказал, что в связи с тем, что положение Троицка и Верхне-Уральска тяжелое «и овладение означенными пунктами чехословацко-казачьими отрядами будет для нас гибельным, равно и требования Уральского областного комитета о помощи являются серьезными, считаю своим нравственным долгом перед Родиной и революцией направить часть уральских войск на помощь Троицку и Челябинску, чем будет облегчено положение и самого Екатеринбурга» [1].

Для замены уральских отрядов Василий Константинович рекомендовал провести мобилизацию рабочих Оренбурга и Бузулука. Н. И. Подвойский одобрил план Блюхера.

Однако уехать отрядам на Урал не удалось. В это время началось наступление белочехов на Бузулук, и им пришлось спешно выступить навстречу врагу.

Екатеринбургский эскадрон и Челябинский отряд «Народных копей» во главе с комиссаром С. Я. Елькиным подошли к Бузулуку, когда он уже был сдан врагу. Дружной атакой они выбили белочехов из города и взяли его обратно. Через некоторое время противник вновь атаковал Бузулук. В неравной схватке смертью героя погиб комиссар уральских отрядов С. Я. Елькин.

Уральские отряды приняли на себя главный удар белочехов. Они с боями отходили к Оренбургу.

В донесении Н. И. Подвойскому оренбургские товарищи писали, что «отряд Блюхера (700—800 человек) один сдерживает наступление противника, силы которого доходят до четырех тысяч... Трое суток будет производиться отступление (к Оренбургу), по возможности медленно, задерживая неприятеля, взрывая пути» [2].

---

[1] ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 241, л. 62.
[2] ЦГАСА, ф. 10, оп. 2, д. 38, л. 1.

Вечером 28 июня последние эшелоны благополучно прибыли на станцию Сырт. Эвакуация Кинель-Бузулукского фронта была закончена.

Встал вопрос: что делать дальше?

Удержать Оренбург ввиду явного превосходства объединенных сил белогвардейцев и чехословаков было мало надежды. Дутов с крупным отрядом двигался из Тургайских степей к Оренбургу, развертывая активную деятельность по формированию новых частей. В лице белочехов он нашел себе твердую опору и верного союзника для дальнейшей борьбы с Советской властью.

Для обсуждения создавшегося положения 28 июня командующий Оренбургским фронтом Г. В. Зиновьев созвал совещание старшего комсостава и представителей местных органов Советской власти. Совещание приняло решение эвакуировать Оренбург. Предлагалось два пути. Первый, менее трудный (он проходил по территории, не занятой противником),— на Ташкент, второй, более трудный и опасный (в тылу у белых),— на Екатеринбург.

Большинство присутствующих поддержало первый вариант. В. К. Блюхер, Н. Д. Каширин и М. В. Калмыков считали необходимым по политическим и стратегическим соображениям пробиваться в индустриальный район Челябинска и Екатеринбурга, чтобы, соединившись там с регулярными частями Красной Армии, продолжать борьбу за освобождение Урала.

О результатах совещания В. К. Блюхер доложил на собрании 1-го Уральского полка и Челябинского отряда. Он еще раз высказал свое мнение о необходимости пробиваться в район промышленных центров Урала, где контрреволюция сосредоточила свои главные силы. Там решалась судьба революции. Василий Константинович предупредил бойцов о тяжелых условиях похода.

1 июля Сводный уральский отряд В. К. Блюхера и Южный отряд Н. Д. Каширина двинулись через станицы Ак-Мечеть и Магнитную на Верхне-Уральск, где предполагали соединиться с действовавшими в этом районе отрядами И. Д. Каширина и Н. Д. Томина. Дальнейшие события показали, что

действия В. К. Блюхера были наиболее целесообразными в той обстановке.

2 июля Оренбург был оставлен. Одна часть оренбургского гарнизона направилась в Орск, другая, во главе с Зиновьевым,— к Актюбинску. Положение их было очень тяжелым. 3 июля Г. В. Зиновьев вызвал В. К. Блюхера к прямому проводу и между ними состоялся следующий разговор:

Зиновьев: Скажи, как мне быть? Сангурский [1] ранен, я изнемогаю, казаки поднимаются, в городе на почве продовольствия начинаются беспорядки. Все, что можно, выгрузили, мост через реку взорвали. Настроение паническое. Скажу всю правду: молодцы уральцы!..

Блюхер: По-моему, необходимо собрать все боевые отряды и двинуться в нашем направлении. Скопившись вместе на линии Самаро-Златоустовской железной дороги, нам может быть удастся перевернуть весь ход событий [2].

Слова Зиновьева: «Скажу всю правду: молодцы уральцы» — красноречиво говорят о том, что Блюхер был прав.

Теперь Г. В. Зиновьев сам убедился в этом и просил у Блюхера совета, что ему делать. Последний рекомендовал исправить допущенную ошибку и двинуться вслед за уральскими отрядами на север.

У Зиновьева были крупные силы, в частности 1-й морской Кронштадтский и 28-й Уральский стрелковые полки, полк старой армии Жлобы и ряд крупных отрядов. Всего около 7 тысяч человек.

Василий Константинович думал, что объединенными силами им, может быть, удастся «перевернуть весь ход событий».

Но Зиновьев на это не решился и продолжал отступать в Туркестан. Блюхер же со своими отрядами уверенно шел на север. В станице Еманжелинской уральцы встретили транспорт, следовавший из Уфы в Оренбург, в котором находилось 90 000 патронов, 80 снарядов и 5 миллионов рублей денег [3].

---

[1] М. В. Сангурский — начальник штаба Оренбургского фронта.

[2] ЦГАСА, ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 19.

[3] Там же.

Неожиданное подкрепление боеприпасами и деньгами значительно укрепило материальное положение партизан и имело большое значение для дальнейшей борьбы с белогвардейцами.

По пути следования Блюхер рассылал в полосе 30—40 километров надежных агитаторов, которые собирали всех революционно настроенных казаков и рабочих. К Блюхеру шли одиночки, и небольшие группы, и целые отряды, а на Преображенском заводе сразу влилось 500 рабочих [1].

16 июля Василий Константинович прибыл в Белорецк. Здесь он узнал подробности последних боев и трагических событий.

...Оставив свой город, троичане двинулись в Верхне-Уральск, где местный партийный комитет под руководством Николая Иванова и Ивана Каширина спешно формировал отряды из казачьей бедноты и фронтовиков.

Троичане отступили организованно, вывезли все ценности и оружие. 20 июня в поселке Бородиновке состоялось собрание командного состава. Начальник троицкого гарнизона Сугаков был подвергнут острой критике за плохую организацию обороны города и снят с работы.

Собрание решило объединить все отступившие части в один Троицкий отряд. Командующим отрядом был избран казак Николай Дмитриевич Томин.

...Формирование Верхне-Уральского отряда проходило с большим подъемом. В своем обращении к трудовому населению командующий отрядом И. Д. Каширин отмечал:

«С радостью узнал, что пролетариат Верхне-Уральска при тревожном известии о положении в Краснинском поселке и об опасности, угрожающей Верхне-Уральску, восстал как один, не думая отдавать революцию в руки кровососов трудового народа. От лица Красной Армии приветствую вас, товарищи трудовики г. Верхне-Уральска. При такой поддержке в нашем тылу мы, красноармейцы, чувствуем себя сильнее и мужественнее. Мы знаем теперь, что

[1] ЦГАСА, ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 86.

за нами в тылу стоят каменной стеной наши товарищи» [1].

В течение нескольких дней верхнеуральцы сформировали два стрелковых и два кавалерийских полка.

24 июня собрание командного состава Верхне-Уральского и Троицкого отрядов избрало И. Д. Каширина «главнокомандующим всеми силами Троицкого и Верхне-Уральского уездов с полномочием самому сконструировать главный штаб». Помощником главкома был избран коммунист Н. В. Баранов.

Избрание главкома и создание главного штаба положило начало организации Сводного уральского отряда. Объединенный отряд предпринял наступление на Троицк. Бои с самого начала носили ожесточенный характер. Белоказаки не выдержали натиска и стали отступать. В оперативной сводке штаба Уральского корпуса белых 2 июля сообщалось, что красные «значительными силами, главным образом мадьяр, повели наступление на поселок Сухтелинский. Бой продолжался весь день. Противник довел свои силы до 2000 человек при 8 пулеметах и 5 орудиях. Доблестным атаманом отряда Анненковым отбито 8 атак, и лишь ночью, опасаясь быть отрезанным, отряд оставил поселок Сухтелинский» [2].

Преодолевая упорное сопротивление врага, партизаны вплотную подошли к Троицку, но взять его не смогли: кончились боеприпасы. Этим воспользовался неприятель. Увеличив свои войска, он перешел в контрнаступление.

7 июля 1918 года Сводный уральский отряд оставил Верхне-Уральск и двинулся в горы, в район Белорецкого завода.

Решение об оставлении города было принято 5 июля на совместном заседании горкома партии и Военного совета. Командиры и коммунисты готовили бойцов к предстоящему трудному походу. В отрядах проводилась большая разъяснительная работа.

— Принятое нами решение сложное и рискованное,— говорил на митинге И. Д. Каширин.— Нам

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 659, л. 20.
[2] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 50, л. 27.

нужны сильные волей и мужественные люди. Трусы и мало верящие в успех нашего дела пусть остаются на месте и не идут с нами.

Вместе с бойцами уходили и их семьи с домашним скарбом. Они затрудняли выполнение боевых задач, но их нельзя было оставлять на расправу белоказакам.

8 июля Верхне-Уральский и Троицкий отряды прибыли в Белорецк. Здесь был старый металлургический завод, принадлежавший акционерному обществу белорецких железоделательных заводов Пашковых. Защищенный со всех сторон горами, Белорецк превратился в эти дни в крепость и базу краснопартизанских отрядов. Деятельностью ревкома, военного комиссариата и штаба боевых дружин по борьбе с контрреволюцией руководил секретарь Белорецкого комитета РКП(б) — профессиональный революционер, соратник В. И. Ленина Павел Варфоломеевич Точисский. Осенью 1885 года он организовал в Петербурге одну из первых в России марксистских организаций, принявшую позднее название «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». За революционную деятельность П. В. Точисский неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Октябрьская социалистическая революция застала его в Белорецке, где он вел непримиримую борьбу с эсерами и меньшевиками, формировал рабочие дружины и организовывал борьбу с Дутовым и белочехами. Твердая и принципиальная позиция П. В. Точисского, направленная на установление железной дисциплины в отрядах и революционного порядка в городе, его смелые выступления против анархизма вызвали отчаянное сопротивление левых эсеров. В ночь на 10 июля они произвели налет на дом Точисского и убили его.

Убийство Точисского явилось сигналом к открытому выступлению притихшей контрреволюции против Советов. Начались массовые аресты коммунистов и передовых рабочих Белорецка.

Однако вылазка контрреволюционеров была быстро пресечена. Утром в штаб главкома прибыл из Тирляна командир Белорецкого отряда — член КПСС с 1912 года матрос с крейсера «Варяг» Ф. Н. Сызран-

кин[1]. Он решительно осудил провокацию и потребовал немедленно освободить арестованных.

В такой обстановке прибыли в Белорецк В. К. Блюхер и Н. Д. Каширин. Днем 16 июля состоялось совещание командного состава отрядов, созванное «для объединения всех сил, действующих в пределах Оренбургской губернии, создания единого штаба и выработки плана совместных действий». Это был по существу первый Военный совет — высший коллегиальный орган партизан. Он избирал главкома и рассматривал важнейшие оперативные вопросы.

В президиуме собрания заняли места организаторы и руководители южноуральских партизан В. К. Блюхер, братья Николай и Иван Каширины, Н. Д. Томин. В зале разместились командиры полков, их заместители и начальники штабов.

Один за другим поднимались отважные командиры и коротко докладывали обстановку, о настроениях бойцов, наличии оружия и боеприпасов.

Положение партизан было тяжелым: кругом бушевали белоказачьи мятежи, боеприпасов было мало, а фронт проходил далеко. Ждать помощи неоткуда.

Выход один — пробиваться на соединение с главными силами Красной Армии.

Председательствующий на совещании Н. Д. Каширин предложил двигаться через Верхне-Уральск — Миасс к Екатеринбургу. Судя по сообщениям белогвардейских газет, там проходила линия фронта. Это был наиболее короткий и, казалось, наиболее легкий путь.

Н. Д. Каширин и поддерживавшие его командиры считали, что после взятия Верхне-Уральска насильно мобилизованные казаки разойдутся по домам и партизаны с наименьшей затратой сил и материальных средств достигнут намеченной цели. Учитывали они и настроения верхнеуральских партизан, желавших идти по родным местам, чтобы повидаться со своими семьями.

---

[1] В настоящее время Ф. Н. Сызранкин живет в Москве, работает начальником экспериментальной базы Центрального научно-исследовательского института технологии и машиностроения, дважды лауреат Государственной премии.

В. К. Блюхер и Н. Д. Томин придерживались другого мнения. Они предлагали идти на соединение с Красной Армией через рабочие районы Урала.

Я, писал В. К. Блюхер, «категорически выдвинул предложение идти на соединение с Красной Армией через рабочие районы Урала: или через Тирлян — Катав-Ивановский завод — Юрезань и далее в направлении к Екатеринбургу или к Красноуфимску, или через Авзяно-Петровский — Кагинский и Богоявленский заводы мимо Уфы, в район действия Красной Армии на Бирском фронте» [1].

— Двигаясь по рабочим районам,— говорил Василий Константинович,— мы значительно усилим свои ряды за счет рабочих заводов, двигаясь же на Верхне-Уральск через районы, охваченные восстанием белоказаков, мы растеряем свои силы и не достигнем намеченной цели.

В результате жарких споров большинство командиров высказалось за поход на Верхне-Уральск.

На этом же совещании постановили, чтобы все отряды, сгруппированные в районе Белорецка, называть Сводным уральским отрядом. Была определена и его структура. Он должен был состоять из трех отдельных отрядов: Верхне-Уральского, Троицкого и Уральского.

Главнокомандующим Сводным уральским отрядом был избран коммунист Н. Д. Каширин, первым заместителем — В. К. Блюхер, вторым — И. Д. Каширин.

Командующими отрядами были соответственно утверждены Ф. Пичугин, Н. Д. Томин и В. К. Блюхер.

17 июля главком отдал приказ о выступлении на Верхне-Уральск. Партизанам ставилась задача выбраться из горных и бедных хлебом районов, двинуться на север, перейти железнодорожную магистраль на участке Челябинск — Златоуст и, двигаясь дальше в северном направлении, соединиться с регулярными частями Красной Армии.

На рассвете 18 июля партизаны вышли из Белорецка и тремя колоннами двинулись на врага:

---

[1] *В. К. Блюхер.* Дорога храбрых. Опубликовано в сб. «Легендарный рейд». М., 1959, стр. 21.

в центре по тракту наступал Троицкий отряд, правее — на Большой и Малый Богодак — Верхне-Уральский, левее — на Тирлян — Белорецкий отряд.

Всего Сводный уральский отряд насчитывал тогда 4700 штыков, 1400 сабель, 46 пулеметов и 13 орудий.

Сильным ударом партизаны сбили белогвардейцев и стали преследовать их. 21 июля генерал Шишкин доносил, что Каширин «большими силами ведет наступление на Верхне-Уральск. Его головной отряд находится в 20 верстах от города. Принимаю меры к отражению. Помощь крайне необходима» [1].

Чем ближе подходили партизаны к Верхне-Уральску, тем отчаяннее сопротивлялся противник. Каждую сопку приходилось брать штурмом.

На помощь действующим частям пришел Уральский отряд Блюхера. Он занял позиции на главном направлении, непосредственно перед горой Извоз.

Против партизан действовали войска Уральского армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Ханжина. К 23 июля корпус имел в своем составе 3960 штыков, 12 055 сабель, 12 пулеметов и 12 орудий [2]. Это были главным образом офицерские части, разбавленные добровольцами, юнкерами, кадетами, гимназистами и насильно мобилизованными казаками. В резерве находились белочехи.

Имея огромное превосходство в силах и неограниченное количество боеприпасов, белоказаки оказывали упорное сопротивление. Обе стороны несли большие потери. В одной из атак ранило в ногу главкома Н. Д. Каширина. Временно командование принял его брат, Иван Дмитриевич. Мощной атакой противник был сбит и отброшен к горе Извоз — последним отрогам Уральских гор и главной укрепленной позиции белоказаков.

Успешное наступление партизан вызвало растерянность и нервозность в стане врага. Командир Уральского корпуса генерал Ханжин объявил выговор начальнику 2-й дивизии генералу Шишкину за пассивность и потребовал от него энергичных действий.

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 165.
[2] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 70, л. 50.

«Считаю,— писал Ханжин,— что вы несомненно обладаете численным преимуществом, на вашей стороне лучшая организация, лучшие условия питания и надежды на будущее. Что же заставляет вас пассивно сидеть и отбивать только удары ничтожного противника?

Еще раз требую выполнения моего приказа об энергичном переходе в наступление» [1].

Несмотря на успехи, положение партизан в целом было тяжелым. Впереди предстояли еще более ожесточенные бои, а боеприпасы на исходе. Скрытые враги из бывших казачьих офицеров стали изменять. В ночь на 27 июля сбежал командующий Верхне-Уральским отрядом Пичугин. Через несколько дней сбежал и его преемник — Енборисов.

Бегство кучки предателей не отразилось на боеспособности и моральном состоянии партизан. 31 июля они пошли на решительный штурм горы Извоз. Расположенная в 4 километрах от Верхне-Уральска, она хорошо защищала его. Подступы к ней были крутые, открытые и тщательно пристреляны. Фронт растянулся на 35—40 километров.

Перед штурмом Василий Константинович решил разведать расположение огневых точек противника и вызвал добровольцев. Вперед вышел старик с большой седой бородой и сказал:

— Я, товарищ командующий, пойду один в разведку.

Впоследствии Блюхер часто вспоминал свое первое знакомство с этим рабочим: «Я стоял на крыльце. И вот смотрю, подъезжает старик приблизительно 68 лет, сидя, как бог, на коне, будто он приготовился для позирования скульптору. Он спросил меня, где помещается штаб командующего.

Я ему сказал.

— Зачем тебе нужен штаб, дедушка?

Он ответил:

— Молокосос! Я спрашиваю, где штаб командующего, где командующий, а ты меня расспрашиваешь, для чего мне это нужно.

Я ответил, что я и есть командующий.

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 213—214.

Он был необычайно поражен. Осмотрел меня с головы до ног и с ног до головы и наконец сказал:

— Хочу поступить добровольцем. Я — рабочий Тирлянского завода.

Я приказал зачислить его в Челябинскую батарею... И вот под Извозом откуда-то появился этот старик... Мне стало жаль его. Но он был настойчив, и я дал согласие» [1].

Отважный разведчик сел на коня и галопом поскакал к горе. Едва он проехал полпути, как ударили пулеметы. 29 пуль пронзили его тело, 16 пуль попало в лошадь. Но рабочий сделал свое дело: расположение огневых точек противника было раскрыто.

Отряды перегруппировались и пошли в атаку. Однако ураганный огонь противника преградил им путь. Во избежание излишних потерь решили прекратить бой до наступления темноты. В ночь на 1 августа партизаны стремительно ворвались в окопы врага и пустили в ход штыки и гранаты. Произошла кровопролитная схватка. Позиции несколько раз переходили из рук в руки. «В центре идет бой, доходивший до рукопашной,— писали белогвардейцы.— Потери у нас значительные».

Наконец противник, втрое превосходивший силы партизан, был смят и обращен в бегство. 150 трупов оставил он на горе Извоз. Красная кавалерия стала преследовать. Против нее развернулось несколько казачьих полков противника, и они были отброшены.

Много наших бойцов сложили здесь свои головы во имя победы справедливого дела революции. Их подвиги не забыты Родиной. В ознаменование сороковой годовщины на горе был поставлен обелиск с надписью: «Здесь, на горе Извоз, в 1918 г. объединенный отряд красных партизан под командованием Николая Каширина наголову разбил соединения белогвардейских войск».

Противник оставил Верхне-Уральск, занял высоты, расположенные в 3 километрах восточнее города, и готовился к новым боям. Город оказался между позициями.

Надежда Н. Д. Каширина и его сторонников на

---

[1] «Легендарный рейд». М., 1960, стр. 24—25.

то, что с падением Верхне-Уральска белоказаки бросят оружие и разбегутся по домам, не оправдалась. Наоборот, они сосредоточили за городом восемь кавалерийских и два стрелковых полка и ждали выхода партизан на открытую местность. Командир Уральского корпуса генерал Ханжин сам приехал в район Верхне-Уральска и собирался лично командовать своими частями. Для борьбы с ними партизаны не имели достаточных сил и средств. Боеприпасов осталось по 50—60 патронов на бойца.

Кроме того, из белогвардейских газет стало известно, что Екатеринбург пал и Красная Армия далеко отошла на север. Дальнейшее наступление в этом направлении не имело смысла.

На военном совете было решено возвратиться в Белорецк и наметить другой маршрут похода.

Вечером 1 августа отряды снялись и двинулись в Белорецк. Вслед за ними в погоню ринулись две дивизии и несколько отдельных полков неприятеля. В отданном 2 августа генералом Ханжиным приказе говорилось: «Сегодня большевики очистили Извоз и отступают на Белорецк... Я решил атаковать и преследовать противника».

Генерал приказал окружить и уничтожить партизан. Но одного не учел он: стойкости и мужества южноуральцев. Они смело встретили натиск врага и сорвали его планы. Самоотверженно сражались арьергардные части, прикрывая отход главных сил. Пулеметчики 17-го Уральского полка преградили путь белогвардейской колонне. Завязался упорный бой.

«Я взялся за пулемет и дал по колонне белоказаков очередь,— писал командир взвода И. И. Каменский.— В колонне замешательство, а наши ребята повеселели. Я закричал: бей гадов, приложился к пулемету и пропустил всю ленту по передним рядам. Только и было видно, как барахтались люди, кони с визгом вскакивали на дыбы и падали. Орудие расстреливало их картечью».

Таких героев, как Каменский, нельзя было победить. Они до последней возможности сражались с врагом, умирали, но не отступали. Они задержали противника и обеспечили организованный отход партизан.

Партизанский главком

С этим походом может сравниться только поход Таманской армии.

Д. ФУРМАНОВ

К вечеру 2 августа южноуральцы прибыли в район Белорецкого завода. Они немедленно принялись за ремонт оружия и снаряжения. Все чистилось, проверялось, смазывалось. Приводились в порядок тачанки, телеги. Работа кипела вовсю. Партийный комитет города превратился в боевой штаб по оказанию помощи партизанам.

«То и дело звенел телефон,— писал секретарь парткома И. П. Козлов.— Сообщали сведения, просили помочь, заготовить, построить, усилить, послать, немедленно выполнить в срок. Эти термины стали привычными, и их употребляли ежечасно, ежеминутно. Нужно было быть готовым ко всяким неожиданностям, ибо кругом фронт, война».

В тот же день в доме управляющего заводом собрались на очередное совещание командующие отрядами, командиры полков, их помощники, начальники штабов. Тревожно было у всех на душе. Первая попытка вырваться из вражеского кольца через Верхне-Уральск потерпела неудачу. В прошедших боях партизаны понесли значительные потери, израсходовали большую часть боеприпасов и вынуждены были вернуться обратно.

Правда, в непрерывных боях бойцы еще больше закалились и сплотили свои ряды, но это досталось дорогой ценой. Главком Н. Д. Каширин вынужден был признать, что его план похода был ошибочным.

Эта ошибка стала теперь очевидной для всех командиров. Однако, чтобы не подрывать доверия к главному командованию, было решено объявить бойцам, что основной причиной возвращения отрядов в Белорецк является не допущенная ошибка, а предательство Енборисова.

«Изменнический поступок Енборисова,— говорилось в приказе по отрядам,— вынудил нас отказаться от дальнейших операций на Верхне-Уральск, так как Енборисов безусловно раскроет все наши планы и наши средства к дальнейшей борьбе с нашим противником, который, учтя это, будет оказывать упорное сопротивление, с тем чтобы заставить нас израсходоваться, а тогда взять нас голыми руками» [1].

Совещание было коротким. Обстановка не позволяла длительных дискуссий. Военный совет должен был обсудить два вопроса: наметить новый план похода южноуральских партизан и избрать главкома.

По первому вопросу выявились различные точки зрения. Одни предлагали закрепиться в Белорецке и драться здесь до последнего, другие — идти в Туркестан, третьи — распустить отряды вообще. Слово взял Блюхер.

— Армия не может воевать, не имея связи с базой, которая питала бы ее всем необходимым. Такая база была в Екатеринбурге, но он захвачен врагом. Надо пробиваться к нашим основным силам. Есть два пути: один — на запад, к Центральной России, другой — в Туркестан. Последний путь короче, но нам неизвестно, где сейчас находятся советские войска и какова там обстановка. Помощи ждать неоткуда. Надо идти на северо-запад, к берегам Камы, навстречу Красной Армии.

В это время была установлена телефонная связь с Богоявленским заводом. Начальник штаба Красной гвардии завода — рабочий-стеклодув М. В. Калмыков сообщил, что у них имеется запас оружия и боеприпасов, и рекомендовал двигаться через Богоявленский и Архангельский заводы к станции Иглино.

---

[1] «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 82.

Предложение В. К. Блюхера, поддержанное Белорецким партийным комитетом, было принято единогласно.

По второму вопросу слово взял И. Д. Каширин.

— Товарищи! Нам нужно избрать нового главкома. Я командую временно, брат ранен. На совещании под Верхне-Уральском командиры отрядов решили рекомендовать на должность главнокомандующего Сводным уральским отрядом товарища Блюхера.

Некоторые командиры были в недоумении. Зачем нового главкома? У нас есть старый!

Опираясь на костыль, поднялся Н. Д. Каширин.

— Как видите,— сказал Николай Дмитриевич,— мне трудно командовать. Да надо прямо сказать, что мы ошиблись. Время показало, что Василий Константинович был прав. Теперь его план прорыва вражеского кольца принят. Надо вручить ему и командование. А мы все будем ему помогать.

В последние дни бойцы и командиры видели Василия Константиновича в различных условиях. Все знали, что он не теряется в бою, не принимает необдуманных решений, проявляет исключительную заботу о подчиненных. В Блюхере партизаны видели стойкого коммуниста, смелого командира и хорошего товарища, всей душой преданного делу пролетарской революции.

Полное и беспрекословное подчинение Блюхеру казалось партизанам естественным и необходимым делом. И они единогласно избрали его своим главкомом.

В сложной обстановке на плечи В. К. Блюхера была возложена чрезвычайно ответственная задача. Он должен был самостоятельно решать очень сложные вопросы без каких-либо указаний сверху, полагаясь лишь на мнение Военного совета и собственное разумение.

Первым делом новый главком решил закончить реорганизацию отрядов, начатую еще Н. Д. Кашириным, и подготовить их к длительному походу. Все небольшие отряды были объединены, созданы отдел снабжения, санитарная часть с полевым подвижным госпиталем, следственная комиссия и другие тыло-

вые учреждения. В результате реорганизации была создана стройная система управления, напоминавшая по своей структуре стрелковую дивизию Красной Армии периода гражданской войны.

В то же время южноуральские отряды имели характерные черты, присущие партизанскому соединению: численность отрядов и подразделений была самая разнообразная; сохранился добровольческо-земляческий принцип комплектования и выборность всего командного состава сверху донизу; продолжалось самоснабжение продовольствием и боеприпасами; форма обмундирования была самой различной.

Во главе Сводного уральского отряда стоял главком, ему подчинялись командующие отрядами (бригадами), последним — командиры полков, отдельных эскадронов, батарей.

По призыву Белорецкого Совета трудящиеся завода с большой охотой оказывали помощь бойцам: металлисты круглые сутки ремонтировали боевое оружие, женщины пекли хлеб, шили белье, делали бинты.

Партийные организации развернули большую агитационную работу. Белоказаки стремились поссорить казачьи части с рабочими отрядами и разложить Сводный уральский отряд. В своих многочисленных листовках они писали, что Советская власть в Москве пала, возврата ей нет, и предлагали сдаться в плен.

Коммунистам и сочувствующим пришлось провести большую разъяснительную работу, чтобы разоблачить эту ложь. Тем, кто не верил в победу, кто сомневался в ней, агитаторы прямо и открыто говорили, что они могут оставаться на месте или возвращаться обратно. До сведения всех бойцов довели они приказ Блюхера, призывавший их смело идти вперед на соединение с Красной Армией.

«Оставаться здесь, в Белорецке, мы не можем,— говорилось в приказе главкома,— так как противник наш отказ сочтет за нашу слабость и безусловно поведет против нас активные действия, с тем чтобы нас взять в кольцо, и тогда нам трудно будет прорывать это кольцо.

Может быть, у многих красноармейцев возник-

нет сомнение в том, стоит ли идти в новом направлении, не лучше ли остаться здесь и где-нибудь укрыться. Товарищи! Такое решение будет весьма гибельным, так как легче всего переловить и передушить нас поодиночке, а когда же мы будем двигаться кулаком, справиться с нами будет трудно, потому что мы можем бороться и пробивать себе путь сплоченной силой.

Итак, вперед! Кто малодушен, оставайся, но помни, что одиночки — не сила и легко могут быть переломлены противником» [1].

Приказ главкома еще больше воодушевил партизан. Они верили ему, и эта уверенность звала их на новые битвы.

3 августа началась эвакуация Белорецка. Под прикрытием Уральского отряда через деревню Серменево в Узянский завод были переброшены госпиталь, обозы, беженцы. В ночь на 5 августа 1918 года Сводный уральский отряд покинул Белорецк. В авангарде шел Уральский отряд И. С. Павлищева, за ним — Троицкий отряд Н. Д. Томина. Прикрывал движение Верхне-Уральский отряд И. Д. Каширина. Фланговое охранение нес кавполк имени Степана Разина под командованием А. Е. Карташева.

Вместе с армией двигались семьи партизан и раненые бойцы — так называемый «обоз беженцев». Начальником этого разношерстного обоза фактически был раненый Н. Д. Каширин.

— За мной ехали все беженцы,— вспоминал он впоследствии.— Они все время смотрели: куда меня повезут — туда и они. У нас было полторы тысячи беженцев. Это были главным образом семьи красноармейцев.

Хотя Н. Д. Каширин и ехал вместе с ранеными, но он оставался первым помощником и другом В. К. Блюхера в течение всего похода.

Последним уходил с завода на рассвете 5 августа Белорецкий полк. Вместе с ним покидал родной город и горком партии. Члены горкома пошли в подразделения в качестве рядовых бойцов и политработников, а секретарь горкома — член КПСС с

---

[1] «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 82—83.

1905 года И. П. Козлов возглавил партийную организацию Белорецкого полка.

Легендарный рейд южноуральских партизан начался. Через хребты Урала, лесные чащи и топкие болота Башкирии, как железный поток, устремилась многотысячная партизанская армия, прорываясь из вражеского кольца. Шли баймакские шахтеры и белорецкие металлисты, казачья и башкирская беднота. Шли русские, украинцы, татары, башкиры, латыши, чуваши, вотяки, марийцы.

Рядом с народами великой России шли интернациональные отряды венгров, австрийцев, немцев, румын и китайцев. Говорили они на разных языках, но у всех была одна цель: защищать власть Советов.

Южноуральцам предстоял труднейший переход, полный неожиданностей. В чрезвычайно тяжелых условиях горной местности они должны были перевалить несколько труднодоступных хребтов Южного Урала, в том числе его основную высоту — Ала-Тау. Но ничто не могло остановить бойцов армии Блюхера. Находясь с марта 1918 года в непрерывных боях и походах, они были закалены и крепко спаяны между собой. Они были уверены в успешном завершении похода.

На 25 километров растянулся Сводный уральский отряд. По обеим сторонам Стерлитамакского тракта, по проселочным дорогам и тропинкам двигались кавалерийские разъезды, зорко охраняя партизан от внезапного удара врага.

Восемь дней шли бойцы среди лесов и гор, отбивая многочисленные атаки противника.

По пути следования к партизанам присоединялись сотни рабочих Белорецкого, Узянского, Кагинского, Авзяно-Петровского и других заводов.

Чтобы не выпустить партизан из гор, неприятель организовал преследование и засады. В своем приказе войскам Уральского корпуса генерал Ханжин потребовал от офицерского состава «употребить все меры к уничтожению отрядов Каширина и Блюхера, не обращая внимания на усталость. Отдых потом. Нельзя упускать благоприятную обстановку» [1].

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 370.

Но белогвардейцы не в силах были остановить партизан. 11 августа крупный белогвардейский отряд пытался преградить блюхеровцам дальнейший путь у села Петровского (в 28 километрах восточнее Стерлитамака).

Село находилось на развилке дорог, ведущих на Стерлитамак и Богоявленский завод, и имело большое тактическое значение для дальнейшего развития операций в том или другом направлении. В связи с этим Блюхер приказал командиру Уральского отряда И. С. Павлищеву к вечеру 10 августа занять Петровское. Когда же на другой день неприятель подошел к селу, он был внезапно атакован и разбит. Получив подкрепление, противник вновь перешел в наступление. Весь день шел ожесточенный бой. «Несмотря на наши энергичные и настойчивые действия,— доносили белые,— атаки села Петровского окончились неудачно...»

На следующий день бой возобновился с новой силой. Он завершился сокрушительным разгромом неприятеля. Даже белочехи не спасли положение. «Наш отряд чехословаков,— писали белогвардейцы,— бешеной атакой занял две линии окопов и ворвался в село Петровское, но, будучи обойденным конницей красных с правого фланга, вынужден был отойти на исходные позиции» [1].

Разбив белогвардейцев, южноуральские отряды Блюхера спустились в долину реки Белой. Крутые перевалы и окутанные туманом вершины Уральского хребта остались позади. Длительные переходы по скалам и узким тропинкам сильно утомили партизан. Но каким твердым был их шаг, какая дисциплина и спайка. Никто не падал духом.

Не обходилось дело и без курьезов. Погода стояла жаркая, пыль столбом поднималась вверх и густым слоем покрывала лица. А рядом река Белая. Ну как тут не искупаться! Только влезли белорецкие кавалеристы в реку — как совсем рядом из лесу выскочили белогвардейцы. Командир сотни Г. И. Штырляев подал команду к бою. Одеваться было некогда. Голыми повскакали бойцы на коней и ринулись с

---

[1] ЦГАОР, ф. 1718, оп. 1, д. 95, л. 7.

шашками и пиками в атаку. Долго потом вспоминали эту атаку.

12 августа в штабе главкома состоялось очередное совещание. Принимая во внимание, что противник сосредоточил в Стерлитамаке значительные силы и город без боя не сдаст, было решено совершить фланговый марш вдоль реки Белой на север и выйти в район Богоявленска (ныне Красноусольск), где уже два месяца местные партизаны вели героическую борьбу с контрреволюцией.

Радостно встречали красноусольцы своих братьев партизан. Веселые и жизнерадостные, стройными рядами проходили они через села, вызывая восхищение местных жителей и вдохновляя их на борьбу с врагом.

— Сколько было радости, когда мы из Ахметки увидели, как на Табынское поле высыпали первые кавалерийские эскадроны,— рассказывает участник похода Н. Ф. Грозенок.— На всю жизнь остались в памяти те счастливые минуты, когда стройные сотни партизан проезжали мимо нашего отряда. Первой в Ахметку въехала конница. Сотни километров прошла она в схватках с белыми, пробивая себе путь. Но на лицах бойцов не было видно усталости. Веселые, бодрые, сидя на конях, они дружно и слаженно пели: «Ревела буря, дождь шумел». За конницей двигались большие обозы, на подводах сидели красноармейцы. Там были русские и мадьяры, латыши и татары — люди разных национальностей и возрастов. Все они были проникнуты одной идеей, как и мы: бороться до победы.

Разведка Архангельского отряда доносила, что противник по обоим берегам реки Сим строит укрепления и сосредоточивает крупные силы. Впереди ожидались тяжелые бои. 14 августа Блюхер созвал Военный совет, чтобы еще раз посоветоваться со своими командирами о плане боевых действий, определить задачи отрядов, окончательно утвердить маршрут движения и решить судьбу богоявленско-архангельских партизан.

Василий Константинович обратил особое внимание командиров на укрепление дисциплины, усиление разведки и охранения частей во время марша.

Проверкой, которую он проводил лично, выяснилось: некоторые части плохо организуют службу разведки и охранения, что могло привести к серьезным потерям на марше. Блюхер потребовал от всего командного состава принятия самых энергичных мер к бдительному охранению своих частей.

«Лица, несущие небрежно службу охранения и разведки,— говорится в приказе главкома,— будут предаваться военно-полевому суду с применением к ним самых суровых мер наказания, так как результатом небрежного отношения к службе охранения и разведки может быть гибель целой части и даже отряда. Каждый боевик должен проникнуться сознанием необходимости в настоящий момент, когда противника можно ожидать со всех сторон, охранять себя и своих товарищей самым бдительным образом» [1].

С выходом партизан на равнинную местность обстановка для них значительно осложнилась. Противник имел возможность теперь маневрировать своими силами и наносить удары со всех сторон. Партизанам предстояло преодолеть многочисленные болота и форсировать большие реки.

Военный совет утвердил дальнейший путь южноуральцев из Богоявленска через Архангельский завод к станции Иглино и далее на север, в район Кунгура. Присутствовавший на совещании М. В. Калмыков высказался за присоединение богоявленско-архангельских партизан к Сводному уральскому отряду, чтобы двигаться вместе с ним на соединение с Красной Армией. По этому вопросу решили посоветоваться с населением и боевиками.

Вечером в бывшем директорском саду собрался многотысячный митинг богоявленцев. Первым выступил Блюхер. Он изложил общую обстановку, рассказал о твердом решении своих отрядов во что бы то ни стало пробиться на соединение с Красной Армией и призвал богоявленских партизан присоединиться к ним.

После главкома слово взял рабочий завода Костя Калашников. Он сказал:

---

[1] ЦГАДА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 177.

— Надо выбирать между революцией и нашими детьми. Я люблю детей, но революция мне дороже. Я за то, чтобы завтра же создать Богоявленский полк и всем вместе пойти бить белогвардейцев. Другого пути у нас нет и быть не может.

Затем был объявлен небольшой перерыв, чтобы каждый боец мог посоветоваться со своей семьей.

«Картина была чрезвычайно трогательная,— вспоминает М. В. Калмыков.— Теплая лунная ночь. Под деревьями сидят наши бойцы, каждый со своей семьей, тихо шепчутся или беседуют вполголоса. Чаще всего слышится: «Другого выхода-то нет, иди с отрядом... Быстрей разбейте белых да скорей возвращайтесь домой»» [1].

Когда снова собрались на митинг, то единогласно решили: выступить с отрядами Блюхера и вместе пробиваться из вражеского кольца, семьи оставить на заводе, взяв с собой только женщин — членов партии.

Три дня отдыхали бойцы Сводного уральского отряда в Богоявленском районе, приводя себя в порядок после длительного и трудного перехода. Меньше всех отдыхали коммунисты. Они проводили беседы, собрания, готовили бойцов к новым боям.

16 августа Сводный уральский отряд двинулся дальше, к Архангельскому заводу. Здесь к нему присоединились еще два полка — Архангельский стрелковый и Уфимский кавалерийский. Командовал Архангельским отрядом коммунист Владимир Дамберг. Южноуральская армия состояла теперь из шести стрелковых и трех кавалерийских полков, численностью около 9 тысяч штыков и сабель.

Предвидение В. К. Блюхера о том, что, двигаясь по рабочим районам, они не только не растеряют своих сил, но и значительно увеличат их, полностью оправдалось.

Сводный уральский отряд занимал в это время большую территорию, образуемую слиянием трех рек: Белой (запад), Сима (север) и Зилима (юг). С востока прижимали Уральские горы. Образовался

---

[1] «На Южном Урале». М., 1958, стр. 109.

мешок, в котором белые рассчитывали сильными ударами с юга и запада разбить партизан, сбросить их в бурный Сим и уничтожить.

Но Блюхер разгадал замысел белогвардейцев и принял соответствующие контрмеры. Он приказал Уральскому отряду с приданным к нему Архангельским полком сбить противника, форсировать Сим (ориентировочно в районе деревни Бердина Поляна), захватить плацдарм и обеспечить переправу всех частей.

Тем временем другие отряды должны были задержать неприятеля на двое-трое суток.

Чтобы отвлечь внимание неприятеля от основного направления и ввести его в заблуждение, главком поручил Троицкому отряду произвести ложную переправу через реку Белую в районе деревни Шареево.

Однако враг опередил. С утра 19 августа он перешел в общее наступление. 12 суток продолжались непрерывные бои на всех фронтах.

Положение партизан осложнялось крайне ограниченным запасом боеприпасов. В связи с этим главком издал специальный приказ, в котором потребовал от всего командного состава «...следить за экономным расходованием патронов и снарядов, обстреливая лишь ясно видимые цели, представляющие группы или цепи противника, отнюдь не допуская стрельбы по одиночным людям» [1].

Бойцам приходилось часто действовать штыком и саблей, прибегая к стрельбе в крайних случаях.

Наступление противник начал сильным артиллерийским обстрелом позиций богоявленцев. По одной деревне Зилим было выпущено более 200 снарядов. Деревня загорелась. Густой дым покрыл все поле боя. Вслед за этим белые двинулись в атаку. Они следовали одна за другой. Вечером М. В. Калмыков доносил главкому: «Деревня Зилим вся сгорела. Противник пытался переправиться через реку, но безуспешно. Он все время обстреливает наши цепи из четырех штурмующих орудий.

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 147.

Ввиду того что деревня сожжена, оттягиваю полк к опушке леса, находящегося в 2-х верстах от Зилима».

Заняв выгодную позицию за деревней, Богоявленский отряд держал под прицельным огнем Зилим и успешно отбивал все попытки белогвардейцев форсировать реку. Отступать дальше было нельзя. Авангардные части еще вели бой на реке Сим, и отходить было некуда.

Четыре дня мужественно стояли богоявленцы на этих позициях, не отступив ни на шаг, дав тем самым возможность другим отрядам успешно форсировать Сим.

Не менее ожесточенный бой разгорелся в этот день и на участке Троицкого отряда. В ночь на 19 августа противник форсировал реку Белую и повел наступление на деревню Ирныкши. От артиллерийского огня она загорелась. Прикрываясь дымовой завесой, враг вплотную подошел к деревне и потеснил бойцов 17-го Уральского полка. В Ирныкшах в это время находился Блюхер. Он приказал ввести в бой две роты интернационалистов и восстановить положение. Стремительным броском бойцы-интернационалисты вплотную подошли к белогвардейцам, а затем дружной штыковой атакой смяли их и отбросили за Белую.

Угроза разгрома партизан по частям была ликвидирована.

В это время 1-й Уральский и Архангельский полки уже форсировали Сим и захватили плацдарм на правом берегу реки. Вслед за ними переправился Верхне-Уральский пехотный полк с батареей и конной сотней. Дружной атакой партизаны потеснили неприятеля и расширили плацдарм. Спешно началось строительство моста. К вечеру он был готов. Всю ночь переправлялись блюхеровцы через Сим.

Занимая командные высоты у деревень Слутка и Родники, белогвардейцы хорошо видели, как на плацдарме скапливались красные полки.

Три участка — Зилим, Ирныкши и Бердина Поляна приковали к себе основные силы обеих сторон. Как свечи горели три села. Здесь решалась сейчас судьба партизанской армии. Сумеет ли она выдер-

жать ожесточенную схватку? Сражение было еще в самом разгаре, и трудно было предсказать, чем оно закончится. Командующий белогвардейскими войсками получил строгое приказание о том, чтобы «красные не были допущены на правый берег реки Сим и ликвидированы здесь» [1].

Противник хотел воспользоваться стесненным положением блюхеровцев, чтобы стремительной лавиной с высот смять их и сбросить в бурный Сим. Над плацдармом нависла серьезная угроза.

Принимая во внимание всю важность предстоящей операции, Василий Константинович переправился через Сим и взял на себя непосредственное руководство боем. Он направил 17-й Уральский полк на Родники, а 1-й Уральский — на Слутку. Бойцы встали и молча двинулись на врага.

Кавалерийские полки С. П. Галунова и А. Е. Карташева стояли в резерве и ждали только команды, чтобы ринуться в атаку с флангов.

Присутствие В. К. Блюхера, И. Д. Каширина, Н. Д. Томина и И. С. Павлищева вносило бодрость и уверенность в ряды бойцов. Они крепко сжимали винтовки и безостановочно шли вперед.

Белогвардейцы молчали. Они, очевидно, хотели поближе подпустить атакующие цепи, чтобы шквальным огнем смести их. Напряжение нарастало. До противника осталось несколько сот метров. Вдруг мощное «ура» потрясло воздух. Это наши полки бросились в атаку. Одновременно красная кавалерия развернулась в лаву и ворвалась в лагерь неприятеля с флангов. В течение нескольких минут враг был смят и разбит.

26 августа переправа была закончена. Все попытки противника уничтожить красные отряды в трехречье благодаря умелому руководству В. К. Блюхера, стойкости и мужеству всего личного состава потерпели полный провал. Жестокая схватка с врагом закончилась в пользу партизан.

В конце августа Южноуральская партизанская армия вышла к Самаро-Златоустовской железной дороге в 12 *км* восточнее Уфы. Советские войска Во-

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1, л. 1049.

сточного фронта в это время вели ожесточенные бои. Хорошо вооруженные и отлично вымуштрованные белочешские войска, поддержанные белогвардейской так называемой «народной армией», вышли к Волге и рвались к Перми. Под их ударами малочисленные части Красной Армии отступали. Уфа оказалась в глубоком тылу. Белогвардейцы чувствовали себя в полной безопасности и были уверены в прочности и незыблемости своих тылов. Неожиданное появление под Уфой крупных партизанских сил нарушило их покой. Для защиты города была объявлена срочная мобилизация «всех офицеров, подпрапорщиков, фельдфебелей, унтер-офицеров и соответствующих им званий, проживающих в Уфе».

Руководство всеми силами, действовавшими против партизан, было сосредоточено в руках командующего войсками Уфимской губернии генерала Тимонова. В его распоряжение непрерывно шли свежие подкрепления, в том числе отряды интервентов. Четыре вражеских отряда общей численностью свыше четырех тысяч штыков и сабель плотным кольцом охватили партизанские полки.

Кроме того, на станции Улу-Теляк находился 17-й казачий Чебаркульский полк и башкирские добровольческие части, в Уфе — 13-й и 14-й пехотные полки, 1-й башкирский добровольческий полк, польские легионеры и артиллерия; оборону железнодорожного моста через реку Уфу нес сводный отряд в 700 штыков.

Белогвардейцы ликовали: наконец-то блюхеровцы попались в крепкую ловушку и будут уничтожены. Об этом с полной уверенностью говорится в их донесении своему шефу — белочешскому полковнику Чечеку: «Главные силы красных окружены и скоро будут ликвидированы».

Однако никакие потуги белогвардейцев и интервентов не могли остановить победоносное шествие партизанских полков. Спокойно и уверенно вел их молодой главком к намеченной цели.

Несмотря на то что неприятель имел преимущество в силах, выгодное расположение своих войск, во главе которых стояли опытные генералы и полковники, ему не удалось осуществить свой замысел. Не

удалось потому, что Блюхер все время держал инициативу в своих руках. Производя перегруппировку своих отрядов по внутренним коммуникационным линиям, он наносил белым концентрированные удары в наиболее уязвимых местах и разбивал их по частям.

Моральное состояние партизанских полков было значительно выше, чем у белогвардейцев.

«Во всех отрядах главным костяком,— говорил В. К. Блюхер,— были пролетарские части, состоявшие из рабочих Южного Урала. Значительную прослойку среди них составляли коммунисты. У всех была мечта как можно скорее соединиться с Красной Армией, влиться в ее ряды и вести дальнейшую борьбу с белыми за власть Советов. Все только и думали о том, что в далекой Москве находится наш вождь Владимир Ильич Ленин и что он примет все меры, чтобы освободить от врага не только Урал, но и всю территорию Советской России» [1].

Тем не менее положение партизан оставалось тяжелым. Нужно было как можно быстрее перейти железную дорогу и ускоренным темпом идти на север, на соединение с Красной Армией, чтобы не дать противнику время для подвоза подкреплений.

Задача прорыва осложнялась наличием вблизи крупного города — Уфы, где предполагалось сосредоточение больших резервов врага, которые он мог по железной дороге быстро перебрасывать к месту прорыва.

Накануне штурма железной дороги Василий Константинович еще раз подчеркнул трудность и важность предстоящей операции и призвал личный состав «приложить все усилия для выполнения поставленной задачи по прорыву, помня, что наша неудача поставит нас в безвыходное положение, успех же сулит нам выход и соединение со своими войсками, обеспеченный тыл, налаженное довольствие и базу снабжения огнестрельными припасами. Командному составу разъяснить боевикам важность предстоящей операции» [2].

---

[1] *А. Спасский.* Третья армия. М., 1958, стр. 64.
[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 66 об.

Вечером во всех отрядах прошли партийные собрания и беседы, на которых обсуждалось обращение Блюхера. Всюду принималось одно решение: четко выполнить приказ главкома.

Для овладения железной дорогой Блюхер выделил три отряда: левофланговому Верхне-Уральскому отряду ставилась задача занять станцию Иглино и развивать наступление по линии железной дороги в сторону Уфы.

Правофланговому Архангельскому отряду главком приказал, «не считаясь с трудностями большого перехода», занять к вечеру 28 августа позиции и на следующий день «овладеть селом Ново-Троицкое и разъездом Кудеевка, испортить путь и стрелки на разъезде Кудеевка. В случае успеха уничтожить мост через Улу-Теляк» [1], чтобы не допустить подвоза подкреплений белогвардейцам из Златоуста. Наступавший в центре Уральский отряд должен был овладеть разъездом Чуваши (в 15 километрах восточнее станции Иглино) и селом Кубово-Чувашское.

Главная задача по прорыву железной дороги возлагалась на Верхне-Уральский отряд И. Д. Каширина, в связи с чем главком приказал Н. Д. Томину усилить верхнеуральцев одним батальоном пехоты, сотней кавалерии и двумя орудиями.

Остальные части Троицкого отряда прикрывали операцию с юга и юго-запада. Богоявленский отряд обеспечивал правый фланг от удара с юга и оказывал помощь Архангельскому отряду.

Операцию приказано было начать одновременно в 3.00 29 августа.

Накануне день прошел исключительно напряженно: отряды совершали перегруппировку и занимали исходное положение для общего наступления.

Партизаны с нетерпением ждали начала операции и рвались в бой. Наконец-то они подошли к железной дороге, за которой, как им казалось, кончатся все их трудности и они соединятся с Красной Армией.

Ровно в назначенное время отряды пошли в атаку.

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 68.

«Настроение у бойцов бодрое,— пишет И. Д. Каширин.— Рвутся перехватить железную дорогу. Полки рассыпаны на исходных позициях. И стоило только бойцам увидеть Иглино и железную дорогу, как правофланговый батальон Белорецкого пехотного полка, несмотря на предупреждение ждать команды, самовольно поднялся и с криком «ура!» пошел в наступление.

Этот момент едва не оказался роковым для нашего отряда» [1].

Подпустив белоречан на близкое расстояние, белочехи нанесли им сильный фланговый удар. Со штыками наперевес они стали преследовать расстроенные ряды партизан. Их артиллерия открыла сосредоточенный огонь по резервам и обозу Верхне-Уральского отряда, стоявшим в деревне Алаторке. Стройными рядами, как на параде, наступали белочехи по всему фронту. Они уже приближались к Алаторке.

«Положение было настолько тяжелым,— пишет далее И. Д. Каширин,— что казалось, все погибло».

В специальном донесении Блюхеру он просил: «немедленно прислать помощь в Алаторку, так как нас обходят со станции Иглино слева. Положение серьезное, шлите помощь. Каширин» [2].

С большим трудом под сильным огнем противника С. П. Галунов вывел свой полк за деревню и развернул для атаки.

Одновременно командир Белорецкого полка коммунист А. В. Пирожников с резервным батальоном бросился на помощь своим отступающим бойцам. В ожесточенном встречном бою ему удалось остановить белочехов и заставить их залечь. В это время во фланг и тыл неприятелю ударил Верхне-Уральский казачий кавполк во главе с Галуновым. Сверкая клинками, красные кавалеристы сплошной лавиной неслись на врага. Белоречане поднялись и грозной стеной двинулись в стремительную атаку с фронта. Удар был настолько внезапным и сокрушительным, что белочехи в течение нескольких минут

---

[1] «Легендарный рейд», стр. 102.
[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 2, л. 105.

были смяты и обращены в бегство. Положение коренным образом изменилось. Теперь уже противник, бросая оружие, панически бежал к железной дороге, под прикрытие своей артиллерии и пулеметов, установленных на открытых платформах и в дверях товарных вагонов.

Быстро погрузившись в вагоны и отстреливаясь из пулеметов, интервенты спешно отошли пятью эшелонами в сторону Златоуста. В 5 часов утра 29 августа станция Иглино была занята. В то же время Архангельский отряд В. Дамберга на правом фланге занял станцию Ново-Троицкое и взорвал два моста.

Железная дорога на протяжении 40 километров была занята партизанами. На пять суток было прервано железнодорожное сообщение между Уфой и Златоустом. В Уфе царила паника. Намеченное на 1 сентября Уфимское государственное совещание было сорвано.

Белые войска под ударами партизан разлагались и отказывались воевать. Об этом красноречиво говорит телеграмма командующего Поволжским фронтом полковника Чечека от 31 августа 1918 года: «Группа красных, оперировавшая в районе ст. Иглино — дер. Зобова, продвигается на север, на деревню Красный Яр, что на восточном берегу р. Уфы, и, видимо, уходит из-под наших ударов. Последнее противнику значительно облегчено бездействием отряда полковника Колесникова, находящегося до сего времени к востоку от р. Сим. По имеющимся сведениям, один из казачьих добровольческих полков этого отряда самовольно ушел в Верхне-Уральск. Башкирская рота взбунтовалась и приведена под конвоем в Уфу. Под влиянием утомления среди частей отряда существует стремление прекратить боевые действия» [1].

На смену разложившимся полкам белогвардейцы бросали свежие части. Они прилагали все усилия, чтобы не выпустить партизан из кольца.

30 августа командующий Поволжским фронтом полковник Чечек вторично приказал ввиду «острого

[1] «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. 1. М., 1940, стр. 369.

положения под Уфой объединить командование в одних руках над всеми действующими в этом районе отрядами в руках генерала Тимонова» и потребовал от него сбросить Блюхера «с пути и не выпускать его на север в лесные дебри, откуда он может создать постоянную угрозу нашим сообщениям, а вновь его гнать на юг, для чего вам теперь же необходимо собрать в свои руки и фактически подчинить себе отдельные куски чехословаков, куски казаков Колесникова и отряда полковника Курушкина, установив с ними прочную связь... для окончательного разгрома красных» [1].

В конце августа против партизан действовало в общей сложности свыше 13 полков и много отдельных отрядов.

В глубоком тылу врага появился новый, Уфимский фронт.

Своими действиями южноуральцы воодушевляли трудящихся временно оккупированной территории на усиление борьбы с врагом, отвлекали большие силы его войск, чем оказали значительную помощь советским войскам Восточного фронта в проведении Казанской операции [2]. Белогвардейцы бессильны были остановить их победную поступь. В этом признавались и сами интервенты. Так, генеральный консул США в Иркутске Гаррис телеграфировал в Вашингтон государственному секретарю:

«Положение на Волжском фронте критическое. Новые трудности возникают из-за каширинских большевистских войск, состоящих приблизительно из 6000 пехоты и 3000 кавалерии с 30 пулеметами. Войска эти хорошо организованы и способны прекрасно маневрировать. У нас нет надежных войск против этих сил».

В Иглино партизанам стало известно, что к югу от Кунгура сражаются регулярные части Красной Армии. Василий Константинович и повел туда свою армию. Белогвардейцы двинулись в погоню. Вечером 31 августа генерал Тимонов приказал «всем войскам, находящимся в районе Покровского — Иглино, с утра

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 22—23.
[2] См. «Легендарный рейд», стр. 186.

спешно наступать на север в направлении Башильдино — Немислярово — Мечетлино... Противника во что бы то ни стало догнать и разбить» [1].

Но и на этот раз их ждало горькое разочарование. Они вновь были биты.

Утром 1 сентября Уральский отряд и две сотни верхнеуральцев вышли к реке Уфе у деревни Красный Яр. Полсотни километров они прошли без отдыха за одни сутки. Впереди лежала крупная водная преграда — река Уфа шириной до 200 метров и глубиной около 5 метров. Не раздумывая, И. С. Павлищев приказал с ходу форсировать реку. Используя единственный паром, а также подручные материалы (бревна, доски, плоты), бойцы переправились на западный берег и закрепились.

Вслед за ними вплавь пересекли реку и кавалеристы. Плацдарм был завоеван.

К этому времени в районе Красного Яра сосредоточились главные силы партизан. Для переправы раненых и обозов необходимо было строить мост. А раненых было много.

— Был у нас госпиталь на колесах,— говорил В. К. Блюхер на встрече с писателями в 1935 году. Мы возили раненых на повозках. Госпиталь представлял собой очень тяжелую картину. Представьте себе несколько сотен обыкновенных подвод, на которых лежат по два человека тяжело раненных. Мы двигались по 30—40 верст, с утра до вечера. Люди находились в жутких условиях, перевязочных материалов не хватало. Подойдешь, бывало, к подводам, спросишь: «Тяжело, ребята?» Они ответят: «Ничего, только не бросайте».

И мы их не бросили. Свыше четырехсот раненых вывезли из окружения и сдали в госпитали 3-й армии.

Сооружение моста осложнялось отсутствием вблизи строительного материала и технически подготовленных кадров. Но другого выхода не было. Чтобы не тратить время на заготовку и подвоз леса, Блюхер приказал купить у местных крестьян заброшенные постройки и разобрать их.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 161.

Вскоре работа закипела. Руководил постройкой адъютант главного штаба М. Д. Голубых. Большую помощь саперам оказали жители Красного Яра. Со всех концов села тащили они доски, скобы, добровольно разбирали постройки и на своих лошадях подвозили бревна к реке.

Тем временем неприятель подтянул к переправе крупные силы и с утра перешел в наступление, нанося удары с фронта и тыла.

С фронта действовали 13-й и 14-й Уфимские белые полки, части уфимского гарнизона и сводный отряд из Бирска и Аскино с артиллерией.

Переправившиеся партизаны весь день вели ожесточенный бой. В донесении главкому И. С. Павлищев писал:

«Противник непрерывно атакует части, бьет во фланг, пытается прижать к Уфе. С большим трудом сдерживаем напор. Опасаюсь за исход боя».

Над плацдармом нависла угроза. В то же время полковник Моисеев превосходящими силами теснил Троицкий отряд с тыла. Заняв деревню Немисклярово, он весь день 2 сентября непрерывно атаковал позиции троичан у деревни Ново-Кулево. Левее по реке Салды-Баш Богоявленский и Архангельский отряды вели бои с обходной колонной есаула Старикова, спешившей к Красному Яру.

В резерве у главкома находился один Верхне-Уральский отряд. Куда его направить, где лучше использовать?

Взвесив все обстоятельства, Блюхер решил переправить его на западный берег Уфы, сильным ударом разбить противника и расчистить путь для южноуральцев. Это было смелое и единственно правильное решение.

В ночь на 3 сентября кавалерия вплавь, пехота на пароме и бревнах форсировали реку и с ходу вступили в бой.

«Ночью мы предприняли рискованный маневр,— писал И. Д. Каширин.— Казачий полк имени Степана Разина направляется против наступающего из Бирска противника. Наша пехота укрепляется на берегу. Верхнеуральские красные казачьи сотни заходят в глубокий тыл главной белогвардейской ко-

лонне, двигавшейся из Уфы. Нащупываем движение противника и начавшуюся уже расстановку его сил».

Обе стороны готовились к решительной схватке. Силы были примерно равные.

В ходе сражения на реке Уфе строительство моста занимало важное место в планах главкома. Он внимательно следил за ходом работ и торопил саперов. В разгар работы, когда уже большая часть моста была построена, на реке появился огромный плот. Саперы бросились к лодкам и с большим трудом изменили направление плота, пропустив его в незастроенный пролет.

Во избежание в дальнейшем подобных «сюрпризов» адъютант главного штаба Н. В. Баранов просил главкома «в самом срочном порядке сделать распоряжение по деревням, кои стоят на берегу Уфимки вверх по течению, чтобы каждая деревня выставила людей с лодками для задержки плывущих по реке плотов, дабы этим обезопасить свой вновь строящийся мост... Одновременно сообщаю, что строительство моста двигается, мною насчитано поставленных 12 быков, еще остается поставить пять».

В полдень 3 сентября мост был построен. Но Василий Константинович медлил с переправой. Он был по-прежнему напряжен и сосредоточен. На обоих берегах реки шли ожесточенные бои, исход которых трудно было предугадать.

А вдруг Уральский и Верхне-Уральский отряды не выдержат и отойдут к переправе, что тогда будет с ранеными? Хотя на восточном берегу противник тоже наступал, но здесь было больше сил и ими можно было еще маневрировать. Каждый час связные привозили в главный штаб донесения, в которых командующие отрядами сообщали тревожные вести и требовали боеприпасов. О людях они молчали, потому что знали, что у главкома нет никаких резервов. Все части находились на позициях.

Наибольшую опасность представляла Уфимская группировка белых, наступавшая вдоль реки. Она стремилась прорваться к переправе. Весь день шел упорный бой в районе деревни Быково. Наконец враг выдохся и перешел к обороне.

— Противник приостановлен,— доносил Каши-

рин в 17 час. 35 мин.— Сейчас мы стараемся обойти его справа, со стороны Архангельского.

Разведка донесла, что неприятель плохо охраняет свой левый фланг. И. Д. Каширин решил воспользоваться беспечностью врага и направил в тыл к нему отряд кавалерии во главе с заместителем командира Верхне-Уральского кавполка Ф. А. Вандышевым. По глубоким оврагам обошел он незаметно со своим отрядом позиции противника и, развернувшись в лаву, стремительно атаковал его с тыла. Удар был внезапным и сильным. Белогвардейцы растерялись. В их рядах поднялась паника. В это время пехотные полки А. В. Пирожникова и И. В. Погорельского перешли в наступление с фронта.

Дружной совместной атакой партизаны смяли белогвардейцев и сбросили в реку Уфу. Значительная часть их утонула, а остальные сдались в плен.

«В результате этого боя,— отмечал в своем приказе В. К. Блюхер,— был полный разгром группировавшегося здесь противника, потерявшего много убитыми, ранеными и пленными. По предварительному подсчету, в наши руки здесь попало три орудия в полной исправности, 200 снарядов, 8 пулеметов, много винтовок, патронов и 200 пленных».

О разгроме И. С. Павлищевым бирской группировки белых в районе деревни Казанки мы узнаем из оперативной сводки штаба Уральского корпуса от 4 сентября.

«Бирские отряды, наступавшие на Казанку,— говорится в ней,— под давлением громадных сил красных, насчитывающих более шести тысяч, отошли к Иликово, откуда переходят в Языково» [1].

Слово «отошли» надо понимать в кавычках. Удар Павлищева был настолько сильным, что командование бирских отрядов с перепугу в четыре раза увеличило численность партизан, действующих под Казанкой. Оставшиеся в живых белогвардейцы в панике бежали на Иликово.

Не меньший разгром противника учинили бойцы под командованием Н. Д. Томина на восточном берегу Уфы. Весь день 3 сентября Троицкий отряд вел

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 350.

ожесточенный бой. Ценой огромных потерь врагу удалось занять деревню Ново-Кулево. Он неистово рвался к переправе. Все резервы были брошены в бой. Главком приказал Н. Д. Томину во что бы то ни стало остановить наступление белогвардейцев и ни на шаг больше не отступать к реке, так как началась уже переправа раненых и обозов. В случае дальнейшего отхода могла получиться паника, и трудно предположить, чем бы все это кончилось.

Своей самоотверженной борьбой троичане остановили врага и обескровили его. Полковник Моисеев запросил помощи. В своей телеграмме начальнику штаба белогвардейского Уральского корпуса он писал:

«Доношу, что в 8 час. утра 3 сентября с боя занята деревня Ново-Кулево, после чего отряд медленно начал продвигаться вперед, но у деревни Старо-Кулево задержан арьергардом противника, состоящим из мадьяр и латышей общей численностью до тысячи человек. Наши цепи залегли перед позициями противника на расстоянии 100—200 шагов, причем понесли большие потери, точное число которых установить не могу. В резерве у меня ничего нет. Прошу передать командиру корпуса мою просьбу о помощи. Может быть, будет приказано чехам, находящимся на станции Иглино, меня поддержать?» [1]

К вечеру Моисеев получил подкрепление и вновь перешел в наступление. Сильные атаки белых следовали одна за другой.

«Положение создалось крайне напряженное,— писал помощник начальника штаба Троицкого отряда В. С. Русяев.— Расстояние между цепями с каждой минутой уменьшалось. Вот белые подошли на 200—300 шагов. Нужно было действовать. Томин отдал распоряжение 17-му Уральскому полку отбросить противника гранатами и штыковой контратакой».

Грозной стеной двинулись уральцы на врага. Стремительным ударом они смяли белогвардейцев и разгромили их. Отдельный Сибирский отряд полковника Моисеева фактически перестал существовать как ударная сила.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 389.

«После вчерашнего боя,— говорится в донесении штаба 6-й дивизии белых,— отряд полковника Моисеева насчитывает 300 человек» [1].

Своими победами 3 сентября партизаны еще раз убедительно показали врагу, что он не в силах преградить им путь на соединение с Красной Армией.

Троицкий отряд последним покинул восточный берег Уфы. Дальнейший путь был свободен.

Пройдя 200 километров на север по Кунгурскому тракту, партизаны 11 сентября подошли к селу Аскино. Здесь от местных жителей они узнали, что в соседней Тюйно-Озерской волости действуют части Красной Армии.

На следующий день В. К. Блюхер объявил день отдыха, для того «чтобы население впереди лежащих пунктов успело получить сведения о движении наших отрядов, не приняв их за белых, и не начало бы разбегаться, как это наблюдалось в последних пунктах» [2].

Для установления связи с советскими войсками решили направить разведку. Главком поручил это ответственное и почетное задание В. С. Русяеву.

Вечером Василий Константинович пригласил его к себе и долго беседовал, давая подробные указания, как действовать. Советские войска не знали о существовании в тылу противника партизанских отрядов и могли принять их за белых. Чтобы избежать ненужного кровопролития, надо было действовать осмотрительно.

— Я думаю,— сказал в заключение беседы В. К. Блюхер,— лучше всего сделать это так: завтра утром возьмите с собой сотню кавалерии — это на тот случай, если вместо красных неожиданно встретятся белые. Для того чтобы советские войска могли отличить вас от белогвардейцев, соберите все знамена отряда, как на демонстрацию, и везите их в голове эскадрона, к древкам пик прикрепите длинные кумачовые полотнища. Словом, чем больше у вас будет красного, тем скорее вы сможете убедить наших товарищей, что они имеют дело не с белогвардейцами, а с партизанами.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 344.

[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 86.

Всю ночь готовился Виктор Сергеевич к встрече: отбирал и инструктировал бойцов, собирал знамена, проверял снаряжение. Рано утром 12 сентября красный отряд отправился на разведку в деревню Тюйно-Озерск. Настроение было приподнятое.

В это же время командир 1-го Советского Бирского полка Ф. Воробьев, не зная о том, что в селе Аскино уже находятся отряды Блюхера, приказал командиру 6-й роты «с утра 12 сентября повести наступление в направлении Тюйно-Озерск — Аскино и, если возможно, занять Аскино, оставив полувзвод боевиков в Тюйно-Озерске» [1].

Предстояла неожиданная встреча.

Шестая рота первой вступила в Тюйно-Озерск. Через некоторое время туда подошла сотня В. С. Русяева с красными знаменами. Бойцы решили, что это белогвардейская провокация и приготовились к бою. Высланную Русяевым разведку с белым флагом они обстреляли. Необходимо было взять в плен хотя бы одного солдата, чтобы выяснить обстановку. Виктор Сергеевич приказал окружить деревню, но предупредил: оружия не применять.

Сотня развернулась в лаву и пошла в атаку. Полувзвод 6-й роты (15 бойцов) стал отходить. Партизаны быстро догнали его на своих лихих конях. Долго доказывал Русяев, что он и его товарищи — красные партизаны длительное время находились в тылу врага и теперь вышли на линию фронта.

— Вы предъявили мне мандат,— сказал полувзводный командир,— подписанный каким-то главнокомандующим Блюхером. У нас на всю Красную Армию один главком, а тут еще какой-то появился.

— Да мы же партизаны,— повторял взволнованный Русяев.— Поэтому у нас и свой главком.

— Хорошо,— продолжал полувзводный,— допустим, что у вас свой главком. А почему нет подписи члена реввоенсовета или военкома?

Этот вопрос смутил В. С. Русяева. Он не знал о существовании Военных советов в Красной Армии.

Видя, что им трудно договориться, В. С. Русяев предложил, чтобы его с четырьмя бойцами взяли в

[1] ЦГАСА, ф. 3464, оп. 1, д. 10, л. 8.

«плен» и отвезли в штаб батальона, который оказался по соседству.

Командир батальона тоже не поверил. Он позвонил командиру полка Ф. Воробьеву и сообщил, что «у него сейчас в штабе разговаривают с ним пять человек хорошо вооруженных людей, вид у них чрезвычайно подозрительный, говорят, что идут на Кунгур, но люди советские. Оружия они не применяют, но в Кунгуре пусть приготовятся».

Ф. Воробьев также ничего не знал об армии В. К. Блюхера. Опасаясь провокации, он потребовал, чтобы Русяев представил официальный рапорт.

Взяв лист бумаги, Виктор Сергеевич тут же стал писать:

«Довожу до вашего сведения, что по тракту через село Аскино идут советские отряды, состоящие из Троицкого, Верхне-Уральского, Богоявленского, Архангельского и Уральского отрядов. Главкомом всех отрядов Василий Константинович Блюхер, в мае посланный под Оренбург с Уральским полком. Предлагаю вам установить с нами телефонную связь, для чего исправьте на всем протяжении телефонную линию.

Сообщите, имеется ли связь с центром и можно ли переговорить по телефону и откуда? Обо всем сообщите немедленно.

Помощник начальника штаба Троицкого отряда Русяев» [1].

Начальник 5-й Уральской дивизии, бывший начальник штаба троицкого гарнизона, Шванский, прочитав рапорт, написал: «Блюхера и Русяева лично знаю» — и приказал срочно установить с ними связь. После этого «противники» быстро нашли общий язык. Было условлено, чтобы Василий Константинович на следующий день лично приехал на станцию Агарзя в штаб 1-й Бирской бригады для переговоров с комбригом П. И. Деткиным.

25-километровый обратный путь В. С. Русяев проскочил галопом. Он знал, что его с нетерпением ждет В. К. Блюхер. Короткий осенний день был на исходе, когда Виктор Сергеевич, сияющий от радости, вошел в главный штаб и коротко доложил:

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 44, л. 45—46.

— Все в порядке. Связь установлена.

Трудно передать чувства партизан, когда они узнали, что наконец-то достигли своей цели и соединились с регулярными частями Красной Армии.

13 сентября в приказе по 1-му Советскому Бирскому полку говорилось, что «под Тюйно-Озерском на участке 6 роты произошло соединение наших частей с большими (около 12 тыс.) красными войсками с артиллерией и массой пулеметов».

Тепло и радушно встречал комбриг П. И. Деткин руководителя уральских партизан В. К. Блюхера. Долго продолжалась оживленная беседа. На следующий день Василий Константинович в телеграмме, направленной В. И. Ленину, командующим армиями и «всем, всем», писал:

«Приветствую Вас от имени южноуральских войск в составе: Верхне-Уральского, Белорецкого, 1-го Уральского, Архангельского, Богоявленского, 17-го Уральского стрелковых полков, 1-го Оренбургского казачьего Степана Разина, Верхне-Уральского казачьего кавалерийских полков, отдельных кавалерийских сотен и артиллерийского дивизиона. В Вашем лице приветствую Рабоче-Крестьянскую Советскую Республику и ее славные красные войска. Проделав беспримерный полуторатысячный переход по Уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев, формируясь и разбивая противника, мы вышли сюда, чтобы вести дальнейшую борьбу с контрреволюцией в тесном единении с нашими родными уральскими войсками, и твердо верим, что недалек тот день, когда красное знамя социализма снова взовьется над Уралом» [1].

Вся страна отмечала подвиг южноуральских партизан, ведомых славными командирами во главе с В. К. Блюхером.

Радостно встречали уральские товарищи своих братьев. Душевной теплотой проникнуты слова секретаря Уральского обкома партии Ф. И. Голощекина, обращенные к Блюхеру. «Приветствую вас, родной,— говорил он.— Весь пролетарский Урал сердечно радуется вашему появлению. Искренно говорю вам, что

---

[1] «Легендарный рейд», стр. 176—177.

все время мы все думали, гадали, где вы, и ждали чуда вашего появления» [1].

Уральский областной комитет партии сообщил об этом выздоравливающему В. И. Ленину и Я. М. Свердлову. В телеграмме говорилось, что на линию фронта 3-й армии прорвалась целая армия партизан во главе с командующим товарищем Блюхером. Обком отмечал, «что в лице Блюхера и его полков мы имеем подлинных героев, совершивших неслыханный в истории нашей революции подвиг...»

Со всех концов Советской России в адрес партизан поступали многочисленные приветственные телеграммы. Они шли от имени съездов, конференций, Военных советов и частных граждан.

«Ваши геройские подвиги не будут забыты свободной Родиной,— говорилось в приказе РВСР.— Высший Военно-Революционный Совет Республики приносит вам, славные солдаты отряда Блюхера, и вашему бесстрашному командиру тов. Блюхеру горячую благодарность и выражает надежду, что скоро увидит вновь вас, оправившихся от тяжелых боев, в рядах своих революционных войск и вновь услышит о ваших великих подвигах» [2].

Героическая борьба южноуральцев в тылу врага заинтересовала В. И. Ленина. Через несколько дней он снова попросил доложить ему о В. К. Блюхере и его отрядах. В своем письме член Уральского областного комитета РКП(б) А. П. Спунде писал:

«Дорогой Владимир Ильич!

Посылаю Вам сведения о Блюхере, о котором мы сегодня с Вами говорили.

Участвовал почти все время в ликвидации дутовщины. Последний раз ушел из Челябинска против Дутова в начале мая при следующих условиях. В это время он лежал в лазарете, так как вскрылась рана, полученная на войне против немцев... В 8 часов утра были получены сведения о Дутове, к 10 утра Блюхер был уже в штабе для организации выступления... Был отрезан где-то в районе Оренбурга чехами. Сейчас... вышел к нам, увеличив значительно свои войска.

---

[1] ЦГАСА. ф. 176, оп. 4, д. 41, л. 73.

[2] «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 87—88.

При этом он не воспользовался ближайшей дорогой на Ташкент, а выбрал гораздо более трудную — на Урал, идя на перерез Самаро-Златоустовской железной дороге. Питался все время чешскими патронами и снарядами.

Товарищи, проведшие вместе с ним предпоследнюю дутовскую кампанию, утверждают, что буквально во всех случаях его стратегические планы на поверке оказывались абсолютно удачными...

Поэтому Уральский областной комитет РКП(б)... настаивает на том, чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой, какая у нас существует, ибо это небывалый у нас случай.

Крепко жму руку и со всей искренностью желаю скорого выздоровления.

Ваш *А. Спунде*»[1].

Кунгурский городской совет объявил день 21 сентября днем чествования партизанских отрядов Блюхера. Газета 3-й Уральской дивизии «Часовой революции» выпустила специальный номер под крупными аншлагами:

«Да здравствует цвет Рабоче-Крестьянской Красной Армии — рабочие и казацкие отряды Блюхера», «Привет героям Рабоче-Крестьянской Красной Армии, товарищу Блюхеру, его рабочим и казацким войскам».

«Сегодняшний день город Кунгур посвящает Красной Армии,— писала газета в передовице.— Все на праздник в честь наших красных боевых молодцов, в честь цвета Красной Армии — блюхеровских отрядов»[2].

Легендарный рейд партизан под командованием В. К. Блюхера является ярким примером революционного творчества народных масс. Подлинными героями этой знаменитой эпопеи были рабочие и трудовое казачество Южного Урала, показавшие высокие образцы сознательности, организованности и дисциплины. Мощной лавиной прошли они полторы тысячи километров в тылу врага, сметая на своем

---

[1] «Исторический архив», 1961, № 2, стр. 196.
[2] «Часовой революции» № 3, 21 сентября 1918 г.

пути многочисленные части неприятеля, внося смятение и дезорганизацию в его ряды.

История формирования и боевой деятельности южноуральских отрядов — это славная страница истории борьбы Коммунистической партии за молодую Советскую республику, за создание пролетарских командных кадров Красной Армии. Многие из них впоследствии стали крупными военными деятелями.

30 сентября 1918 года члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов обсуждали необычный вопрос: кого первым наградить только что утвержденным высшим революционным знаком боевого отличия — орденом Красного Знамени? Они с большим интересом слушали специальный доклад о беспримерном в истории подвиге южноуральских партизан и их главкома.

«...Переход войск тов. Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии.

Мы считаем, что русская революция должна выразить вождю этой горсточки героев, вписавшему новую славную страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение» [1].

ВЦИК единогласно утвердил представление Революционного военного совета республики о том, чтобы первым кавалером ордена Красного Знамени стал В. К. Блюхер.

— Итак, товарищи,— сказал Я. М. Свердлов,— позвольте предложить вам удостоить первым орденом Красного Знамени товарища Блюхера. Возражений нет?

— Нет,— в один голос ответили члены ВЦИК.

Это была достойная награда достойнейшему вожаку уральских партизан. Вслед за В. К. Блюхером получили награды и именные подарки многие командиры и бойцы этого поистине легендарного рейда. Советская республика воздавала должное своим доблестным защитникам.

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 15, л. 20.

В. К. БЛЮХЕР.

В. К. Блюхер — солдат царской армии. 1914.

Командование 4-й Уральской стрелковой дивизии: Н. Д. Каширин, А. Я. Леонтьев, В. К. Блюхер, Р. П. Вайньян, Н. Д. Томин, Н. В. Баранов. Кунгур. Октябрь 1918.

Главком НРА В. Блюхер и члены Военного Совета Восточного фронта ДВР П. Постышев, Б. Мельников и С. Серышев за разработкой плана Волочаевской операции.

На Колчака

Крепись, старик, седой Урал,
Тебе идем мы на подмогу.
Вот разобьем мы Колчака
И принесем в Сибирь свободу.

К осени 1918 года общими усилиями Коммунистической партии, Советского правительства и широких народных масс Восточный фронт был реорганизован и укреплен. Прибывшее партийно-пролетарское пополнение принесло с собой дух бодрости, железной стойкости и веры в победу. Это дало возможность не только остановить наступление противника, но и перейти в конце августа в контрнаступление. Войска фронта под командованием И. И. Вацетиса в короткий срок освободили Казань, Симбирск и успешно продвигались вперед.

Труднее сложилась обстановка на крайнем левом фланге Восточного фронта. Здесь самоотверженно сражалась 3-я армия под командованием Р. Берзина. В ее составе находилось много рабочих-коммунистов с уральских заводов. Ни одна армия не имела столько большевиков, сколько было их в 3-й армии. Беззаветно преданные революции, они героически защищали свои родные заводы. Однако силы сторон были далеко не равные. Под натиском превосходящего противника армия вынуждена была отступать. 25 июля был оставлен Екатеринбург.

«Столица Урала — Екатеринбург — пала,— говорилось в сообщении РВС 3-й армии.— Наши войска отходят на горнозаводскую линию. Борьба продол-

жается за Северный Урал — цитадель промышленного пролетариата» [1].

Еще больше ощетинился Урал. Под ружье стали новые тысячи рабочих.

В сентябре на фронте 3-й армии разгорелись особенно ожесточенные бои. Стремясь взять реванш за поражение под Казанью и Симбирском, противник упорно пытался захватить Пермь, а затем, двигаясь вдоль железной дороги на Глазов и Вятку, прорваться на соединение с англо-американскими интервентами, действовавшими на советском Севере. Красные бойцы самоотверженно защищали каждый населенный пункт, нанося неприятелю большие потери. В упорных боях ряды их таяли, силы истощались, и они вынуждены были отходить. С фронта все чаще поступали тревожные сообщения.

«Прошу о немедленной присылке подкреплений,— писал начальник 4-й Уральской дивизии А. Л. Борчанинов.— Никаких резервов в моем распоряжении нет. Нужны новые свежие части для прикрытия тракта на Кунгур» [2].

Не лучше положение было и на участке 2-й Уральской дивизии. Начальник ее Р. П. Эйдеман писал, что «части, усталые и изнуренные долгими боями, сильно деморализованы. Тагилу угрожает непосредственная опасность... Я попал в положение генерала, который довоевался до последнего солдата».

На многочисленные просьбы о помощи командующий 3-й армией Р. Берзин отвечал, что резервов в его распоряжении нет и он бессилен что-либо сделать.

О тяжелом положении Военный совет 3-й армии 19 сентября 1918 года телеграфировал командующему Восточным фронтом И. И. Вацетису. В телеграмме говорилось:

«3-я армия переживает критические минуты. 4-я дивизия в районе Красноуфимска окончательно разбита... В 3-й дивизии в районе железной дороги Шамары — Кунгур полное разложение... В 1-й дивизии после боев осталось только 3 тыс. штыков в рай-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 636, л. 2.
[2] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 41, л. 99.

оне Алапаевска. Во 2-й дивизии в районе Тагила до 900 надежных штыков. В Перми стоят два полка только что мобилизованных, но элемент самый ненадежный и сырой. Резервов других почти нет... Шлите срочно резервы» [1].

Следовательно, к 20 сентября 1918 года 3-я армия не имела в своем распоряжении никаких резервов и не могла наличными силами остановить наступление противника. Неожиданное прибытие в этой тяжелой обстановке закаленных в боях партизанских полков, численность которых составляла, по «официальным данным, 12 тыс. человек» [2], было огромной помощью.

Командование 3-й армии возлагало большие надежды на партизан и с нетерпением ожидало их подхода. Они должны были восстановить положение и отстоять Кунгур.

«Много надеюсь на части Блюхера, которые приближаются к Кунгуру,— говорил Р. Берзин начальникам дивизий.— Если вам удастся продержаться 4—5 дней, тогда положение исправится».

Крайне неблагоприятная обстановка, сложившаяся на фронте 3-й армии к приходу блюхеровцев, не позволила предоставить им обещанного кратковременного отдыха.

Приказом командующего армией от 20 сентября 1918 года части Сводного уральского отряда были реорганизованы и включены в состав 4-й Уральской стрелковой дивизии. Начальником дивизии был назначен В. К. Блюхер, его помощником Н. Д. Каширин, военным комиссаром А. Л. Борчанинов. Командиры отрядов И. Д. Каширин, И. С. Павлищев и Н. Д. Томин стали командовать 2, 3 и 4-й бригадами.

Части бывшей 4-й дивизии составили 1-ю бригаду. Она формировалась из жителей Красноуфимского уезда, почему и называлась Красноуфимской. Командовал ею коммунист И. К. Грязнов.

Пополненная партизанами 4-я Уральская дивизия получила боевой приказ — остановить наступление противника на Кунгурском направлении и восстановить положение.

---

[1] ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 107, л. 10.
[2] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 44, л. 54.

Высокое моральное состояние южноуральских отрядов, их готовность немедленно идти в бой оказали большое влияние на уставшие и деморализованные длительными боями части 3-й армии. Они воспрянули духом и вновь стали драться с врагом.

«Настроение отрядов Блюхера хорошее,— доносил начальник 3-й дивизии Р. П. Вайньян командарму.— Интересен такой случай. Сегодня я передал в Ординское Уральскому отряду о критическом положении 4-й дивизии и о том, что Блюхер должен дать поддержку. Несмотря на то что упомянутый отряд прошел сегодня 40 верст, и не получив приказания от Блюхера, согласен был сейчас же двинуться на помощь, не говоря совсем об усталости».

Неожиданное прибытие в Кунгур неведомых отрядов вызвало живой интерес у местных жителей и бойцов 3-й армии. Бронзовые от загара, ветра и порохового дыма, они поражали своей дисциплиной и сознательностью. Пестро одетые, с приколотыми ярко-красными лентами, они выделялись всюду.

Первое, что можно было услышать от них:

— А что, здесь снаряды и патроны есть? Можно нам будет получить?

В разговоре с Ф. И. Голощекиным В. К. Блюхер просил его «помочь как можно скорее получить патроны, снаряды, верхнее обмундирование... Все это просим заготовить ко времени нашего подхода к Кунгуру, дабы не задерживать выполнение боевой задачи, какая выпадет на нашу долю».

Не об отдыхе беспокоились партизаны и их главком, а о том, чтобы «не задерживать выполнение боевой задачи».

В своем первом обращении к войскам новой 4-й дивизии Василий Константинович выразил твердую уверенность в том, что они с честью выполнят приказ командования Красной Армии, и призвал их, «не считаясь с усталостью, во имя спасения завоеваний революции... выступить на позиции. Уверен, что вверенные мне войска, не раз разрывавшие железное кольцо врагов, преодолевшие препятствия природы на протяжении полутора тысяч верст и с честью вышедшие из тяжелых испытаний, обогащенные боевым опытом, покажут врагу, что, какой бы боевой

экзамен ни готовил нам враг, мы выдержим его с честью, ибо каждый из нас знает, за что он борется.

Уверен и в том, что боевые товарищи, вступающие в нашу семью из состава бывшей 4-й дивизии, несколько упавшие духом под неудачами последних дней, забудут тяжелые дни и в дружном натиске сломят зарвавшегося врага и разобьют наемников буржуазии» [1].

Дивизия получила задачу: занять позиции по линии Богородское — Суксунское — Осинцевское и перейти в наступление на Красноуфимск, Бисертский завод, захватить Западно-Уральскую железную дорогу на участке между станциями Гробово и Шемаха и помочь 3-й дивизии задержать противника, наступающего по Пермской магистрали.

Горячо обсуждали южноуральцы обращение В. К. Блюхера. Повсюду проходили митинги. Один за другим выступали бойцы и командиры. Они призывали не посрамить честь партизанскую и оправдать доверие.

— Поход из Верхне-Уральска,— говорил командир 1-го Верхне-Уральского красноказачьего кавполка С. П. Галунов,— это бои, это мучения, которые вы перенесли на своих могучих конях с винтовкой и шашкой в руках. Трудно описать все подвиги каждого из вас.

Вы, братья-лихачи, по целым неделям не видели хлеба и других продуктов, а ваши кони — овса. Но и полуголодными, без отдыха вы шли вперед, разведывали и сбивали врага. Вы шли по флангам и не допускали его к главным силам, шли сзади и сдерживали натиск. Вы с честью выдержали боевой экзамен. Так покажем же и здесь нашу казачью удаль и поможем нашим братьям уральцам разбить и отбросить зарвавшихся белогвардейцев.

Вперед на врага!

Дружно двинулись бывшие партизанские полки в первую атаку в составе регулярных частей Красной Армии. Отразив все атаки неприятеля, они 24 сентября перешли в стремительное наступление. Удар

[1] «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 85—86.

их был настолько сильным, что белогвардейцы и интервенты пришли в полное недоумение: откуда у красных внезапно появилось так много войск? Наращивая темпы, блюхеровцы занимали один населенный пункт за другим. В течение двух дней они ликвидировали наступление противника по Пермской железной дороге и выполнили первую часть поставленной задачи.

27 сентября В. К. Блюхер приступил к выполнению своей основной задачи — к подготовке наступления на Красноуфимск — Бисертский завод.

Преследуя отходящего противника, части 4-й Уральской дивизии в тот же день заняли Молебский, а 30 сентября — Иргинский заводы.

Ожесточенный бой разгорелся в ночь на 30 сентября за село Крюковское. Сотня разинцев и эскадрон красных гусар с наступлением темноты подошли к селу, занятому двумя Оренбургскими казачьими полками.

Белогвардейцы собирались спокойно отдохнуть, а утром перейти в контратаку. И вдруг в ночной темноте со всех сторон раздались крики «ура» и стрельба. Сколько было атакующих, враг не видел. В его рядах поднялась невероятная паника. Началась рубка разбегающихся во все стороны белых солдат. Через час все было кончено. Резервы противника были уничтожены.

1 октября 4-я дивизия заняла село Богородское, а 2 октября части 1-й бригады освободили свой родной город Красноуфимск.

В этих боях особенно отличились бойцы 1-й коммунистической Петроградской автосамокатной роты. Вырвавшись вперед, они перерезали железную дорогу Красноуфимск — Казань. Более суток автосамокатчики отбивали многочисленные атаки противника. В разгар сражения Блюхер направил в тыл врага группу мотоциклистов с пулеметами. Обстреливая неприятеля, они на полном ходу ворвались в Красноуфимск. Атака мотоциклистов была настолько дерзкой и внезапной, что белогвардейцы растерялись.

Этим воспользовался 1-й Кунгурский батальон. Он стремительно бросился вперед и захватил город.

От всей души благодарил командующий 3-й армией бойцов дивизии за эту победу. В присланной на имя Блюхера телеграмме он писал:

«Приветствую в лице Вашем ваши доблестные войска за новую победу, за взятие Красноуфимска. Результаты этой победы наш заклятый враг скоро почувствует. Вперед без страха и сомнения, славные герои революции! От лица службы благодарю. Берзин» [1].

Своим контрнаступлением 4-я Уральская дивизия сорвала наступление противника на Пермском и Кунгурском направлениях и отбросила его далеко назад — за линию рек Сылвы, Батам, Бисерть, Уфы.

Теперь уже неприятель запросил помощи. 1 октября командующий екатеринбургской группой белогвардейцев генерал Гайда телеграфировал главковерху, что «противник, усилившись отрядом Блюхера и Каширина, на Красноуфимском направлении теснит Иркутскую дивизию. Срочно необходима ей помощь» [2]. Все успехи неприятеля на Красноуфимско-Кунгурском направлении были сведены к нулю.

Положение 3-й армии несколько улучшилось, но все же оставалось тяжелым. Понеся большие потери, она по-прежнему сильно нуждалась в пополнении людьми и вооружением.

Между тем белые подвезли свежие резервы и в середине октября вновь перешли в наступление «с целью войти в связь с северной группировкой союзников». 9 октября генерал Гайда отдал приказ, в котором говорилось:

«Мне поставлена задача взять гор. Пермь. Я решил нанести удар противнику на Кунгурском направлении, на прочих же — лишь сдерживать противника» [3].

Вновь разгорелись ожесточенные бои, в которых бывшие южноуральские партизаны с честью выдержали трудный боевой экзамен. Своей самоотверженной борьбой они сорвали план неприятеля и еще раз доказали свое превосходство над врагом.

В кровопролитных боях у станции Кордон и села

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 82, л. 3 об.
[2] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 59, л. 2.
[3] ЦГАОР, ф. 1934, оп. 1, д. 3, л. 1.

Осинцевского неприятель понес тяжелые потери. Несмотря на это, он вводил в бой все новые и новые части.

17 октября в 3 часа ночи противник атаковал село Богородское, но был отбит. Около 5 часов силой до 2 тысяч человек он вновь перешел в наступление и окружил село.

«Произошел бой, в котором с нашей стороны было введено до 20 пулеметов,— говорится в оперативной сводке дивизии.— Наши части разбили противника окончательно. На месте осталось не менее 100 убитых, не считая раненых. Для преследования брошена кавалерия. Конница противника, пытавшаяся прикрыть бегущих, опрокинута и частью изрублена. Преследование продолжалось до позднего вечера. Потери противника выясняются и исчисляются сотнями. Захвачены пленные, оружие и предметы боевого снаряжения. Наши потери: 7 убитых и 12 раненых» [1].

В упорных боях уральцы тоже понесли значительные потери. В связи с этим Василий Константинович просил командующего армией «усилить дивизию хотя бы двумя полками, так как, учитывая большое превосходство неприятеля, невозможно ему оказывать противодействие».

Однако командарм резервов не имел, и Блюхеру пришлось маневрировать наличными силами и сдерживать врага.

Чтобы сохранить живую силу, В. К. Блюхер решил отвести свои части на укрепленный рубеж, проходивший по реке Сылве. Умело используя оборонительные сооружения, они измотали и обескровили противника, а затем в канун годовщины Октябрьской революции вновь перешли в наступление.

14 ноября дивизия заняла село Урминское и вплотную подошла к Молебскому заводу. Двое суток продолжался упорный бой 1-го Уральского и Богоявленского полков за этот завод. Ни отчаянное сопротивление противника, ни основательно укрепленные позиции не смогли сдержать их бурного натиска. Вся армия с затаенной тревогой следила за их ударами.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 124, л. 109.

Один за другим брали они укрепленные рубежи белогвардейцев.

«С радостью мы узнали, что соединенными усилиями 1-го Уральского и Богоявленского полков противник раздавлен и Молебский завод взят,— говорилось в приветствии РВС армии.— Орлы Урала! Вы с гордостью можете сказать, что исполнили свой долг перед революцией. Ваши мужество и стойкость послужат примером для других частей армии.

Именем революции Военный совет объявляет вам свою сердечную благодарность» [1].

В бою под Молебским заводом были разбиты 6-й чешский, 25-й Екатеринбургский, 27-й Камышловский полки и сотня казачьего Оренбургского полка. Много было совершено героических подвигов в этих боях. Телефонист Богоявленского полка коммунист И. М. Комаров первым ворвался в село Осинцевское, захватил вражеский пулемет «максим», развернул его и отразил контратаку противника. За мужество и отвагу, проявленные Комаровым в этом бою, он был награжден орденом Красного Знамени.

Так сражались и защищали завоевания Великого Октября славные бойцы 4-й дивизии под командованием Блюхера.

В непрерывных боях 4-я Уральская дивизия продолжала укреплять свои ряды. 30 октября она пополнилась двумя бригадами расформированной 3-й Уральской дивизии и 11 ноября была переименована в 30-ю стрелковую дивизию.

Большое внимание Василий Константинович уделял организации партийно-политической работы в частях и подразделениях. Вместе с военными комиссарами дивизии А. Л. Борчаниновым, О. Ю. Калниным и начальником политотдела А. К. Лепой Блюхер упорно сколачивал и воспитывал бойцов в духе революционной дисциплины. В своей первой директиве партийным организациям дивизии политотдел потребовал от коммунистов повышения политической сознательности и ответственности перед революцией, развертывания со стороны бойцов и командиров инициативы в бою.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 639, л. 81.

«Каждый коммунист,— говорится в директиве,— должен быть агитатором и в то же время примером в бою. Использовать все наличные силы коммунистов для постоянного разъяснения красноармейцам вопросов политической обстановки Республики, мобилизуя их на выполнение поставленных перед дивизией боевых задач» [1].

С 23 октября в дивизии стала издаваться газета «Красноармеец», пользовавшаяся большим авторитетом у бойцов. Они с большой охотой писали свои заметки. Особенно много внимания уделялось пропаганде боевых подвигов бойцов и командиров.

В начале ноября в дивизии в обстановке ожесточенных боев состоялась первая партийная конференция. На ней присутствовало 35 делегатов от полковых и ротных коллективов. Конференция рассмотрела вопросы о дальнейшем росте и укреплении партийных ячеек, об усилении партийно-политической работы среди личного состава дивизии и населения прифронтовой полосы. Особое внимание было обращено на усиление воспитательной работы среди бойцов-мусульман. С этой целью при политотделе был учрежден мусульманский подотдел.

Конференция направила приветствие В. И. Ленину:

«Нами, рабочими, крестьянами и трудовым казачеством, непрерывно находящимся в боях с врагами мирового социалистического строя, руководит одна общая с Вами воля к победе рабочего класса, воля к всемирной социалистической революции» [2].

Делегаты говорили о росте влияния коммунистов, о высоком моральном состоянии бойцов, об укреплении воинской дисциплины.

— Настроение боевое,— сказал представитель Верхне-Уральского казачьего полка Ф. Шеметов.— Одно время казаки просили отдыха, но когда узнали, что от нас зависит положение на фронте, то все как один решили отказаться от всякого отдыха и идти в бой с врагом до победы. (В этом полку было 200 коммунистов.)

---

[1] «Тридцатая». Днепропетровск, 1933, стр. 61.

[2] «Красноармеец», газета политотдела дивизии, № 34, 10 ноября 1918 г.

Всего партийные организации дивизии насчитывали к этому времени свыше 2500 членов партии и 730 сочувствующих.

Присутствовавший на конференции помощник главного политического комиссара 3-й армии Николай Толмачев высоко оценил ее работу.

«Конференция в дивизии прошла хорошо,— писал он.— Блюхеровцы — порода особая, первобытно-коммунистическая... Интересный вывод пришлось сделать из наблюдений в дивизии. Совсем нет дивизионного аппарата снабжения. Части сами заготовляют и распределяют. Это осуществляется организованными так называемыми контрольно-организационными комиссиями» [1].

Решения партийной конференции горячо поддержал весь личный состав дивизии. В резолюции партийного собрания 1-го Красноуфимского полка отмечалось: «Мы, коммунисты и нам сочувствующие 1-го Красноуфимского полка, обсудив вопрос о текущем моменте борьбы с контрреволюцией, клянемся с оружием в руках, что до тех пор не сложим оружия, пока ни одной белогвардейской сволочи не останется на территории Российской Социалистической Республики.

Пусть знает вся эта стая черных воронов, что мы умеем защищать интересы трудового крестьянства, пролетариата и власть Советов, а также будем поддерживать всеми силами и средствами пролетариат всего мира» [2].

Эту клятву в последующих боях с Колчаком и Врангелем 30-я дивизия выполнила с честью.

...Непрерывные бои и изнурительные походы подорвали здоровье В. К. Блюхера. Открылись старые раны. Медицинская комиссия, обследовавшая его здоровье, в своем заключении писала:

«В области левого тазобедренного сустава спереди... тянется рубец размером 30 *см* в длину и 20 *см* в ширину.

Часть подвздошной кости раздроблена, и части ее удалены при операциях...

---

[1] *В. А. Карамышев.* Боец, комиссар, журналист. М., 1960, стр. 77—78.

[2] «Красноармеец» № 40, 21 ноября 1918 г.

Движения в области сустава ограничены во все стороны.

При непродолжительной ходьбе появляется боль в пораженном месте».

Начдив вынужден был взять отпуск и уехать на лечение. Тяжело было Василию Константиновичу расставаться с бойцами. Ведь с ними он делил все: и холод, и голод, и горечь неудач, и радость побед.

«Уезжая в кратковременный отпуск для поправления своего здоровья, расстроенного тяжелым ранением, я с грустью расстаюсь с вами, дорогие товарищи,— обращался Василий Константинович в своем письме к бойцам дивизии.— Воспоминания недавнего прошлого ярко встают передо мною. Большие Ключи, Давыдовка, Кордон, Богородское, Татарская Бырма и Осинцевское — это лучшие страницы в истории нашей революционной армии, это тяжелые по переживаниям за вас, но лучшие минуты в моей жизни. Здесь, на этих полях, ваша доблесть в неравной борьбе превзошла похвалы, здесь Красное Знамя социализма еще выше взвилось над головой контрреволюции. Здесь враг лишний раз убедился в бесплодности вырвать его из мозолистых рук пролетариата, и эти тревожные и радостные минуты, пережитые вместе, тончайшими нитями связывают меня с вами.

Уезжая, я душой остаюсь с вами. Дни боевого счастья будут моими днями, и уверен, что по возвращении встречу в вас тот же бодрый дух, ту же тесную семью, которую не поколеблют никакие испытания суровой борьбы за счастье пролетариата. От всей души желаю вам боевого счастья и славы» [1].

Вернулся В. К. Блюхер в середине декабря 1918 года, в самый разгар ожесточенных боев за Кунгур и Пермь. За это время в лагере врага произошли большие политические изменения.

В ночь на 18 ноября по указанию империалистов Антанты в Омске был совершен государственный переворот и установлена военная диктатура во главе с Колчаком, провозгласившим себя «верховным правителем и верховным главнокомандующим всеми

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 639, л. 32.

сухопутными и морскими вооруженными силами России».

Придя к власти, Колчак развернул энергичную подготовку к наступлению в глубь Советской республики. Он рассчитывал соединиться в районе Вятки — Котласа со своими северными союзниками и образовать единый фронт. В случае успеха это дало бы возможность перенести базу снабжения из Владивостока в Архангельск и объединенными силами развернуть наступление на Москву.

С этой целью адмирал Колчак с помощью интервентов пополнил свои войска, действовавшие под Пермью, 1-м Среднесибирским корпусом, хорошо вооружил и обмундировал их, создал специальные подразделения лыжников.

На отдельных участках белогвардейцам удалось создать двойное (против 29-й дивизии) и даже тройное (против Особой бригады) превосходство в силах.

Советские войска также готовились к наступлению. 3-я армия должна была наступать на Екатеринбург. Фронт ее проходил тогда по линии станция Выя — Верхотуринский и Кушвинский заводы — станции Баранчихинская — Кын — Кордон — село Медянское (в 60 километрах западнее Красноуфимска) — село Бабки на реке Каме.

Главная роль в предстоящей операции возлагалась на 30-ю дивизию, как на самую боеспособную в армии. Однако противник опередил на один день. С рассветом 29 ноября колчаковские войска нанесли сильный удар по Особой бригаде и 29-й дивизии, прикрывавшим Пермь.

Около деревни Лая против 1-го Крестьянского коммунистического полка «Красных орлов» численностью в 900 штыков неприятель бросил три полка 7-й Уральской дивизии по 1400 штыков в каждом и окружил его. Но их удар разбился о стойкость наших бойцов. Героическими усилиями полк прорвался из кольца и отошел к Нижне-Баранчихинскому заводу.

В районе станции Выя колчаковцам удалось окружить 17-й Петроградский и Камышловский полки 29-й дивизии и после кровопролитного боя почти полностью уничтожить их.

Тяжелые бои вела Особая бригада. Небольшая по своему составу, она после двухдневных ожесточенных боев в районе станции Кын была окружена. Только ценой больших потерь отдельным подразделениям удалось пробиться на запад.

Под натиском превосходящих сил неприятеля 29-я дивизия и Особая бригада стали отходить. Положение частей было тяжелым. «Уже третий день на фронте 29-й дивизии противник по всем направлениям ведет энергичное наступление,— доносил начдив Васильев.— Сейчас на фронте дивизии противником введено в бой 11 полков... Если в резерве армии имеется хоть два здоровых полка, прошу перебросить их в мое ведение... Положение на фронте во всех отношениях угрожающее. Вместе с этим не выдают войскам продовольствия. Сегодня выдали всем по $^{1}/_{4}$ фунта хлеба, не говоря уже о горячей пище» [1].

Все эти дни стояли сильные морозы, а армия не имела теплого обмундирования. Дороги завалило глубоким снегом. Передвижение наших частей затруднялось. Белогвардейцы же, поставленные на лыжи, умело маневрировали и легко передвигались в заданных направлениях. Несмотря на это, красные бойцы отважно дрались, мужественно защищая каждый населенный пункт.

На помощь Особой бригаде В. К. Блюхер бросил 1-й морской Кронштадтский полк. Мужественно сражались моряки в районе деревень Сая и Березовая Гора. Неприятель окружил их с трех сторон, но они не оставили своих позиций и не пожелали воспользоваться оставшимся проходом, чтобы выйти из кольца.

«В районе Березовой Горы бой достиг высокого напряжения,— сообщал начдив.— Моряками отбито шесть яростных атак противника. Предпринятый неприятельскими лыжниками обход нашего левого фланга также не имел успеха» [2].

На помощь морякам пришел эскадрон 1-го Уральского кавполка. Совместными усилиями белогвардейцы были разбиты и отброшены.

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 71, л. 10—11.
[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 116, л. 30.

14 декабря противник направил свой главный удар на Кунгур. Он атаковал деревни Верхние и Нижние Исады, окружил 1-й морской Кронштадтский полк и разбил его. Чтобы сдержать напор белогвардейцев, Василий Константинович бросил в бой свой последний резерв — Белорецкий полк под командованием А. В. Пирожникова.

«Подъезжая к Сосновке, я увидел, как Блюхер старался задержать отходящие части,— вспоминал впоследствии Пирожников.— Вид у него был грозный. К этому времени подоспел наш полк, развернулся и с ходу пошел в атаку. Бойцы вырвались вперед. И вдруг видим — противник идет на «ура». Схватка была короткой: белогвардейцев сбили и отбросили на 20 километров. Блюхер сделался совсем другим человеком. Он не знал, что делать от радости: так неожиданно и героически разбили мы противника. Блюхер бросился меня целовать. Он не знал, как выразить свои чувства, он видел во мне не меня, Пирожникова, а весь полк».

Победа белоречан дала возможность В. К. Блюхеру привести части в порядок и начать планомерный отход к Кунгуру. Семь суток дивизия самоотверженно сдерживала натиск противника, нанося ему огромные потери и выигрывая время для эвакуации города.

19 декабря неприятель подошел к Кунгуру и атаковал его с трех сторон. В. К. Блюхер бросил в бой только что прибывшую из 5-й Уральской дивизии Архангельскую бригаду, приказав ей остановить дальнейшее наступление белогвардейцев.

— Каких бы усилий ни стоило, но вы должны удержать город до подхода подкреплений,— говорил он комбригу.

Вся третья бригада под командованием И. С. Павлищева спешила на помощь Кунгуру. В ее составе находились два наиболее стойких и закаленных полка — 1-й Уральский и Богоявленский.

В эти тяжелые дни все командование дивизии — В. К. Блюхер, А. Л. Борчанинов, О. Ю. Калнин и Н. Д. Каширин — непрерывно находилось на самых ответственных и наиболее угрожаемых участках. Под его руководством отступающие части приводи-

лись в порядок и снова направлялись в бой. Они помогали командирам принимать на поле брани наиболее правильные решения.

«Под Болезином выходим мы на дорогу и встречаемся с Блюхером,— вспоминал командир 1-й Красноуфимской бригады И. К. Грязнов.— «А мы к вам пришли»,— спокойно говорит он. Во всех катастрофических случаях Блюхер всегда выезжал на угрожаемый участок, разбирал и распутывал дела и всегда находил выход из любого казавшегося безвыходным положения».

20 декабря бой за Кунгур возобновился с новой силой. Белогвардейцам удалось выйти в тыл бригаде Н. Д. Томина и взорвать железную дорогу в районе станции Кишерть. Два красных бронепоезда оказались отрезанными. Неприятель пытался захватить их, но они стойко отбивались. На помощь им В. К. Блюхер направил бронепоезд № 5 и батальон пехоты. Энергичными действиями они разбили противника, исправили путь и вывели бронепоезда из окружения.

Одновременно 1-й Верхне-Уральский казачий полк С. П. Галунова нанес поражение белым у села Комарово. 200 пленных, 2 пулемета и много винтовок взяли верхнеуральцы в этом бою [1].

Тем не менее общее положение 30-й дивизии продолжало ухудшаться. Все резервы были введены в бой, а неприятель подвозил свежие части и наращивал удары. В полках не было теплого белья и валяной обуви, плохо было с питанием.

«Бойцы сильно устали от непрерывных боев,— доносил начдив,— ужасно страдают от холода и голода, опухли, глаза покраснели».

В этих условиях В. К. Блюхер принял решение оставить Кунгур. Вечером он доложил командарму, что «бой на всем фронте дивизии продолжается и до настоящего времени. Потери за истекший день велики... Несмотря на стойкость частей, сосредоточение в резерве в районе Кунгура одной из лучших бригад дивизии, обстановка на фронте ее сложилась настолько серьезна, что забрать в свои руки инициа-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 113, л. 77.

тиву при настоящем положении невероятно трудно и даже невозможно, а посему решаю вывести части дивизии из-под ударов противника» [1].

С утра 21 декабря в бой вступила только что прибывшая 3-я бригада И. С. Павлищева. Но и она не спасла положения. К вечеру Кунгур был оставлен. Дивизия, разделенная на три группы, отходила в направлении заводов Юго-Камского, Бымовского, Бизярского и Юговского.

Василий Константинович требовал от комбригов, чтобы отход совершали «медленно, задерживаясь на каждом рубеже и селении, ни в коем случае не отрываться от флангов соседей». Дивизии была поставлена задача перехватить тракт Пермь — Оханск и приостановить дальнейшее наступление противника.

Заняв Кунгур, командующий Сибирской армией генерал Гайда развернул наступление на Пермь с юга. Он неудержимо рвался в город. В бой вводились все новые и новые резервы. Над Пермью нависла опасность. Создалась реальная возможность соединения белогвардейских фронтов на севере. Необходимо было принимать срочные меры.

Еще 13 декабря В. И. Ленин и Я. М. Свердлов, получив сведения о неблагополучном положении в районе Перми, направили в Реввоенсовет республики следующую телеграмму:

«Пермь в опасном положении. Считаю необходимым послать подкрепление. Питер может дать полки советской бедноты... Предлагаем Вам сделать надлежащие указания возможно скорее» [2].

В тот же день главком И. И. Вацетис приказал перебросить на помощь 3-й армии одну бригаду. Одновременно он потребовал усилить наступательные действия 2-й и 5-й армий, чтобы отвлечь от Перми часть сил Колчака, а также подкрепить 3-ю армию за счет фронтовых резервов. С правого фланга армии в Пермь была переброшена Камская бригада, где она была развернута в дивизию, получившую наименование 4-й Уральской. Однако все попытки командования 3-й армии задержать наступление противника не имели успеха.

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 71, л. 175.

[2] *В. И. Ленин.* Военная переписка (1917—1920), стр. 88.

В ночь на 25 декабря колчаковцы овладели Пермью. Изнуренные в боях, 4-я Уральская и 29-я дивизии отошли на западный берег Камы, прикрывая дорогу на Глазов.

Захватив Пермь, генерал Гайда вновь развернул активные действия на фронте 30-й дивизии, бросив против нее три свои пополненные дивизии и четыре казачьих кавалерийских полка. В докладе командующему фронтом он писал, что «нужно обязательно разбить большевиков и занять Оханск, Осу, Сарапул и этим помочь Самарскому фронту и Уфе» [1].

Основные удары неприятель наносил по флангам 30-й дивизии вдоль трактов Пермь — Оханск и Кунгур — Оса.

Блюхер в это время проводит реорганизацию своих частей. Он снимает с фронта и расформировывает 5-ю, 6-ю и Архангельскую бригады. Личный состав бригад направляется на пополнение других частей дивизии. Этой мерой начдив сократил количество полков, улучшил управление и значительно увеличил число активных штыков за счет расформирования штабных и тыловых подразделений. Тем не менее положение дивизии оставалось тяжелым. Бойцы изнемогали от длительных боев и недоедания.

29-я дивизия еще не оправилась и не могла оказать какой-либо помощи. 4-я Уральская дивизия была расформирована. Натиск белых на Оханском и Осинском направлениях приходилось сдерживать одной 30-й дивизии.

Положение ее еще более ухудшилось в связи с предательским разоружением левофлангового полка 5-й дивизии 2-й армии.

— У нас создалось тяжелое положение,— вспоминал командир 1-й бригады И. К. Грязнов.— Правый фланг был обнажен, а на Осу двигался только что прибывший князь Галицын со своей 7-й Уральской дивизией. Эта дивизия была одной из боеспособных. В ее состав входили 25-й Екатеринбургский полк, шефом которого был сам Колчак, 26-й Шадринский, 27-й Камышловский и 28-й Рыбинский полки.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 42/б, ч. II, л. 257.

Блюхеру пришлось бросить 1-й Красноуфимский полк — свой последний резерв на прикрытие Осы, что поставило под угрозу Оханск. Лишь исключительная самоотверженность советских воинов и полководческое искусство В. К. Блюхера, Н. Д. Каширина, И. К. Грязнова, И. С. Павлищева, Н. Д. Томина и других командиров позволили дивизии сдержать натиск противника и подготовить ее к наступлению.

В начале января по всему фронту дивизии шли упорные бои с превосходящими силами врага. Некоторые населенные пункты по 4—5 раз переходили из рук в руки. Все попытки противника пробиться к Оханску на левом фланге дивизии были успешно отражены бойцами 3-й бригады во главе с И. С. Павлищевым.

Тяжелая обстановка сложилась в центре, в районе Юго-Камского завода. Части 2-й бригады стойко оборонялись здесь, но под давлением неприятеля вынуждены были отойти. Одна из рот Белорецкого полка, отличавшаяся наибольшей храбростью, вышла из боя в составе одного взвода.

Наиболее напряженное положение создалось на правом фланге дивизии, на участке 1-го Красноуфимского полка, прикрывавшего Осу. Генерал Гайда бросил против одного полка целую дивизию. Он хотел смять красноуфимцев, ворваться в город и с ходу форсировать Каму. Но красные бойцы стойко отражали все атаки белогвардейцев.

В оперативной сводке 30-й дивизии сообщалось 6 января, что «на всем участке 1-го Красноуфимского полка идет ожесточенный бой. Со стороны противника введены в дело три полка и несколько сотен кавалерии. Все атаки противника отбиты... Перед нашим расположением валяется масса трупов» [1].

В неравной борьбе герои-красноуфимцы отстояли город Осу. Отчаянные попытки неприятеля прорваться в тыл 2-й и 3-й армий потерпели полный провал. Белогвардейцы так и не смогли помочь Самарскому фронту и Уфе.

В ходе ожесточенных боев с врагом войска 3-й армии реорганизовывались и приводили себя в порядок.

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 31, л. 40.

Большую помощь в укреплении боеспособности их оказала комиссия ЦК РКП(б) и Совета Обороны, посланная по просьбе Уральского областного комитета партии для расследования причин падения Перми и ликвидации последствий пермской катастрофы. По предложению комиссии в действующие части были направлены сотни коммунистов, произведена чистка штабов и некоторых частей от враждебных элементов. Улучшилось снабжение войск. В короткий срок 3-я армия окрепла и перешла в контрнаступление.

Трудная задача выпала в эти дни на долю красноуфимцев. Они должны были в тяжелых климатических условиях совершить стокилометровый марш с правого фланга дивизии на левый и заполнить разрыв между 29-й и 30-й дивизиями.

— Блюхер требовал от меня,— писал командир бригады И. К. Грязнов,— в кратчайший срок, любыми силами, в любом составе выйти в Очерский завод и ликвидировать разрыв.

К вечеру 18 января бригада прибыла к месту назначения, а утром ей надлежало уже идти в наступление и «разбить противника, действовавшего в районе села Дворецкого» [1].

Накануне наши разведчики захватили приказ командира 1-го Сибирского корпуса генерала Пепеляева, в котором он поставил своим войскам задачу: разбить 30-ю дивизию и захватить Павловский и Очерский заводы. Для этой цели белые сосредоточили в селе Дворецком свои лучшие части — штурмовые батальоны, состоявшие исключительно из добровольцев и имевшие большую прослойку офицерского состава. Это была гвардия Колчака, которая решала ударные задачи. Неприятель располагал полуторным превосходством в силах.

Но это не испугало красных бойцов. Василий Константинович решил упредить удар противника, окружить его и уничтожить. Вот почему начдив так торопил красноуфимцев и с ходу бросил их в бой.

Смелые и решительные действия бойцов принесли полный успех. В результате ожесточенного боя вражеские войска были наголову разбиты.

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 31, л. 105.

— Под селом Дворецким,— вспоминал впоследствии И. К. Грязнов,— мы столкнулись со штурмовиками, которые до этого не знали поражений. Они победоносным маршем прошли из Кунгура и сражались исключительно отчаянно. У них была своя тактика — никогда не ложиться, что производило сильное впечатление. Они устраивали «психические атаки», что так ярко показано в кинокартине «Чапаев». Белогвардейцы наступали, расстреливали и опрокидывали противника стоя. Но «психическая атака» мало действовала на блюхеровцев. После боя от белой гвардии остались жалкие остатки. Недаром гордились бойцы этой крупной победой.

Вскоре в наступление перешли все части 3-й армии. В упорных боях они вырвали инициативу из рук противника. Вслед за Дворецким были освобождены Нытвенский завод, станция Менделеево и другие населенные пункты.

В присланной 24 января телеграмме Военного совета Восточного фронта говорилось:

«Второй день 29-я и 30-я дивизии успешно продвигаются вперед, гоня перед собой противника, который только накануне указывал в своих приказах, что перед ним разложившиеся части 3-й армии. Реввоенсовет всегда был уверен, что временные неуспехи частей 3-й армии не могли сломить ее революционного духа, мужества, и теперь как нельзя лучше неожиданный для противника переход в наступление подтвердил эту уверенность» [1].

Новые успехи бойцов 30-й дивизии ободрили их и воодушевили на дальнейшие ратные подвиги, которые они совершали уже под командованием Н. Д. Каширина. Василий Константинович был отозван из дивизии и 31 января 1919 года назначен помощником командующего 3-й армией. С 3 апреля он стал одновременно исполнять обязанности коменданта Вятского укрепленного района.

Это назначение не было случайным. В марте 1919 года Сибирская армия Колчака перешла в наступление, заняла Оханск, Осу и стала продвигаться к Глазову.

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 31, л. 168.

Вслед за Сибирской армией перешли в наступление и другие соединения белогвардейцев.

Для создания глубокоэшелонированной обороны главное командование Красной Армии решило соорудить в глубоком тылу Восточного фронта целую систему укрепленных районов. В этой системе особое место отводилось Вятскому укрепрайону. Он должен был прочно закрепить левый фланг Восточного фронта и не допустить прорыва колчаковских войск на соединение с англо-американскими интервентами, действовавшими на советском Севере.

И на этой новой работе Василий Константинович проявил себя не только как опытный военачальник, но и как специалист-фортификатор. С большой любовью и энергией принялся он за дело.

— Прибытие Блюхера в укрепленный район почувствовалось быстро,— вспоминает бывший курсант, ныне генерал-лейтенант запаса К. Ф. Телегин.— Началось строительство оборонительных позиций, установка батарей и оборудование пулеметных гнезд. На улицах и площадях Вятки рабочие занимались военным делом.

Несколько дней разъезжал В. К. Блюхер вместе с инженерами по Вятско-Слободскому району, намечая наиболее удобные для обороны рубежи. В короткий срок он разработал оригинальный план строительства укреплений и представил его на утверждение. «В этом плане,— писал Василий Константинович,— при сравнительно меньших гарнизонах и при меньшей подготовке в инженерном отношении все крупные и узловые пункты будут находиться в наших руках и не будут находиться под угрозой удара и занятия их противником. Подступы с восточной и юго-восточной стороны всего района отличаются отсутствием населенных пунктов, бездорожьем и болотистой местностью, что в высшей степени затруднит движение противника» [1].

Большую помощь в строительстве укреплений оказало местное население. Обстановка была тревожной, и надо было спешить. Враг медленно, но все же продвигался к Вятке. 3 июня он занял Глазов.

---

[1] ЦГАСА, ф. 709, оп. 1, д. 83, л. 27.

На следующий день В. И. Ленин в телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта писал:

«Крайне обеспокоен потерей Агрыза и особенно Глазова.

Приняли ли экстренные меры?» [1]

Меры были приняты. В. К. Блюхер формировал в Вятке маршевые роты и направлял их на усиление действующих частей. Одновременно он торопил строителей. Целыми днями находился он на сооружаемых объектах и принимал необходимые меры.

Василий Константинович считал непреложным правилом лично контролировать ход строительства и требовал от подчиненных «возможно чаще посещать участки, на которых производятся работы, и стремиться в самом же начале работы вносить все изменения и поправки, имея в виду, что при заключительном этапе всякие изменения в них являются уже более затруднительными и потребуют излишнего расхода рабочей силы» [2].

Как начальник гарнизона, В. К. Блюхер проявлял большую заботу о сохранности исторических памятников и архивов Вятской губернии. 4 мая 1919 года он подписал обязательное постановление, гласившее:

«За последнее время, в связи с разгрузкой города Вятки и занятием помещений воинскими частями, было несколько случаев разгрома архивов учреждений города Вятки. Архивы составляют народное достояние и являются памятниками культурной истории края, поэтому объявляю, что впредь за всякую попытку к разгрому или расхищению архивов виновные будут привлекаться к уголовной ответственности по законам военного времени» [3].

Враги быстро оценили полководческий талант В. К. Блюхера. Адмирал Колчак обещал выдать «30 тыс. рублей тому, кто доставит его пред офицерские очи живым, или 15 тыс. рублей за его труп» [4].

---

[1] *В. И. Ленин.* Военная переписка (1917—1920), стр. 143.

[2] ЦГАСА, ф. 709, оп. 1, д. 82, л. 20.

[3] «Известия Вятского губисполкома» № 99 (318), 6 мая 1919 г.

[4] «Красный воин», 27 апреля 1919 г.

Долго смеялись красные бойцы, когда узнали, как высоко оценил неприятель голову их любимого командира. Среди красноармейцев широко было известно стихотворение:

Все говорили, что умный адмирал Колчак,
А он оказался полнейший дурак.
Послушайте, что поет —
Тридцать тысяч за Блюхера дает.
За живого,
Конечно, на ногах,
Хоть босого,
Хоть в сапогах.
А за убитого сбавляет
Сам же большевикам и цену набавляет,
А ведь мы за самого Колчака и Дутова
Не дадим и гроша дутого [1].

Заслуги В. К. Блюхера перед Родиной были по достоинству оценены советским народом. 11 мая 1919 года ему был вручен орден Красного Знамени № 1, которым он был награжден ВЦИК еще в 1918 году.

— Вручая вам, Василий Константинович, эту высокую награду,— сказал командующий 3-й армией А. С. Меженинов,— Военный совет, с восхищением следивший за вашей боевой деятельностью в боях с упорным врагом, видевший вас в цепи и в штабе, в пороховом дыму и в оперативном кабинете, с глубокой радостью и гордостью поздравляет вас с заслуженной наградой и крепко верит, что она послужит залогом новых блестящих успехов на мощь и славу родной нам 3-й армии.

В середине июня оборудование Вятского укрепрайона в основном было закончено. К этому времени войска Восточного фронта под командованием талантливого пролетарского полководца М. В. Фрунзе нанесли тяжелое поражение Колчаку и успешно продвигались вперед.

1 июля 3-й армией были освобождены Пермь и Кунгур. В связи с этой победой В. И. Ленин прислал в штаб армии телеграмму:

---

[1] «Красный набат», 29 апреля 1919 г.

«Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала. Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца. Крайне необходимо мобилизовать немедленно и поголовно рабочих освобождающихся уральских заводов. Надо найти новые революционные способы тотчас включать этих рабочих в войска для отдыха уставшим и для отпуска на юг» [1].

Выполняя указания вождя, Реввоенсовет Восточного фронта развернул большую работу по вовлечению рабочих освобожденных районов в армию. К этому времени относится формирование на Урале знаменитой 51-й дивизии. Командование фронта было обеспокоено за свой левый фланг. Он был открыт и мало обеспечен войсками. Дальнейшее наступление в глубь Сибири безотлагательно требовало его укрепления. В связи с этим было решено создать здесь новую 51-ю стрелковую дивизию и поставить во главе ее В. К. Блюхера.

В состав дивизии вошли части Особой бригады 3-й армии, Северного экспедиционного отряда и Крепостной бригады Вятского укрепленного района. Личный состав частей состоял в основном из рабочих Северного Урала, имел большую партийную прослойку и был закален в тяжелых боях с врагом.

Формирование дивизии проходило как раз в те дни, когда войска Восточного фронта, развивая успешное наступление, перевалили Уральский хребет и двинулись в глубь Сибири для окончательного разгрома Колчака.

В короткий срок в трудных условиях непрерывных боев В. К. Блюхер успешно завершил формирование дивизии. 16 августа он получил задачу выйти к реке Тобол и подготовиться к форсированию ее.

В. К. Блюхер обратился к личному составу дивизии с призывом: «приложить все усилия к тому, чтобы она в ближайший срок оказалась на должной высоте как по своей боеспособности, так и полному осознанию великих задач, возлагаемых на нее трудящимися... Строгая организованность и твердая

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 35, стр. 341.

революционная дисциплина в рядах, а также дружное сотрудничество всех работников в дивизии есть залог успеха и боевой мощи последней»[1].

Особенно большие надежды возлагал В. К. Блюхер на коммунистов.

— На вас, на железное ядро дивизии, мы всегда рассчитываем и опираемся,— говорил он,— и надеемся в каждом из вас встретить достойного вожака масс.

Став на крайнем левом фланге Восточного фронта, имея справа 29-ю дивизию, а слева — бесконечную тундру, 51-я бодро пошла вперед. Свой славный боевой путь начала она от Тюмени и дошла до Байкала.

Отбросив две лучшие дивизии Колчака, блюхеровцы 20 августа вышли к реке Тобол и с ходу форсировали ее.

Колчак всеми силами стремился остановить победоносное шествие полков Блюхера. На помощь своей пехоте адмирал бросил военную флотилию во главе с канонеркой «Марией» и авиацию.

Однако артиллеристы 152-й бригады метким огнем отогнали вражеские корабли и помогли 454-му полку под командованием И. В. Боряева форсировать бурный Иртыш. К вечеру 4 сентября Тобольск был взят. Два бронепарохода — «Иртыш» и «Александр Невский» и большие трофеи стали достоянием красных бойцов.

В. К. Блюхер тепло поздравил 152-ю бригаду с первой крупной победой и освобождением Тобольска.

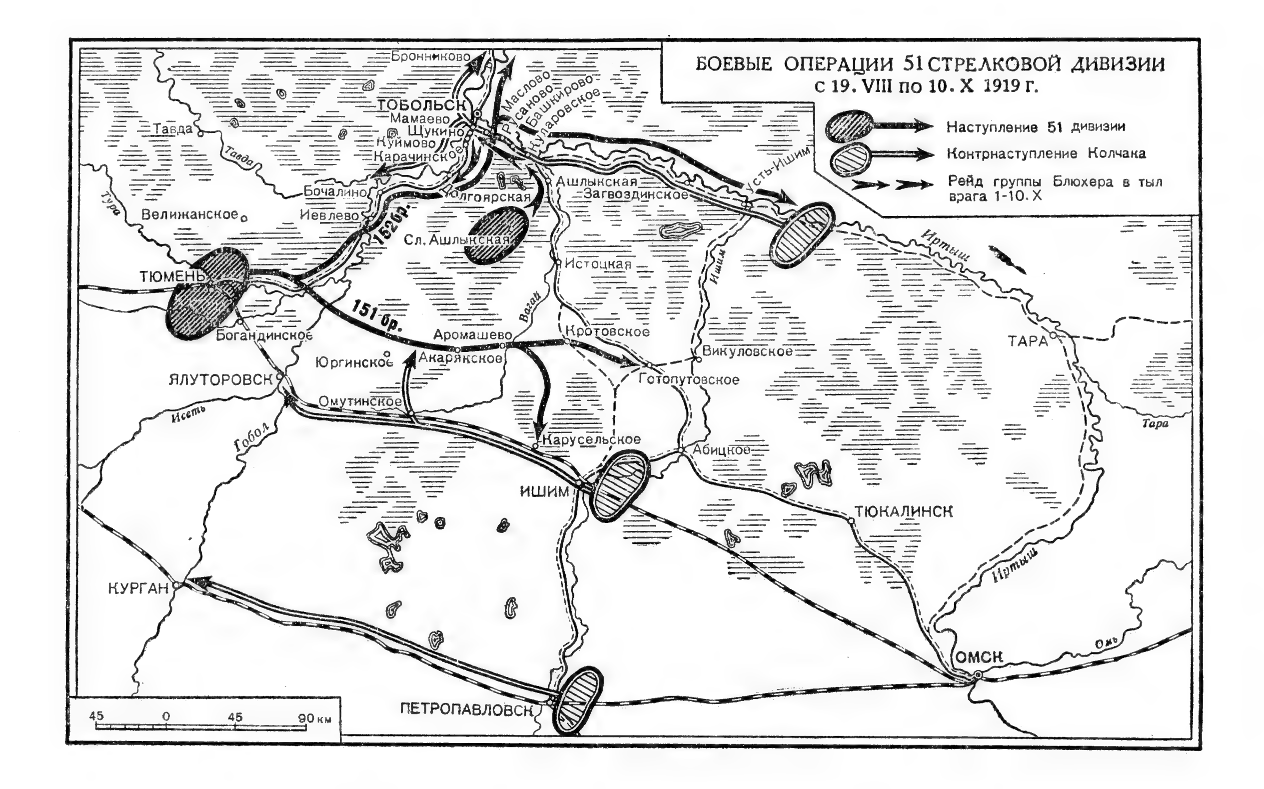
«Благодарю красноармейцев и лиц командного состава за первую крупную победу новой 51-й дивизии,— писал начдив Блюхер в своем приветствии.— Бесконечно рад, что эта победа получена от старых родных для меня уральцев».

Вверх и вниз по обоим берегам Иртыша двинулись полки 152-й бригады, преследуя неприятеля.

151-я бригада во главе с начальником дивизии в это время преодолевала сплошные леса и болота, продвигаясь к реке Ишим. Бойцы шли под пролив-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 443, л. 5.



БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ 51 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
с 19. VIII по 10. X 1919 г.
Наступление 51 дивизии
Контрнаступление Колчака
Рейд группы Блюхера в тыл врага 1-10. X
Бронниково
ТОБОЛЬСК
Маслово
Русаново
Башкирово
Куларовское
Мамаево
Щукино
Куймово
Карачинское
Тавда
Бочалино
Долгоярская
Ашлыкская
Загвоздинское
Усть-Ишим
Великанское
Иевлево
152 бр.
Сл. Ашлыкская
Тура
ТЮМЕНЬ
Истоцкая
Ишим
Иртыш
151 бр.
Вагай
Богандинское
Аромашево
Кротовское
ТАРА
Юргинское
Акарякское
Викуловское
ЯЛУТОРОВСК
Готопутовское
Омутинское
Исеть
Тобол
Тара
Карусельское
Абицкое
ИШИМ
ТЮКАЛИНСК
КУРГАН
ОМСК
Омь
ПЕТРОПАВЛОВСК
45 0 45 90 км

ным дождем, прыгали с кочки на кочку, ежеминутно рискуя сорваться и упасть в воду.

Условия были чрезвычайно тяжелые. Непрерывные осенние дожди испортили дороги. Обозы застревали в пути. Пулеметы и боеприпасы тащили на себе. Вода и грязь просачивались в рваные сапоги и лапти. Видавшие виды шинели насквозь промокали. Начал свирепствовать тиф.

Дивизия действовала на огромном фронте, протяжением свыше 300 километров. Связь между частями и соседями была нарушена. Не было регулярной связи штаба дивизии, находившегося в Тюмени, с наступающими частями.

Но бойцы вместе со своим начдивом упорно шли вперед, громя неприятеля и совершая беспримерные подвиги. Вот дела одного из неуловимых разведчиков 451-го полка, П. Я. Кашина. Много раз проникал он в самое логово белогвардейцев и доставал ценные сведения. О его дерзких налетах, мужестве и отваге ходили легенды. Объявляя о награждении П. Я. Кашина орденом Красного Знамени, Реввоенсовет республики в своем приказе № 196 от 2 марта 1920 года отмечал, что П. Я. Кашин 15 мая 1919 года первым вбежал в деревню Ивановскую и захватил вражеский пулемет; 14 августа при атаке деревни Быструшинской ворвался в штаб противника и на глазах у белогвардейцев забрал папку с оперативными документами и доставил ее своему командованию; 12 сентября в районе села Б. Сорокинское догнал обоз противника и взял его в плен; в селе Прокутском захватил канцелярию оперативного штаба 1-го Сибирского добровольческого полка [1].

Таких лихих бойцов были сотни в этой прославленной дивизии.

Решительное наступление советских войск поставило Колчака перед катастрофой. Он предпринимает последнюю судорожную попытку разбить красные войска. Собрав все свои резервы восточнее Петропавловска и Ишима, белые в начале сентября перешли в контрнаступление. Главный удар был нанесен по 5-й армии. Целый месяц продолжались кровопро-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 475, л. 62.

литные бои в районе между Тоболом и Ишимом. Измотанная непрерывными боями, она вынуждена была под натиском превосходящих сил противника отойти за Тобол.

В середине сентября Колчак нанес удар по войскам 3-й армии.

Наступая вдоль железной дороги Ишим — Тюмень, неприятель при поддержке бронепоездов отбросил 29-ю дивизию к Ялуторовску и вышел в тыл 151-й бригаде. Уверенный в стойкости своих частей, Блюхер решает продолжать наступление на Ишим, в тыл неприятелю. Сокрушая врага, 151-я бригада взяла курс к станции Карусельская. Еще удар — и главная коммуникационная линия Колчака могла быть перерезана. Предчувствуя опасность, белые оттянули часть своих сил с фронта 29-й дивизии и бросили их против 151-й бригады. Высланная Блюхером к Ишиму разведка донесла, что враг сосредоточил здесь крупные силы. Его кавалерийские части все глубже заходили в тыл 51-й дивизии, прижимая ее к болоту.

Одновременно белогвардейцы обрушились на левый фланг 51-й дивизии. Против двух бригад Блюхера неприятель бросил пополненные 7-ю и 15-ю пехотные дивизии, морскую и штурмовую отдельные бригады и другие части. Их активно поддерживали своим мощным огнем военная флотилия и более 10 самолетов.

Главный удар колчаковцев пришелся по 454-му и 455-му полкам. Вооруженные только пулеметами и винтовками, они не смогли выдержать артиллерийского огня и натиска вражеских кораблей. Противник занял Тобольск и устремился вверх по Тоболу в глубокий тыл 3-й армии. Он хотел соединиться со своими войсками в районе Ялуторовска и замкнуть кольцо вокруг 51-й дивизии.

Неприятель рассчитывал на то, что Блюхер будет прорываться из окружения кратчайшим путем через болота, попадет под фланговый удар Тобольской группировки и будет разбит. Превосходство в силах было настолько велико, что Колчак не сомневался в успехе операции. Как только ему доложили о том, что Тобольск взят и десантные войска двинулись к

Ялуторовску, он немедленно выехал на пароходе «Товарпор» в Тобольск, чтобы лично присутствовать при разгроме Блюхера. «Адмирал,— писал сопровождавший Колчака управляющий его делами Гинс,— явно предвкушал удовольствие удачной и верной операцией».

Однако В. К. Блюхер своим смелым и рискованным маневром спутал неприятелю все карты. Он неожиданно сам появился с отрядом под Тобольском и стал громить ударную группу Колчака с тыла. Такого хода неприятель никак не ожидал. Нужна была смелость, глубокая вера в бойцов, в авторитет и влияние коммунистов, чтобы в неблагоприятнейших военных обстоятельствах пойти на столь решительный шаг.

30 сентября 1919 года В. К. Блюхер отдал приказ о создании Ударной группы и подготовке к наступлению.

Указывая на исключительную ответственность похода в тылу врага, Блюхер призывал бойцов приложить «все силы и энергию в выполнении поставленной задачи, твердо помня, что только быстрое и энергичное выполнение операции обеспечивает успех».

Василий Константинович особое внимание обратил «на бережное расходование патронов, так как при почти полной изолированности на пополнение ими рассчитывать не приходится».

1 октября начался поход на Тобольск. Всего в отряде Блюхера насчитывалось около 2 тысяч бойцов и 12 легких орудий. От Ашлыкской двинулись на север по реке Вагай к Иртышу. Колчаковцы не ожидали удара в этом направлении и в первые дни в панике разбегались.

Поздно вечером 3 октября блюхеровцы подошли к деревне Башкирово. Кругом лес и болота. Мирно расположился здесь на ночлег дивизион улан Петропавловского полка. Красные бойцы незаметно окружили деревню, а затем с криком «ура» бросились в атаку. В короткой схватке белогвардейцы были разгромлены. 40 улан сдались в плен. Они рассказали, что следом за ними из Тобольска идут два полка пехоты. На другой день у деревни Русаново

блюхеровцы сразились с ними. С обеих сторон громыхала артиллерия, рвались снаряды, пулеметы косили ряды сражающихся. Группе Блюхера помимо победы нужны были снаряды, патроны, продовольствие. После пятичасового напряженного боя в обход противника был брошен батальон под командованием С. Д. Горшкова. Преодолевая топкие болота и колючий кустарник, батальон вышел в тыл и бросился в атаку. Одновременно другие подразделения ударили с фронта. Дружной атакой белогвардейцы были смяты и отброшены.

С приближением отряда Блюхера к Тобольску противник все больше нервничал. Он приостановил наступление своей ударной группы к Ялуторовску и стал оттягивать ее к Тобольску.

Бои с каждым днем становились все более упорными. Блюхеровцам не хватало боеприпасов, питались одной картошкой, но они упорно продвигались вперед. Связи с ними не было, и командование 3-й армии выражало беспокойство за их судьбу.

В эти дни героический подвиг совершили рядовые связисты Александр Вылегжанин и Геннадий Маландин. Награждая их орденом Красного Знамени, Реввоенсовет республики отмечал, что, «когда 454-й и 456-й полки 51-й дивизии были отрезаны противником, они добровольно взялись доставить пакет с оперативными документами. Переодевшись в вольное платье, они, ежеминутно рискуя жизнью, прошли непроходимыми лесами и болотами и через два дня доставили пакет Блюхеру».

5 октября отряд подошел к Тобольску. С высокого берега Иртыша он хорошо был виден в бинокль. Пленные показали, что в городе сосредоточены крупные силы, мост охраняет военная флотилия. Для захвата Тобольска отряд Блюхера был слишком мал, к тому же бойцы сильно устали. Помощи же ждать было неоткуда. Поэтому Василий Константинович решил свернуть на юго-запад и нанести удар по группировке Колчака с тыла. Заняв деревню Мамаево, блюхеровцы вышли на тракт Тобольск — Тюмень и отрезали части неприятеля, оперировавшие у села Бочалина (в 100 километрах южнее Тобольска).

В Мамаеве заместителю командира 453-го полка Ф. И. Ольшевскому удалось подключиться к проводу противника. Из подслушанного разговора он узнал, что неприятель спешно отходит от Бочалина и сосредоточивает крупные силы в районе деревни Щукино, чтобы задержать Блюхера.

Не теряя времени, красный отряд внезапным ночным налетом взял Щукино.

7 и 8 октября были наиболее трудными днями. Будучи уже в плотном железном кольце, красные орлы должны были нанести последний, решающий удар по противнику. Смерть или победа! Другого выхода не было. Весь отряд с обозами, артиллерией и ранеными занимал небольшую площадь в три квадратных километра.

Колчаковцы были уверены, что теперь-то они наверняка поймают неуловимого Блюхера. Их самолеты сбрасывали провокационные листовки: «Вы окружены, спасения вам нет. За каждую минуту сопротивления будет беспощадная расправа. Красноармейцы! Сдавайтесь. Уничтожайте ваших комиссаров и командиров, арестуйте и выдайте нам Блюхера, и ваша жизнь будет сохранена».

Но красные воины еще теснее сплачивали свои поредевшие цепи, крепче сжимали в руках боевое оружие.

Перед решающей схваткой В. К. Блюхер собрал Военный совет. Здесь были командиры и комиссары полков, секретари партийных ячеек. Начдив, как всегда, был спокоен, голос звучал твердо и уверенно. Он обрисовал сложившуюся обстановку и приказал нанести удар в южном направлении, на село Карачинское, разорвать кольцо и выйти из окружения.

Всю ночь разведчики слышали шум на Иртыше. Это колчаковцы высаживали подкрепления.

На рассвете 8 октября красный отряд пошел в атаку. Белые бросили против него целую дивизию. Разгорелся ожесточенный встречный бой. Блюхеровцы от наступления перешли к обороне. Их ряды быстро таяли. Раненые, ковыляя, шли также сражаться. Они просили только побольше патронов. Василий Константинович в черной кожаной куртке, в кожаной фуражке с большой красной звездой все

время находился на позициях. Личная храбрость В. К. Блюхера воодушевляла бойцов. Они знали, что их командир всегда находится на самом опасном участке боя, что он примет правильное решение и найдет выход из трудного положения.

Под натиском противника отряд оставил деревню Щукино и отошел в Куймово. Участок сузился до двух квадратных километров. Атаки белогвардейцев следовали одна за другой. Они поддерживались тяжелой корабельной артиллерией и бомбовыми ударами с воздуха. Все резервы красных были исчерпаны. Бойцы изнемогали от усталости и голода. К вечеру бой достиг наивысшего напряжения. Положение отряда стало критическим. Он задыхался в кольце. В передовых рядах с винтовками в руках дрались все командиры во главе с Блюхером.

Отбито шесть грозных атак. А кольцо все сжимается. Бойцы снова отходят на линию вырытых накануне окопов. Противник, сделав перегруппировку, вновь переходит в атаку. Назревал кризис боя. Чувствовалось, что уходят последние силы бойцов. Кончались патроны и снаряды. А белые бросали в бой все новые и новые части, подвезенные ночью. Начинало темнеть. Надо было во что бы то ни стало прорваться. Блюхер делает последнюю ставку. Он снова применил обходный маневр, не раз выручавший из беды. Начдив вызвал к себе командира батальона 453-го полка С. Д. Горшкова и приказал ему пройти болотами в тыл противника и внезапно напасть на него.

Два часа шли бойцы Горшкова (около 200 человек) по пояс в воде. Мокрые, все в грязи, тихо выбрались они на берег, расставили свои четыре пулемета и бросились в атаку.

«Ура!» — загремело по болотам и окрестным лесам. Белые вначале бросились бежать. Однако через несколько минут опомнились и перешли в контратаку.

Выручили пулеметы. Наши бойцы отошли, и неприятельские цепи попали под перекрестный прицельный огонь. В их рядах началось замешательство. Батальон Горшкова вновь перешел в наступление. Стремительной штыковой атакой он смял

вражеские резервы, а затем ударил с тыла по его атакующим цепям. Среди белогвардейцев поднялась паника. Услышав крики в тылу белых, Блюхер понял, что удар Горшкова удался, и повел бойцов в атаку. Забыв про усталость, дружно ринулись они на неприятеля и смяли его. Кольцо было разорвано. Преследовать противника блюхеровцы уже больше не могли. Забрав с собой всех раненых, они под прикрытием темноты спешно двинулись на юг. 10 октября отряд Блюхера соединился в деревне Долгоярской со своими войсками. 200 пленных и десять трофейных пулеметов привез он с собой.

Умелым маневром Блюхер не только расстроил планы Колчака, но и нанес ему большие потери. Фланговый удар противника в глубокий тыл 3-й армии был сорван.

Даже белогвардейцы вынуждены были признать большие военные способности В. К. Блюхера: «Советский «генерал» Блюхер — тоже из рабочих,— писал Гинс.— О нем мы много раз слышали в пути. Крестьяне рассказывали, что всегда при трудных обстоятельствах красные говорили о Блюхере: «Он выручит», «Он нас не выдаст». И действительно выручил» [1].

Отмечая исключительные мужество и отвагу, проявленные С. Д. Горшковым в этом походе, его смелые рейды в тыл врага, Реввоенсовет республики наградил бесстрашного командира орденом Красного Знамени и золотыми часами.

Колчак был сильно разгневан неудачей. Его пароход под Тобольском чуть было не попал под обстрел советской артиллерии. Вместо того чтобы быть свидетелем разгрома Блюхера, ему пришлось спешно возвратиться обратно в Омск.

В середине октября 1919 года войска Восточного фронта вновь перешли в наступление. 22 октября 51-я дивизия вторично освободила Тобольск. Это еще раз подтвердило, что красным героям не страшны ни полчища белых, ни непроходимые болота, ни лишения, ни голод, ни холод.

---

[1] *Г. К. Гинс.* Сибирь, союзники и Колчак, ч. II. Пекин, 1921, стр. 363.

Жители города радостно встречали своих освободителей. Проходили массовые митинги. Выступления Блюхера поднимали население на борьбу с белогвардейцами.

Политотдел занялся восстановлением Советской власти в освобожденных районах. Тысячи добровольцев влились в ряды дивизии.

В эти дни Блюхер получил новое задание: разгромить северную группировку Колчака, отступавшую главными силами вверх по Иртышу.

Лесными тропинками по глухой сибирской тайге двинулась вперед 51-я дивизия. Лошади не могли пройти через лесную чащу, и бойцам пришлось тащить на себе продовольствие, боеприпасы, пулеметы. С боями были преодолены огромные пространства. Вскоре ударили морозы, а люди шли в рваных ботинках и в летнем обмундировании. Трудно пришлось бойцам в это время.

В. К. Блюхер все время держал инициативу в своих руках.

11 ноября лихим налетом дивизия занимает город Тюкалинск, а через день — город Тару. Вслед за тем она устремилась к столице Колчака — Омску. Всего на несколько часов опередили ее бойцы 27-й и 30-й стрелковых дивизий.

Разгромленные остатки армии «верховного правителя» спешно уходили в Забайкалье, где В. К. Блюхеру пришлось добивать их через два года.

В конце декабря 1919 года 51-я дивизия сосредоточилась в районе Ново-Николаевска (Новосибирска). Город находился в тяжелом положении: предприятия не работали, не хватало продовольствия и топлива, тиф косил жителей. Часто находили трупы на улицах. В. К. Блюхер, как начальник гарнизона, сделал все возможное, чтобы восстановить хозяйственную жизнь города и ликвидировать эпидемию тифа.

Борьба с тифом была долгой и упорной. Не хватало врачей, медикаментов, госпиталей. Все здоровое население города было поднято на ликвидацию эпидемии. Им активно помогали бойцы дивизии. Приближалась весна, а вместе с ней нарастала угроза усиления эпидемии. В связи с этим В. К. Блюхер

распорядился провести в конце марта неделю чистки города. Саперы взрывали мерзлую землю и делали братские могилы. Ново-Николаевск был очищен и приведен в порядок. Эпидемия тифа была побеждена.

Одновременно части пополнялись добровольцами, приводились в порядок после тысячеверстного перехода, подтягивались тыловые учреждения. Дивизия готовилась к дальнейшему походу на восток.

Большое значение придавал Василий Константинович обучению войск.

— Занятия должны проводиться ежедневно и аккуратно по выработанной программе,— говорил он.— Каждый красноармеец обязан понять необходимость требуемого от него серьезного отношения к своим обязанностям.

Вскоре 51-я дивизия была переброшена к берегам Байкала. Она приняла активное участие в восстановлении Черемховских угольных копей и в полевых работах.

В марте 1920 года В. К. Блюхер, один из первых начдивов Красной Армии, был назначен командиром-единоначальником. Командир-единоначальник получал большую свободу действий и отвечал не только за оперативно-тактическую деятельность вверенных ему войск, но и за партийно-политическую работу. Это ответственное дело партия доверяла только наиболее опытным и авторитетным командирам — коммунистам, имеющим необходимую политическую подготовку.

Воспользовавшись кратковременным отдыхом, В. К. Блюхер мобилизует партийные организации на усиление массово-политической и культурно-воспитательной работы с личным составом.

Поскольку дивизия все время находилась в боях и понесла большие потери, нужно было прежде всего создать и укрепить партийные ячейки в полках, с их помощью усилить воинскую дисциплину и повысить боевую подготовку. Партийно-политическую работу в частях Блюхер ставил на первый план.

— Надо,— говорил он,— чтобы каждый красноармеец был глубоко убежден в том, что он сражается за самое правое и святое дело — за народное счастье.

В дивизии были открыты школы и курсы по ликвидации неграмотности и подготовке младших командиров и бойцов — пулеметчиков, телефонистов, саперов. Для коммунистов были открыты специальные партийные школы, где они изучали теорию марксизма-ленинизма.

В подразделениях проводились беседы, лекции, демонстрировались кинофильмы, устраивались концерты самодеятельности.

С помощью партийных организаций Блюхеру удалось в короткий срок сплотить вокруг основного костяка прибывшее пополнение и создать единую боевую семью. Весело пели бойцы свою любимую песню:

Мы родились в снегах Сибири,
Под нами песни пел Байкал,
В его свободной дикой шири
Мы получили свой закал.

Вот почему мы так суровы,
Тяжел размеренный наш шаг —
В борьбе за право жизни новой
Упорство наше знает враг.

Дивизия отдохнула, окрепла и готова была к новым боям.

В конце мая Василий Константинович был отозван из 51-й дивизии и назначен командующим войсками внутренней охраны Западносибирского сектора. Однако через месяц он снова вернулся в дивизию. В это время на юге страны нависла новая опасность со стороны Врангеля. На борьбу с ним спешно была направлена 51-я дивизия во главе с В. К. Блюхером.

«Когда в 1920 году на юге России понадобилось создать надежный барьер против новой контрреволюционной волны, хлынувшей на Украину через теснины Крымских перешейков,— писал М. В. Фрунзе,— Советское командование снимает из Сибири 51-ю дивизию и бросает на этот, ставший важнейшим, участок фронта» [1].

---

[1] «51-я Перекопская дивизия». М., 1925, стр. 12.

Борьба за Каховку

Каховка, Каховка! Родная винтовка.
Горячая пуля, лети.
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Шел 1920 год... Империалисты США и Антанты предприняли новое военное нападение на молодую Советскую республику. На этот раз они бросили против Страны Советов буржуазно-помещичью Польшу и остатки укрывшейся в Крыму деникинской армии под командованием «черного барона» генерала Врангеля.

В течение весны и лета 1920 года у берегов Крыма непрерывно дымили их транспортные суда, доставлявшие белогвардейцам вооружение и боеприпасы. Английские офицеры руководили обучением и переформированием белой армии. Под руководством французских военных инженеров по последнему слову техники того времени укреплялись Крымские перешейки.

С помощью империалистов Врангель в короткий срок создал небольшую по численности, но хорошо вооруженную армию.

«Врангелевские войска,— говорил В. И. Ленин,— снабжены пушками, танками, аэропланами лучше, чем все остальные армии, боровшиеся в России» [1].

Особое внимание уделял барон созданию так называемой «бронированной» кавалерии. Она комплектовалась из бывалых кавалеристов и имела

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 306.

большое количество бронеотрядов, пулеметных тачанок, грузовиков с пулеметными установками, авиацию.

По силе удара и маневренности она не имела себе равных в мире. Врангель хвастливо уверял, что с такой армией его никто не победит.

В начале июня войска Юго-Западного фронта перешли в контрнаступление против белополяков, прорвали их оборону и успешно продвигались вперед. В это время из теснин Крымских перешейков вылез Врангель. Мощными ударами он отбросил ослабленные войска 13-й армии и двинулся на север, в тыл наступающему Юго-Западному фронту.

Большей помощи белополяки не могли ожидать. К концу месяца вся Северная Таврия с ее огромными запасами хлеба была в руках врага. Врангель готовился выбросить десанты на Дону и Кубани, угрожал захватить Донбасс.

Над Советской страной нависла серьезная опасность...

Коммунистическая партия и лично В. И. Ленин принимают решительные меры для организации разгрома Врангеля. 10 июля Центральный Комитет обратился с письмом ко всем партийным организациям, в котором призвал их приложить все силы, «чтобы немедленно прекратить продвижение Врангеля и уничтожить крымское белогвардейское гнездо... Над Крымом должен взвиться красный флаг рабочей революции!» [1]

«К оружию, товарищи!» — звала партия весь советский народ. По партийной мобилизации на врангелевский фронт отправились 10 000 коммунистов и комсомольцев.

Выпущенный в те дни агитационный плакат призывал: «Врангель еще жив. Добей его без пощады!» Борьба с Врангелем стала важнейшей задачей республики. 28 июня В. К. Блюхер получил приказ партии и главного командования двинуться из далекой Сибири на запад.

Сборы были коротки. 1 июля первый эшелон был уже в пути. Вслед за ним один за другим двинулись

---

[1] «Правда», 10 июля 1920 г.

еще 92 эшелона: 24 тысячи бойцов, 7 тысяч лошадей, огромное количество вооружения и боеприпасов. Это была внушительная по тем временам сила.

Прощайте, величественный Байкал и шумная Ангара, беспредельные тундры и равнины Сибири, прощай, седой Урал!

Возлагая эту ответственную боевую задачу на дивизию Блюхера, советское командование имело в виду ее высокую боеспособность и закалку, приобретенные в борьбе с Колчаком, военный талант и незаурядные организаторские способности ее командира.

В новой обстановке, в новых условиях борьбы с сильным врагом 51-я дивизия блестяще оправдывает свою боевую репутацию и доверие командования.

Основные силы советских войск в это время находились на белопольском фронте. Против Врангеля на огромном протяжении действовали относительно малочисленные части 13-й армии, разделенные к тому же на две группы войск: одна находилась на правом берегу Днепра — в районе Бериславля, другая — на левом — в районе Александровска — Орехова. Инициатива находилась в руках Врангеля. 51-я дивизия была включена в Правобережную группу и спешно сосредоточивалась в районе Бериславля.

Во время коротких привалов политорганы проводили в деревнях митинги, читали лекции, разъясняли крестьянам политику Советской власти. Дисциплинированность и хорошее отношение бойцов к селянам привлекали в ряды дивизии много добровольцев из местных жителей. Они хорошо понимали, что красные бойцы защищают их интересы.

...Командование 13-й армии не стало дожидаться подхода 51-й дивизии и в ночь на 7 августа начало наступление. Основной удар наносили войска Правобережной группы — 15-я, 52-я и Латышская дивизии. Они успешно форсировали Днепр, заняли Каховку и стали продвигаться вперед.

Василий Константинович выражал свое несогласие с тем, что наступление началось до подхода 51-й дивизии. «Вверенная мне дивизия,— писал он,— будучи самой боеспособной и равняясь по численно-

сти всей группе[1], взятой вместе, создавала своим появлением на фронте колоссальное превосходство над противником, что повело бы к его разгрому. Только подготовив форсирование и наступление, нужно было тогда начинать его выполнение, а не наоборот»[2].

Именно этого превосходства над неприятелем в то время создано не было. Поэтому хотя наступление и началось успешно, но оно не получило своего развития. На помощь 2-му армейскому корпусу Врангель перебросил «бронированный» кавалерийский корпус генерала Барбовича и нанес сильный контрудар по нашим войскам.

Благодаря огромному превосходству в коннице врагу удалось отбросить войска Правобережной группы к Каховке. Создалась угроза ликвидации плацдарма.

Только что прибывшие урало-сибирские полки Блюхера, пропустив через свои боевые порядки отступающие части Латышской и 52-й дивизий, преградили путь наседающему врагу. В трехдневных кровопролитных боях они стойко отразили все атаки прославленной кавалерии Врангеля и отстояли Каховский плацдарм.

«Ожесточенные схватки в степях Заднепровья,— с радостью отмечал В. К. Блюхер,— неизменно оканчиваются нашей победой, и генеральская конница, мечтавшая блеснуть своими штандартами в глубине Советской республики, все чаще и чаще обращается к помощи быстрых коней своих, отмечая на карте маршрут в Перекоп.

Красные сибирские стрелки и теперь, как всегда, остаются верными своему революционному долгу».

В первых же боях особенно отличился 457-й Московский стрелковый полк. Два дня подряд он отбивал яростные кавалерийские атаки противника, а днем 15 августа сам перешел в контратаку. Против одного нашего полка неприятель бросил многочис-

---

[1] Имеется в виду Правобережная группа.
[2] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 186, л. 94.

ленную кавалерию и несколько бронемашин. Но советские воины одержали верх.

После короткой артиллерийской подготовки врангелевцы вновь перешли в наступление. Туземный корпус белых, сверкая в воздухе клинками, в развевающихся бурках и бушлатах летел на красных бойцов. Но и эта атака захлебнулась. Степь покрылась сотнями трупов. Получив неожиданный удар, белые опешили, но вскоре бросились в новую атаку.

Вражеские броневики курсировали по всему фронту, нащупывая слабые места в расположении советских войск. В упорном бою им удалось прорвать в двух местах фронт полка и зайти ему в тыл. На горстку храбрецов противник направил несколько бронемашин. Но сибиряки не растерялись. Разбившись на отдельные группы и перестроившись в так называемые ежи, они образовали несокрушимую щетину штыков, о которую разбились все атаки белогвардейцев.

Полк понес большие потери. В бою пали почти все командиры и политработники, но остатки его продолжали героически сражаться, вызывая своей стойкостью ярость врага. На поддержку героев были направлены резервы. Это придало еще больше мужества воинам полка. Бой продолжался до поздней ночи. Противник не выдержал и вынужден был отойти на свои позиции. За этот подвиг 457-й полк был награжден Почетным революционным Красным знаменем.

Стойкость и доблесть бойцов 51-й дивизии, их дисциплинированность вызвали у врангелевцев убеждение, что в дивизии Блюхера сражаются одни коммунисты. Им казалось, что так героически воевать могут только коммунисты.

«Прибыла новая вымуштрованная дивизия — сплошь коммунистическая,— сообщала белогвардейская газета.— Все командные должности заняты старыми офицерами, продавшимися большевикам. Во главе ее стоит немецкий генерал Блюхер (тот же слух, что и на Восточном фронте), а начальником штаба у него молодой офицер Датюк, который занимается не только оперативными делами, но... и ведет агитационную работу...

Враг очень силен, хитер, но с божьей милостью он будет нашими храбрыми воинами разбит»[1].

Действительно, в дивизии была большая и сплоченная партийная организация. Каждый четвертый боец был коммунистом[2].

Бригадами и полками командовали опытные командиры коммунисты Ф. И. Ольшевский, В. В. Хлебников, С. Н. Удников, А. Н. Королев, И. В. Боряев, И. Ф. Кушников, Ф. А. Рязанов, Б. В. Круглов, А. К. Юшкевич и другие. С любовью называли бойцы имя начальника политотдела дивизии Ф. В. Строганова. Коммунисты цементировали дивизию. В боях они шли впереди и своим личным примером воодушевляли бойцов на подвиги. Политрук Пышкин, окруженный группой белых кавалеристов, не желая сдаваться в плен, бросил бомбу и взорвался вместе с белогвардейцами.

Телефонист коммунист Плакунов с раздробленными голенями обеих ног стрелял из пулемета, пока не потерял сознание.

...Во второй половине августа войска 13-й армии вновь перешли в наступление. Основной удар на Серогозы — Мелитополь наносила Каховская группа под командованием В. К. Блюхера.

Одновременно 2-я Конная армия под командованием О. И. Городовикова, наступая от Александровска, должна была совершить рейд в тылу у Врангеля и соединиться с Каховской группой в районе Мелитополя.

20 августа бойцы 51-й дивизии, одетые в красные рубашки, полученные ими в дар от рабочих Москвы за победу над Колчаком, стремительно двинулись в атаку. Врангелевцы оказывали упорное сопротивление. Используя неубранные с полей копны хлеба, они маскировали в них свои пулеметные тачанки и в упор поливали наши войска свинцовым огнем. Для борьбы с ними Блюхер выдвинул вперед свои орудия и прямой наводкой прокладывал путь пехоте. Никакие усилия врага не смогли сдержать ее натиск. В бою у села Торгаевки неприятель был разбит и отброшен.

---

[1] «51-я Перекопская дивизия». М., 1925, стр. 68.

[2] «Красная звезда» № 268, 14 ноября 1935 г.

Сообщая об этой победе, Василий Константинович писал, что «противник, разгромленный нами после ожесточенных боев 26 августа, при нашем переходе 27 августа в наступление и ударе по его левому флангу в районе Ивановки начал отход в разных направлениях. Имеются сведения о растерянности, панике и колоссальной убыли, понесенной противником» [1].

27 августа группа Блюхера освободила Верхние и Нижние Серогозы. В то же время Латышская и 15-я дивизии успешно продвигались к Перекопу.

Заняв Серогозский район, блюхеровцы вышли в тыл главных сил Врангеля. До Мелитополя оставалось 25—30 километров. Дальнейшее продвижение их вперед отрезало бы белых от Крыма, и они могли оказаться в мешке. Почувствовав угрозу, барон спешно перебросил сюда свои лучшие части с других направлений. 2-я Конная армия опаздывала с выходом к намеченной цели и не могла помочь. Бойцы Блюхера одни приняли удар противника.

Зная об огромном превосходстве неприятеля, Василий Константинович предупредил командиров, чтобы они не терялись, уверенно руководили боем и достойно встретили врага.

Корниловская дивизия белых с ходу атаковала 153-ю бригаду, но после двухчасового сражения отошла. На следующий день по всему фронту 51-й дивизии шел ожесточенный бой. Против одного советского полка белые бросили три полка пехоты, полк кавалерии и 10 орудий. Им удалось ворваться в окопы нашего полка и потеснить его.

...Девятые сутки шли непрерывные ожесточенные бои. Непривычная для сибиряков августовская жара еще больше истощала силы.

30 августа центр сражения находился в районе Серогоз. Врангель снова ввел в бой конный корпус генерала Барбовича. Стойко отражали красные воины ожесточенные атаки неприятеля. Наши батареи стояли вместе с пехотой и били прямой наводкой по белой кавалерии. Верхние Серогозы переходили из рук в руки. Несмотря на двойное превосходство

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 58, л. 22.

сил, противник все же не смог сломить упорства красных полков.

В разгар сражения 51-я дивизия получила приветственное письмо и Красное революционное знамя от бойцов 30-й дивизии — своих старых боевых соратников по Восточному фронту — как символ боевого содружества двух лучших дивизий Красной Армии.

«30-я дивизия,— говорилось в письме,— преподнося Красное революционное знамя своему славному боевому товарищу — 51-й дивизии, горячо надеется и убеждена, что это знамя, густо политое кровью рабочих, будет в надежных руках испытанных бойцов и славный марш на восток завершится победным маршем в Севастополь» [1].

Знамя 30-й дивизии гордо реяло на полях сражений, воодушевляя блюхеровцев на новые подвиги.

С утра 31 августа бой возобновился с новой силой. В тот день 51-я дивизия приняла на себя основной удар Врангеля. У села Торгаевки его «дикая дивизия» при поддержке тяжелой артиллерии и авиации восемь раз ходила в атаку. Но все они были отбиты. С исключительной храбростью и отвагой на самом опасном участке сражался сводный батальон коммунистов под командованием начальника политотдела дивизии Ф. В. Строганова.

К вечеру Блюхер приказал оставить Торгаевку и начать организованный отход на Каховский плацдарм. Противник хотел смять бесстрашные ряды сибиряков и ворваться в этот опорный пункт. Главный удар Врангель направил на деревню Скотный Двор, где расположился штаб дивизии. Белогвардейцы пытались уничтожить его, внести дезорганизацию в управление частями, вызвать панику и тем самым облегчить выполнение своей задачи.

Тяжелая артиллерия белых открыла сильный огонь по деревне. Авиация на бреющем полете бомбила и обстреливала наши окопы из пулеметов. Бомбами разворотило дом, где помещался штаб. Вслед за этим неприятель бросил в атаку 18 броневиков, за ними сплошной цепью шли пулеметные тачанки, расчищая путь пехоте и кавалерии. Весь горизонт

---

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 475, л. 214.

был покрыт вражескими войсками. Казалось, что ничто не устоит перед такой грозной силой. Но бойцы 153-й бригады устояли. Они еще крепче прижались к земле в своих окопчиках и отразили бронированный удар Врангеля. Пропустив броневики в тыл, блюхеровцы ружейно-пулеметным огнем отрезали кавалерию и пехоту противника и остановили их.

На помощь нашим бойцам смело бросились в атаку красные летчики. Они засыпали врага пулеметным огнем и бомбами.

В разгар боя прибыло пополнение — 400 сибиряков. В. К. Блюхер с ходу направил их на позиции, а сам спешно стал приводить в порядок батареи. Вскоре заговорили и они. Первый мощный натиск неприятеля был остановлен. Все его дальнейшие атаки были отбиты. Маневрируя и нанося удары противнику, Блюхер организованно отвел дивизию на Каховский плацдарм и стал готовиться к новым боям.

Серогозская операция имела большое значение в общем ходе борьбы с Врангелем. Удар Блюхера ликвидировал угрозу Донбассу. Барон вынужден был прекратить наступление в этом районе и перебросить корпус Барбовича, корниловскую и 6-ю пехотную дивизии против Каховской группы Блюхера. Он хотел разгромить ее, но ему не удалось осуществить свой план, хотя для этого он использовал все средства: шрапнель 60 орудий рвалась над головами красных бойцов, вражеские эскадрильи непрерывно бомбили наши позиции, а бронемашины забирались в тыл и нарушали управление.

Но герои-сибиряки, воодушевляемые своим начдивом, не дрогнули и под этим огненным шквалом. Остановившись на заранее укрепленных позициях, они дали сокрушительный отпор наседавшему противнику, отбив у него охоту захватить переправы через Днепр.

«Вы смело встретили натиск первой волны,— приветствовал Блюхер свои войска.— Эта волна разбилась о вашу могучую грудь. Честные и стойкие защитники свободного труда, крепче сжимайте винтовку. Победа близка.

И если наследником Колчака и Деникина объя-

вит себя Врангель, пусть он будет наследником до конца, пусть разделит с ними их участь».

Успешные боевые действия 51-й дивизии Блюхера на Каховском плацдарме положили начало победам на Южном фронте.

В течение сентября обе стороны усиленно готовились к решительной схватке. 21 сентября по решению ЦК партии был создан самостоятельный Южный фронт. По предложению В. И. Ленина командующим его был назначен выдающийся пролетарский полководец М. В. Фрунзе.

Врангель должен быть уничтожен до зимы — такова была директива Владимира Ильича и Коммунистической партии.

На помощь Южному фронту непрерывным потоком шли резервы, боеприпасы. Реорганизовывалось управление войсками. Вместо Правобережной группы была создана 6-я армия. Командующим ее назначается член РВС 1-й армии коммунист К. А. Авксентьевский. В. К. Блюхер утверждается начальником Каховского укрепленного района. На него была возложена чрезвычайно ответственная задача — во что бы то ни стало удержать Каховский плацдарм, который являлся сущим бедствием для неприятеля. Нависая над его левым флангом, он как бы раздваивал силы Врангеля. Отсюда советские войска могли в любой момент внезапным ударом отрезать их от основной базы в Крыму.

Врангель прекрасно понимал, какая угроза таилась в существовании Каховского плацдарма. Потерпев неудачу в ликвидации его, он вынужден был держать здесь крупные силы.

Укрепление Каховского плацдарма являлось одной из важнейших предпосылок близкого разгрома неприятеля.

В эти дни В. К. Блюхер, окруженный инженерами, превратился в подлинного фортификатора. Используя богатый опыт, приобретенный при создании Вятского укрепленного района, Василий Константинович вместе с выдающимся военным инженером Д. М. Карбышевым спешно проводит работы по инженерному оборудованию плацдарма, организует артиллерийскую и противотанковую оборону.

Смысл устройства укрепления заключался в создании трех линий обороны с проволочными заграждениями в три-четыре кола, связанных между собой ходами сообщений, в оборудовании опорных пунктов, противотанковых рвов и минировании участков между ними. «Вся полоса обороны,— говорится в приказе начальника укрепрайона,— должна тактически состоять из нескольких линий — узлов сопротивления, имеющих между собой взаимную огневую и живую связь. За внешней линией для парирования частных прорывов противника должен быть оборудован ряд опорных пунктов, узлов сопротивления, резервных блиндажей, имеющих специальную задачу — зажать в тиски части противника, прорвавшиеся в том или ином участке» [1].

Учитывая, что Врангель имел много танков, Блюхер уделял большое внимание артиллерийской обороне плацдарма и взаимодействию между родами войск.

Основываясь на опыте использования танков англо-французскими войсками на Западном фронте и неспособности немцев организовать эффективную борьбу с ними, противник надеялся, что советские войска тем более не выдержат мощных танковых ударов и в коротком бою будут разгромлены.

Однако расчеты белогвардейцев не оправдались. На Каховском плацдарме под руководством В. К. Блюхера была впервые создана и успешно применена артиллерийская противотанковая оборона, что явилось совершенно новым словом в военном искусстве.

Для борьбы с танками и бронемашинами неприятеля выделялись специальные орудия, которые должны были бить прямой наводкой в упор по атакующим танкам.

По указанию начдива была произведена тщательная пристрелка «всех пулеметов по пунктам местности, кои могут служить удобными подступами для противника». В короткий срок Каховский плацдарм превратился в неприступную крепость. Глубина обороны достигала 12—15 километров.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 61, л. 114.

Используя временное затишье, Василий Константинович приводил части в порядок, получал и обучал пополнение. В 51-ю дивизию вливается новая, Ударная огневая бригада, или, как ее называли, «бригада огня», имевшая в своем составе 7680 штыков, 160 станковых пулеметов и большое количество огнеметов и бомбометов.

В резервных частях в это время шли усиленные занятия, ремонтировалось и приводилось в порядок оружие, инженерное имущество, снаряжение.

Много внимания В. К. Блюхер уделял изучению всем личным составом опыта войны с Врангелем: приемов борьбы с конницей, танками и преодоления укрепленной полосы, умения маневрировать при внезапных атаках противника и использовать условия местности как для наступления, так и для обороны.

Со старшими командирами были проведены тщательно разработанные им учебные занятия, на которых использовался опыт прошедших боев.

Большую заботу Василий Константинович проявлял о рядовых бойцах, о том, чтобы их боевые подвиги не были забыты. Он издал специальный приказ, в котором требовал, чтобы отличившихся в боях героев своевременно представляли к наградам. В приказе говорилось:

«Славен путь красных бойцов, кровью своей запечатлевших беззаветную преданность делу пролетарской революции, на светлых страницах истории будут записаны их имена, и в памяти благодарных потомков сохранятся их предания.

Командиры и комиссары! Ни один подвиг красноармейцев не должен оставаться не отмеченным вами. Как старший начальник приказываю и как старший коммунист перед вашей коммунистической совестью обязываю вас неукоснительно отмечать каждый подвиг ваших младших товарищей» [1].

Этот приказ Блюхера был доведен до сведения всех бойцов и имел большое воспитательное значение.

В перерыве между боями, 15 сентября, на плацдарме открылась первая дивизионная партийная

---

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 58, л. 36.

конференция. С большой и яркой речью о боевых задачах коммунистов дивизии выступил Блюхер. Конференция еще раз продемонстрировала революционное боевое настроение личного состава дивизии, крепкую дисциплину и товарищескую спаянность бойцов и командиров. Конференция призвала коммунистов еще активнее вести партийно-политическую работу в частях и подразделениях, проявлять больше самоотверженности и выдержки в боях.

Делегаты конференции послали приветственную телеграмму Центральному Комитету партии:

«Собравшись в решительный момент на партийную конференцию, мы, коммунисты и политработники 51-й дивизии, ясно и твердо сознаем всю трудность борьбы и необходимость вести ее до победного конца...

Клянемся отдать все силы на борьбу с наймитом мирового капитализма бароном Врангелем...» [1]

Коммунисты усилили агитационную работу. Большое внимание уделялось воспитанию бойцов на славных боевых традициях. В подразделениях ставились спектакли, концерты, читались лекции и доклады.

20 августа вышел первый номер дивизионной газеты «Красный стрелок». Газета пользовалась большой популярностью у бойцов, они с нетерпением ждали свежих номеров, активно сотрудничали в ней.

25 сентября в газете было опубликовано «Письмо к Врангелю». Оно начиналось словами:

«Его превосходительству генералу Врангелю.

Премного благодарен Вам, ваше превосходительство, за отпущенные три танка для Красной Армии (отбитые нами) на Бериславском направлении. Но у нас сейчас не хватает водного транспорта. Поэтому будьте добры отпустить нам шесть броненосцев для форсирования по Черному морю...»

В течение месяца 51-я дивизия восстановила свои силы и активизировала боевые действия. Чтобы разведать состояние укреплений противника и выявить группировку его войск, В. К. Блюхер приказал провести усиленную разведку и захватить контрольных пленных.

---

[1] *А. Левочкин.* Герои Каховки и Перекопа. М., 1958, стр. 88.

На рассвете 4 октября кавалерийский полк под командованием А. К. Юшкевича внезапно атаковал деревню Дмитриевку. Налет был настолько стремительным, что батальон Самурского полка белых не успел опомниться, как был окружен и целиком взят в плен вместе с артиллерией и пулеметами. Вслед за этим Юшкевич атаковал деревню Константиновку и помог 9-му кавполку захватить в плен 2-й батальон Самурского полка.

В этом налете вместе со старыми, обстрелянными бойцами участвовали и молодые красноармейцы. Они самоотверженно воевали с врагом и показали, что дивизия Блюхера оправилась от понесенных потерь и снова готова к победному маршу.

В середине октября на Южном фронте развернулись особенно ожесточенные бои. В ночь на 8 октября Врангель форсировал Днепр и начал так называемую Заднепровскую операцию. Он хотел разбить советские войска, сосредоточенные у Никополя, а затем ударом с тыла и фронта ликвидировать Каховский плацдарм. Ему удалось отбросить советские войска и занять Никополь. Для отражения удара белых с Каховского плацдарма снимаются одна за другой 52-я, 15-я и Латышская дивизии и по правому берегу Днепра перебрасываются в район Никополя — Апостолово. На плацдарме остались 51-я дивизия и 44-я бригада.

Развернув Никопольскую операцию, Врангель начал интенсивно готовиться к штурму Каховского плацдарма. Он предполагал, что с уходом 52-й, 15-й и Латышской дивизий наступил удобный момент для разгрома 51-й дивизии и ликвидации плацдарма.

Сражение под Никополем достигло большого напряжения. Утром 14 октября белые готовились к наступлению на Апостолово, но неожиданным ударом 2-й Конной армии они были разгромлены.

О результатах боевых операций за Днепром М. В. Фрунзе телеграфировал 15 октября В. И. Ленину:

«С рассветом 8.X. переправой на правый берег Днепра у Хортицы своих лучших ударных частей Врангель начал выполнение большого стратегического плана, сулившего при удаче полный разгром

нашей ударной группы и делавшего его хозяином всего Черноморского побережья. В результате 7-дневных ожесточенных боев по всей линии фронта план этот ныне потерпел полное крушение» [1].

Не зная еще о поражении своей армии за Днепром, Врангель в тот же день на рассвете перешел в наступление на Каховский плацдарм.

Перед началом этой операции он сосредоточил на узком участке 12 танков, 14 бронемашин, 90 орудий, 12 самолетов и 200 пулеметов.

Вечером 13 октября его самолеты разбросали тысячи листовок, в которых 51-й дивизии предлагалось немедленно сложить оружие.

Над плацдармом нависла смертельная угроза. Противник стремился с помощью танков деморализовать сибиряков и разгромить их. Необходимо было принять срочные меры, чтобы сохранить плацдарм как исходный пункт будущих операций. В тот же вечер В. К. Блюхер отдал приказ войскам группы, в котором говорилось:

«...Плацдарм должен быть во что бы то ни стало в наших руках. Сохраняя за собою плацдарм, мы имеем возможность развертывать крупные части, маневрировать ими и, кроме того, являемся постоянной непосредственной угрозой операционной и коммуникационной линиям противника, заставляем его выделять для обеспечения себя крупные силы, чем ослабляется сила удара на других участках фронта.

Общая задача нашей дивизии остается прежняя: активно оборонять плацдарм, парировать малейшие попытки противника вести наступление, отбрасывать его, самим вести усиленные поиски, налеты, деморализовать противника, быть особо бдительным, памятуя, что малейшая беспечность даст возможность нанести нам удар.

Во исполнение общей задачи дивизии и создавшейся обстановки на фронте приказываю: всему комсоставу, военкомам, красноармейцам быть истинными солдатами революции — выполнить задачи по

---

[1] «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». М., 1941, стр. 395.

обороне плацдарма с той высокой доблестью, какая была проявлена во время всех операций дивизии, несмотря на трудное иногда положение. Республика требует от нас усилий, и мы обязаны ради миллионов трудящихся их проявить. Заслуги дивизии перед Республикой оценены рабочими и крестьянами, и Московский Совет, причислив нас к Москве, тем самым подтвердил нам нашу задачу — быть стойкими и вести геройскую борьбу с бандитами Врангеля. Каждому проявлять больше личной инициативы, поддержки друг друга и помнить, что неудача одного есть неудача наша общая» [1].

Коммунисты немедленно довели этот приказ до сознания всех бойцов. Призыв начдива отстоять плацдарм поднял боевой дух солдат. Они поклялись умереть, но не отступать.

Весь четырнадцатитысячный состав дивизии напряженно готовился к боям.

Рано утром 14 октября 2-й армейский корпус генерала Витковского после мощной артподготовки перешел в наступление. Наша артиллерия не заставила себя ждать. Она открыла ураганный огонь по участкам, где ожидалось скопление белых.

Под прикрытием артиллерийской канонады в утренней мгле появились силуэты танков и броневиков противника. Их экипажи состояли из одних офицеров. Танком «Фельдмаршал князь Суворов» командовал генерал-майор.

Темная ночь, неожиданность удара, обилие технических средств — все это, казалось, предвещало благоприятный исход атаки.

Впереди шли стальные чудовища длиной до 10 метров и высотой более двух метров, вооруженные пятью пулеметами и двумя орудиями. Они свободно преодолевали окопы, уничтожали на своем пути все препятствия, поливали окопы свинцовым дождем. За танками двигались броневики. За ними под огневой завесой артиллерии густыми цепями шла пехота.

А вдалеке маячила многотысячная кавалерия, ожидая команды, чтобы ринуться в атаку.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 511, л. 53.

Танки должны были прорваться в тыл 51-й дивизии, к Днепру, внести панику в ее ряды, захватить переправы и отрезать ей пути для отступления. Это была самая мощная танковая атака за всю гражданскую войну. Врангель предусмотрел все, но не учел одного — мужества, отваги и стойкости закаленных бойцов легендарной дивизии. Железной стеной встали они на защиту Каховского плацдарма.

По приказу Блюхера первая линия нашей обороны, пропустив танки противника, шквальным огнем отсекла его пехоту.

На участке Ударной огневой бригады ценой огромных потерь белым удалось прорвать проволочные заграждения и вплотную подойти к окопам. Но в этот момент из наших цепей вырвалась длинная струя огня. Это бойцы направили на врага горящую жидкость из своих огнеметов. Противник был ошеломлен и в панике бежал.

Не менее ожесточенная борьба шла в тылу дивизии с танками.

Наши бойцы, впервые увидевшие танки, не растерялись. Командир роты коммунист Голованов и рядовой Паршин бросились на машину с гранатами в руках. Паршину удалось вскочить на танк. В это время открылся люк, и герой был убит, но Голованов успел бросить в открытый люк гранату. Танк был выведен из строя.

Героический поступок двух воинов явился для бойцов примером того, как можно бороться с танками, имея в руках только винтовку и гранаты.

Самоотверженно сражались с танками врага советские артиллеристы. Они выводили орудия на открытую местность и прямой наводкой расстреливали врага. В этом бою особенно отличились бойцы артиллерийского дивизиона под командованием Л. А. Говорова (впоследствии Маршала Советского Союза).

К 11 часам дня семь стальных чудовищ были подбиты. Врангель бросил в бой свой последний резерв — 4 танка и 7 бронемашин. Атаки врага следовали одна за другой. В воздухе непрерывно летали вражеские самолеты. Они бомбили наши батареи, поливали пулеметным огнем артиллеристов и пехотинцев.

Но красноармейцы продолжали стойко отражать наступление врага. Из тыловых частей в боевые порядки непрерывно вливались группы коммунистов, которые личным примером увлекали бойцов в бой. До последней минуты дрался с врагом пулеметчик коммунист Бычков. Прикрывая отход своей роты, он сдерживал своим огнем неприятеля до тех пор, пока вражеская пуля не сразила его.

Весь фронт напряженно следил за ходом боя 51-й дивизии. «Передайте привет Блюхеру и его славным войскам,— сказал командующий фронтом М. В. Фрунзе в разгаре боя командующему армией К. А. Авксентьевскому.— Они сейчас решают судьбу всей кампании».

И воины блестяще решили ее. Уничтожив танки и измотав живую силу противника, Василий Константинович приказал нанести контрудар по правому флангу неприятеля, разгромить его и отбросить за внешнюю линию обороны. Дружно ринулись сибиряки в атаку. Белые не выдержали их мощного натиска и стали отходить.

15 и 16 октября дивизия В. К. Блюхера успешно продвигалась вперед. Участь генерала Витковского была решена у Натальина. Кавгруппа коммуниста А. К. Юшкевича при поддержке 454-го полка стремительной атакой врывается в деревню Натальино и захватывает в плен 40 офицеров, 300 солдат и 20 пулеметов. Противник в панике бежит на юг.

Не ожидал Врангель такого исхода. Его тщательно подготовленное наступление закончилось полным провалом.

В трехдневных ожесточенных боях «геройские войска под общей командой Блюхера не только отбили атаку врага,— отмечал М. В. Фрунзе в своем приказе войскам фронта,— но, перейдя в дружную контратаку, окончательно разгромили его и с боем овладели всей линией его расположения. 10 танков, 5 бронемашин, свыше 70 пулеметов и другие трофеи стали нашей добычей» [1].

День 14 октября явился началом разгрома армии Врангеля.

---

[1] ЦГАСА, ф. 101, оп. 1, д. 29, л. 134.

Стойкость и мужество, проявленные 51-й дивизией в боях с врагом, вызвали восхищение всего советского народа.

Отмечая героические действия 51-й дивизии на Каховском плацдарме, Московский Совет принял шефство над ней и наградил ее почетным Красным знаменем с надписью: «Уничтожь Врангеля».

«Пролетариат красной столицы Москвы,— телеграфировал Моссовет,— с радостью узнал, что славная 51-я дивизия распоряжением М. В. Фрунзе ставится под особое попечение Московского Совета и Московского комитета РКП(б). Уверены, что московские рабочие приложат все усилия, чтобы помочь боевым товарищам 51-й стрелковой дивизии в выполнении их славной боевой задачи. Твердо надеемся, что Московская дивизия всегда будет первой в бою и победе» [1].

20 октября на Каховский плацдарм прибыли шефы — представители столицы. Они привезли бойцам подарки и вручили им Красное знамя.

«На всю жизнь сохранился в памяти волнующий момент вручения дивизии этого знамени,— пишут участники боев К. Телегин, Я. Суворов и А. Королев.— За несколько дней до праздника на площади Большой Каховки выстроились полки: на лицах воинов еще не улеглось волнение отгремевшего боя. Бережно, заметно волнуясь, принимает из рук рабочих Красное знамя наш начдив В. К. Блюхер. Громким «ура» поддержали бойцы его слова о том, что надпись на знамени мы воспринимаем как веление Советской Республики и нашего вождя В. И. Ленина» [2].

Василий Константинович дал клятву, что 51-я дивизия с честью оправдает доверие трудящихся Москвы.

— «Уничтожь Врангеля»,— сказала нам Москва надписью на знамени,— громко произнес он.— Мы слышим в этой надписи боевую команду, поданную нам Республикой, и эту команду мы, как истинные революционеры, выполним отчетливо и точно.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 475, л. 260.
[2] «Правда» № 312, 7 ноября 1960 г.

«Уничтожь Врангеля» отныне будет нашим лозунгом, и в громе боевого клича мы гордо понесем к твердыням Перекопа почетное знамя Москвы и, водрузив его над Красным Крымом, закончим победный марш доблестной 51-й стрелковой Московской дивизии.

После торжественного вручения знамени состоялся военный парад войск Каховского плацдарма, на котором перед удивленными шефами прошел крупнейший танк «За Русь святую» — гордость Врангеля. Бойцы 51-й дивизии быстро его отремонтировали и в честь шефов назвали «Москвич-пролетарий».

Шефы побывали в частях, познакомились с условиями фронтовой жизни.

В тот же день они телеграфировали В. И. Ленину:

«Сегодня с командармом Авксентьевским и командующим плацдармом Блюхером осмотрели Каховский плацдарм. Приняли парад... видели отбитые танки Врангеля. Один из крупнейших уже исправлен и работает, получив имя «Москвич-пролетарий». Части представились в блестящем боевом порядке, выдержке» [1].

За героическую оборону Каховского плацдарма Василий Константинович был награжден 24 октября 1920 года золотыми часами с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии от ВЦИК».

Позже, 25 октября 1928 года, за мужество и отвагу, проявленные при обороне Каховки, В. К. Блюхер был награжден пятым орденом Красного Знамени.

Героическая эпопея обороны Каховки завершена. Славные воины молодой Рабоче-Крестьянской Красной Армии вписали еще одну яркую страницу в книгу побед гражданской войны.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 511, л. 98.

Штурм Перекопа

И снова в бой. От дымного потопа
Не уберечься, не уйти назад.
Горячим ветром тянет с Перекопа,
Гудит пожар, и пушки голосят...

Дружным заключительным аккордом прозвучали над вершинами Крыма последние выстрелы красных войск.

Поражение Врангеля в октябрьских боях и крушение его стратегических планов ускорило подписание белополяками мирного договора с Советской Россией и поставило барона перед катастрофой.

Армии Южного фронта заканчивали подготовку к общему наступлению. На фронт беспрерывно прибывали новые пополнения. Тысячи коммунистов и комсомольцев вливались в части, поднимая боевой дух бойцов.

С польского фронта шла в Каховку овеянная славой легендарных побед 1-я Конная.

19 октября 1920 года М. В. Фрунзе поставил войскам Южного фронта задачу «разбить армию Врангеля, не дав ей возможности отступить на Крымский полуостров, и захватить перешейки».

В эти решающие дни В. К. Блюхер командовал Перекопской ударной группой, наносившей главный удар с Каховского плацдарма. Она должна была «стремительным ударом овладеть позициями противника на Перекопском перешейке и отрезать ему пути отхода в Крым» [1].

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 511, л. 127.

Рано утром 28 октября бойцы поднялись и с возгласами: «Уничтожить Врангеля!», «Даешь Крым!» — ринулись вперед. 11 пехотных и шесть кавалерийских полков, 67 орудий, 560 пулеметов и 24 броневика Ударной группы Блюхера обрушились на 2-й белогвардейский корпус генерала Витковского.

Мощным огневым ударом 51-я дивизия взломала оборону противника. Вслед за этим В. К. Блюхер приказал командиру 152-й бригады И. В. Боряеву разгромить вражеские резервы, сосредоточенные в районе деревни Натальино, и перерезать тракт Каховка — Перекоп; Ударной огневой бригаде И. А. Ринка и Отдельной кавалерийской бригаде Козленкова — стремительно двинуться на Перекоп, чтобы преградить противнику путь в Крым. В выполнении этой задачи В. К. Блюхер, как всегда, требовал инициативы, смекалки и настойчивости.

«Комбригам действовать решительно и энергично,— наказывал он.— Противник должен быть уничтожен на поле».

Вслед за Ударной группой в тыл главных сил противника двинулась 1-я Конная во главе с С. М. Буденным и К. Е. Ворошиловым. Пошли на врага и другие армии.

...Третий час 455-й полк под командованием коммуниста Глушкова вел атаку деревни Натальино. На помощь ему Блюхер направил кавалерийскую группу А. К. Юшкевича. На полном ходу она ринулась на врага с южной и юго-западной стороны, отрезая ему путь к отступлению. В разгар сражения два неприятельских полка в свою очередь нанесли ей удар во фланг и тыл. Она оказалась между двух огней: с фронта и тыла ее энергично атаковали неприятельские части. В этот ответственный момент А. К. Юшкевич проявил исключительную выдержку и находчивость. Прекратив атаку Натальина, он развернул свою кавалерию и стремительной лавиной смял белогвардейцев, захватив при этом 250 пленных и 11 пулеметов. Преследуя противника, А. К. Юшкевич и комиссар И. И. Елсуков с группой бойцов вырвались вперед. Когда они настигли бегущего врага, по ним полоснула длинная очередь с пулеметных тачанок. 22 пули пронзили

тело отважного командира Адольфа Казимировича Юшкевича.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с Врангелем, верный сын литовского народа А. К. Юшкевич был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Разгромив противника под Натальином и Чаплинкой, части Ударной группы Блюхера уже вечером 29 октября бросились на штурм Перекопа.

...Трудно было найти в мире такую естественную крепость, как Перекоп. На севере перешейка еще крымские ханы воздвигли гигантское сооружение — Турецкий вал, усиленный мощной и сложной системой долговременных сооружений; перед ним — широчайший ров, упирающийся своими флангами в Черное море и Сиваш. Основная линия обороны проходила по Турецкому валу. Его длина достигала 11 километров, высота — 8 метров. Перед валом был вырыт ров глубиной до 10 метров и шириной более 20 метров и построены две линии проволочных заграждений. Третья линия проволочных заграждений в 4—5 кольев была скрыта во рву. На Турецком валу противник соорудил много убежищ и бойниц с густой сетью ходов сообщений. 400 пулеметов и многочисленная артиллерия держали под огнем подступы к нему. С запада Перекопские укрепления прикрывались огнем кораблей, с востока — Сивашским заливом. На вооружении противника были также танки, бронемашины и мощные прожекторные установки.

Осмотрев перекопские позиции, Врангель самоуверенно заявил: «Много сделано, многое предстоит сделать, но Крым и ныне уже для врага неприступен».

Утром 30 октября бой за Перекоп возобновился с новой силой. Шаг за шагом продвигались вперед полки 51-й дивизии. В тумане, заволакивающем подход к Турецкому валу, все ревело и клокотало. Недалеко от Турецкого вала на высоте 9,3 метра находился В. К. Блюхер с полевым штабом. Тяжелые снаряды с грохотом и визгом то и дело рвались вокруг командного пункта, засыпая людей землей. Но Василий Константинович внимательно следил за

ходом сражения. В бинокль он хорошо видел поле боя и четко управлял войсками. 6-й роте 456-го полка под командованием Иванова удалось прорвать все заграждения и, цепляясь за камни, взобраться на Турецкий вал. Яростный штыковой бой разгорелся на его вершине. Весь огонь противник сосредоточил на участке прорвавшейся роты. Герои не выдержали и отошли.

«Ударная группа Блюхера,— отмечалось в приказе войскам 6-й армии,— проявив героические усилия, овладела Перекопом и двумя укрепленными позициями противника, но, понеся большие потери, не смогла овладеть главной неприятельской позицией — Турецким валом» [1].

Было ясно, что усилиями одной только Перекопской ударной группы взять без подготовки Турецкий вал было невозможно. Учитывая усталость бойцов и большие потери, Блюхер отвел свои части на 7—8 километров назад, оставив у Перекопа сторожевое охранение.

Первый этап контрнаступления войск Южного фронта был завершен. Вся Северная Таврия была освобождена. Врангель понес большие потери, но еще не был разгромлен. Предстояла упорная борьба.

В глубине Перекопского перешейка, в 20—25 километрах южнее Турецкого вала, Врангель соорудил вторую полосу обороны, так называемый Юшуньский укрепленный узел. Шесть линий окопов с проволочными заграждениями перед ними преграждали все проходы в Крым между озерами Красное и Старое.

Наиболее уязвимым местом в обороне врага являлся сравнительно слабо укрепленный Литовский полуостров, так как Врангель считал, что наступление через Сиваш невозможно.

На этих позициях и развернулся заключительный этап ожесточенной битвы войск Блюхера с Врангелем.

С 1 по 7 ноября части 6-й армии усиленно готовились к новому штурму Турецкого вала: тщательно изучали систему укреплений противника,

---

[1] «Красный архив», 1935, № 6, стр. 29—30.

разведывали Сивашский залив, создавали и обучали штурмовые отряды. Открытая местность затрудняла подготовку. Только с наступлением темноты выходили вперед саперы, пулеметчики, артиллеристы. Они прокладывали проходы в проволочных заграждениях, готовили окопы, пулеметные и орудийные гнезда, подносили боеприпасы, лестницы.

В эти дни Василий Константинович разработал необычный для условий гражданской войны боевой порядок построения войск для прорыва укрепленной полосы. Он состоял из пяти волн (линий).

Первая волна, состоявшая из саперов-подрывников, гранатометчиков и стрелков-гренадер, должна была разрушить все препятствия и проделать проходы в проволочных заграждениях. Вслед за ней в ста шагах двигалась основная цепь штурмующей пехоты. Она имела задачу — неудержимой лавиной двигаться вперед, предоставляя окончательную ликвидацию противника следующим волнам нашей пехоты. Такой порядок построения колонн давал возможность непрерывно наращивать темп наступления и своевременно пополнять атакующие цепи.

Недалеко от передовой линии Блюхер соорудил специальную укрепленную полосу, где сформированные колонны обучались приемам и тактике преодоления искусственных препятствий.

В. И. Ленин внимательно следил за ходом борьбы с Врангелем. Зная, что взять Перекоп трудно, он дал 16 октября 1920 года чрезвычайно важное указание М. В. Фрунзе: «...Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма» [1].

Выполняя ленинское указание, М. В. Фрунзе 29 октября приказал командующему 6-й армией А. И. Корку «в случае неудачи овладения Перекопским перешейком с налета приступить на этом участке к подготовке правильной инженерной и артиллерийской атаки. Параллельно с этим немедленно занять все северное побережье Сиваша, произвести рекогносцировку имеющихся бродов».

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 35, стр. 392.

30 октября Василий Константинович приказал командиру 153-й бригады Б. В. Круглову «произвести разведку Сиваша, выяснить броды, а также опросить с этой целью местное население. Быть готовым к форсированию Сиваша» [1].

В то же время командиру 151-й бригады В. В. Хлебникову было предложено произвести рекогносцировку Перекопского залива и выяснить, возможно ли обойти Турецкий вал с правого фланга.

Посланная по указанию В. К. Блюхера разведка донесла, что дно Сиваша твердое, местами липкой коркой пристает к копытам лошадей, пехота и кавалерия могут двигаться, пользуясь бродами.

Таким образом, подтвердилась возможность нанесения удара во фланг и тыл Перекопским укреплениям противника.

...В войсках шла энергичная подготовка к штурму. Инженерные войска фронта под руководством Д. М. Карбышева ставили вехи через Сиваш и прокладывали в топких местах «дороги» из фашин, соломы и другого подручного материала.

Перед решительным сражением во всех частях прошли партийные собрания и митинги.

С огромным вниманием читали бойцы сообщение о том, что на днях в одном из своих выступлений в Москве В. И. Ленин сказал:

«Победы над Врангелем, о которых мы читали вчера и о которых вы прочтете сегодня и, вероятно, завтра, показывают, что одна стадия борьбы приходит к концу, что мы отвоевали мир с целым рядом западных стран, а каждая победа на военном фронте освобождает нас для борьбы внутренней, для политики строительства государства» [2].

Коммунисты тыловых и резервных подразделений были направлены в те части, которым предстояло форсировать Сиваш.

В ту осень 1920 года рано ударили морозы. Погода стояла холодная. Большинство бойцов 51-й дивизии имели летнюю одежду: теплую не успели подвезти. Сильные морозы и пронизывающий ветер пробирали до костей. Но настроение было бодрое, боевое.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 511, л. 134.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 346.

«Почти половина красноармейцев,— доносил комиссар 459-го полка,— ходит в рваной обуви, нет теплых вещей... Боеспособность полка удовлетворительная, красноармейцы горят желанием покончить скорее с Врангелем».

Действительно, обмундирование, полученное бойцами 51-й дивизии еще в 1919 году, претерпело тысячеверстные походы по Сибири и «пришло в совершенную негодность»,— докладывал В. К. Блюхер командующему 6-й армией. Страна была разорена и не имела возможности своевременно давать войскам необходимое обмундирование. Бойцы это понимали и не роптали. Они горели одним желанием — как можно быстрее разбить врага и покончить с войной. «...Небывалый подъем настроения и величайший героизм всего состава армий фронта совершают невозможное,— писал М. В. Фрунзе в своей статье «Памяти Перекопа и Чонгара».— Почти не было слышно жалоб на вопиющие условия боевой работы. Каждый красноармеец, командир и политработник держались лишь крепко засевшей в сознании всех мыслью: во что бы то ни стало ворваться в Крым, ибо там конец всем лишениям...»

Михаил Васильевич тщательно изучал создавшуюся обстановку. Учитывая, что Врангель создал сильные укрепления у Перекопа, командующий фронтом предполагал одновременно с фронтальной атакой Перекопских укреплений обойти их с востока по Арабатской Стрелке. Для успешного выполнения этой задачи нужна была помощь флота со стороны Азовского моря.

Однако льды прочно сковали Таганрогскую бухту, и Азовская флотилия не могла пробиться к Геническу.

Лично обследовав побережье и убедившись, что надежды на скорое прибытие флота нет, М. В. Фрунзе пришел к выводу, что другого выхода, кроме штурма в лоб перекопских и чонгарских позиций, нет.

5 ноября он подписал приказ об овладении Крымом: «Первый этап по ликвидации Врангеля закончен. Комбинированными действиями всех армий фронта задача окружения и уничтожения главных

сил врага к северу и северо-востоку от Крымских перешейков выполнена блестяще...

Армиям фронта ставлю задачу: по Крымским перешейкам немедленно ворваться в Крым и энергичным наступлением на юг овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции» [1].

Наиболее трудная и вместе с тем почетная задача в этой операции возлагалась на Перекопскую ударную группу Блюхера. Бойцы двух ее бригад совместно с 15-й и 52-й дивизиями должны были форсировать десятикилометровый Сивашский пролив, занять Литовский полуостров и нанести удар в направлении Караджаная и далее на Армянск во фланг и тыл противнику, оборонявшему Турецкий вал. Одновременно 152-й и Огневой бригадам начдив приказал штурмовать Турецкий вал в лоб.

Перед началом операции В. К. Блюхер сделал еще одну попытку избежать кровопролития. Как командующий Перекопской группой, он от имени Советской власти и русского народа обратился с письменным обращением к перекопскому гарнизону неприятеля.

«...Офицеры и солдаты перекопского гарнизона! — говорилось в обращении.— Полная веры в свое правое дело, в свой успех, Красная Армия подходит к Перекопу. Врангель делает последние усилия загородить вашими трупами Перекопский перешеек, чтобы не дать трудовому народу раскрыть вам тот обман, ту ложь, в которую опутаны многие из вас...

Теперь от вас самих зависит прекращение дальнейшего бестолкового и бесцельного кровопролития...

Предлагаю вам, рядовое офицерство и солдаты, немедленно составить революционный комитет и приступить к сдаче Перекопа. От имени Советской власти и русского народа объявляю полное забвение и прощение прежней вины всем добровольно перешедшим на сторону Красной Армии» [2].

---

[1] «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны», стр. 426.
[2] «Исторический архив», 1958, № 5, стр. 96.

Тысячи листовок с обращением Блюхера разбросали наши летчики в лагере противника.

Кроме того, Василий Константинович решил вручить это обращение с подписью и печатью белому командованию. Нужно было в качестве парламентера выбрать человека, у которого хватило бы смелости пройти по открытому полю к Турецкому валу. Выполнение этой рискованной задачи Блюхер поручил политруку 1-го Ударного полка [1].

— А дойду ли я до белых? — спросил политрук.

Блюхер ответил откровенно:

— Вряд ли. Скорее всего вас убьют, пока вы дойдете. Беретесь ли вы выполнить это поручение?

Политрук, не задумываясь, ответил:

— Я буду считать это почетной боевой задачей.

И вот он, привязав к штыку белый флаг, пошел по открытой безлюдной степи в сторону противника. Ружейная и пулеметная стрельба сразу стихла. Навстречу ему через проволочные заграждения пролезли три белогвардейца. Двое остановились, один пошел к политруку. На середине поля они встретились.

«— Вы кто такой? — спросил врангелевский офицер.

— Я политрук, а вы кто такой?

— Я капитан. Что вам угодно?

— Вот вам письмо для гарнизона Перекопа. Просим ответ.

— За что вы воюете? — спросил офицер.

— За освобождение рабочих и крестьян от тирании капиталистов,— ответил политрук.— А вы за что?

— Мы сами не знаем» [2].

На этом разговор закончился. Через некоторое время перестрелка возобновилась с новой силой.

Белое командование, уверенное в неприступности своих позиций, не ответило на обращение Блюхера.

В те дни страна отмечала третью годовщину Великого Октября. Чуть притихнет, бывало, перестрелка —и бойцы затягивают песни, мечтают о мир-

---

[1] Фамилию политрука установить, к сожалению, не удалось.

[2] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 186, л. 33.

СХЕМА ПЕРЕКОПСКОЙ ОПЕРАЦИИ 51 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Части Красной Армии

Турецкий вал

Укрепления противника

ной, свободной жизни. Они, как и вся молодая Республика Советов, также готовились к большому всенародному празднику.

7 ноября ударил сильный мороз. Западный ветер выгнал воду из Сиваша в море. Ледяная корка сковала липкую грязь. В 22 часа части Ударной группы Блюхера вместе с 15-й и 22-й дивизиями пошли в наступление через Сиваш.

Отдавая приказ о наступлении, В. К. Блюхер наказывал «действовать смело, энергично и решительно, памятуя, что взять Перекопские укрепления и Армянск возможно только быстротой и неожиданностью атаки».

Впереди шли проводники из местных крестьян. Они указывали наиболее удобные для перехода места.

Штурмовые колонны и ударные батальоны двигались по следам проводников. Стоило чуть-чуть сбиться с пути, и бойцы попадали в глубокие ямы и топкие места. Чтобы не дать противнику обнаружить себя, во время перехода в колоннах запрещалось курить и громко разговаривать.

Три часа шли бойцы через «Гнилое море». Непролазная грязь засасывала людей и лошадей, соленая вода разъедала потертые ноги. С моря дул холодный ветер. Ударил пятнадцатиградусный мороз. Мокрая одежда обмерзла, сделалась похожей на листовое железо. Бойцы вдвоем-втроем с трудом несли на руках пулеметы. Наконец передние ряды подошли к высокому берегу Литовского полуострова и словно сказочная рать поднялись из воды и ударили по противнику.

Форсирование Сиваша явилось полной неожиданностью для врага и застало его врасплох. Через некоторое время он опомнился, осветил пролив мощными прожекторами и открыл ураганный огонь из орудий и пулеметов. Столбы воды и грязи взметнулись в небо. Но бойцы неудержимо шли вперед. К утру 8 ноября 153-я бригада прорвала все проволочные заграждения и медленно стала продвигаться к Караджанаю.

Сложнее была обстановка на участках 152-й и Огневой бригад, штурмовавших Турецкий вал в лоб.

Неоднократные попытки подрывников подойти к проволочным заграждениям отбивались ураганным огнем противника. Нависший утром густой туман задержал артиллерийскую подготовку. Она началась только в 10 часов. Под прикрытием огневой завесы первая волна подошла к проволочным заграждениям, но почти вся полегла от шквального артиллерийского и пулеметного огня с вала. «В 13 часов 35 минут,— говорится в боевой реляции дивизии,— части 152-й бригады и Ударной огневой вновь перешли в наступление. Несмотря на громадные потери и ураганный огонь, достигший в этот момент крайнего предела, части обеих бригад подошли на сто шагов до вала. Перед цепями оказалась третья линия проволочных заграждений и овраг перед валом, опутанный проволокой. Высланы новые партии подрывников. Противник расстреливал наши цепи из орудий на картечь, засыпая огнем из бомбометов, минометов и ручными гранатами» [1].

Создалось напряженное и очень сложное положение. В. К. Блюхер, начальник штаба Н. Датюк, его помощник по оперативной части М. Д. Голубых и другие работники взволнованно обсуждали причины неудач при штурме. В это время к ним прибыли командующий фронтом М. В. Фрунзе и командующий 6-й армией А. И. Корк. Михаил Васильевич, тщательно ознакомившись с обстановкой, потребовал возобновить штурм.

«Настроение в штабе и у начдива Блюхера было приподнятое и в то же время несколько нервное,— вспоминал впоследствии М. В. Фрунзе.— Всеми сознавалась абсолютная необходимость попытки штурма и в то же время давался ясный отчет в том, что такая попытка будет стоить немалых жертв. В связи с этим у командования дивизии чувствовалось некоторое колебание в отношении выполнимости приказа о ночном штурме в предстоящую ночь. В присутствии командарма мною было непосредственно, в самой категорической форме, приказано начдиву штурм произвести. Надо признать, что действительно на войска дивизии возлагалась задача

---

[1] «Исторический архив», 1958, № 5, стр. 89.

неимоверной трудности. Нужно было без сколько-нибудь значительной артиллерийской подготовки, на самом узком пространстве и по абсолютно ровной, лишенной всяких следов местности атаковать сильно укрепленную позицию»[1].

В 19 часов атака возобновилась. Василий Константинович приказал «во что бы то ни стало овладеть валом. Штурм начать немедленно по получении сего». Пехоту активно поддерживали 15 бронемашин. Однако противник вновь открыл ураганный огонь по всему участку. Нашим подрывникам удалось подойти на 50 шагов до Турецкого вала и проделать несколько проходов на участке 152-й бригады.

Ожесточенный бой за овладение Турецким валом нарастал с каждым часом. Первая волна 1-го Ударного полка при прорыве второй линии проволочных заграждений потеряла 60 процентов своего состава, но оставшиеся в живых упорно продвигались вперед. Рядом с ударниками шли бойцы 456-го полка. Но и на этот раз атака не увенчалась успехом.

Наступила ночь. Разрывая сгущавшуюся тьму, рвались снаряды. Казалось, огонь обнимал полнеба. Прожекторы и ракеты неприятеля поминутно освещали место сражения. Малейшее движение наших бойцов вызывало свирепый огонь белых.

Не менее ожесточенный бой шел весь день 8 ноября и на Литовском полуострове. Подтянув резервы, Врангель обрушился на 153-ю бригаду и стал теснить ее. На помощь ей Василий Константинович спешно направил из резерва 451-й полк. Бойцы этого полка почти бегом миновали Сивашский залив и ударили в штыки. Врангелевцы не выдержали и побежали.

Только пленных взяли более 400 человек. 153-я бригада пошла вперед, на Караджанай.

Между тем еще с утра ветер резко изменил направление и с большой силой подул с востока. С Азовского моря в Сиваш покатились мутные волны. К 22 часам на участке 15-й дивизии залив стал уже непроходим.

---

[1] *М. В. Фрунзе.* Собрание сочинений, т. 1, 1929, стр. 488—489.

Частям, находившимся по ту сторону Сиваша, угрожало окружение. Положение их было тяжелым. Вторые сутки они непрерывно вели бои. Промокшие бойцы лежали на промерзлой земле без горячей пищи. Врангель подтягивал все новые и новые резервы. Черной тучей продвигался к полуострову «бронированный» корпус Барбовича.

Надо было принимать срочные меры, иначе вся операция могла кончиться неудачей. Коммунисты тыловых учреждений и штабов были брошены в передовые цепи с винтовками в руках. На подкрепление войскам, находившимся на Литовском полуострове, была направлена 7-я кавдивизия. Одновременно М. В. Фрунзе мобилизовал население окрестных сел на постройку дамбы и приказал Блюхеру немедленно штурмовать Турецкий вал.

«Ночью меня вызвал к аппарату М. В. Фрунзе,— вспоминал В. К. Блюхер,— и сказал: «Сиваш заливает водою. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало».

В этот исключительно напряженный момент внезапно оборвалась связь со штабом 153-й бригады: соленая вода разъела изоляцию. Нужно было немедленно восстановить связь. Но как? Кругом — ни палки, ни шеста. На что подвесить провод? И отважные связисты нашли выход: они добровольно согласились стать живой цепью через Сиваш. Под сильным леденящим ветром растянулись они по заливу, держа в руках провод, соединивший оба берега. Четыре часа стояли в воде герои, доблестно выполняя свой долг перед Родиной. Никто не дрогнул.

В 22 часа 50 минут В. К. Блюхер отдал приказ «немедленно штурмовать Турецкий вал». По опыту прошлых атак Василий Константинович знал, что успешное выполнение приказа возможно лишь при условии введения в действие новых факторов.

«Всякий бой,— говорил он впоследствии,— имеет свой кризис. Если бы мы перед Перекопом находились еще два-три часа без успеха, то нельзя сказать, кто победил бы: мы или противник».

Данные разведки Перекопского залива натолкнули его на мысль о возможности обхода левого

фланга противника через залив и нанесения удара с фланга и тыла.

Части 152-й и Ударной огневой бригад спешно готовились к знаменитому ночному штурму. Военком дивизии Флигельман в служебной записке военкомам бригад и полков приказал принять все меры к тому, чтобы вал был занят в течение ближайших 2—3 часов.

«В случае необходимости личного примера,— говорилось в записке,— влить в части всех коммунистов».

В 24 часа атакующие цепи блюхеровцев ударили по проволочным заграждениям и откатились обратно. Перед ними зияла черная бездна рва и высились отвесные стены вала. Положение становилось критическим: Сиваш заливает водой, а за ним — наши бойцы, боевые товарищи.

В 2 часа 9 ноября Блюхер вновь бросает 152-ю и Ударную бригады на решительный штурм. Продавливая своими телами проволочные заграждения, разрывая шинели и сапоги, бойцам удалось наконец прорвать последнюю преграду и спуститься в ров. Здесь им уже не страшен был пулеметный огонь. Не задерживаясь, несколько сот воинов двинулись по дну к Перекопскому заливу, чтобы вброд обойти Турецкий вал и пробраться в тыл противника. Бесшумно шли они полкилометра по холодной воде в обход проволочных заграждений. Выйдя на берег метрах в ста позади Турецкого вала, они с криком «ура» бросились в атаку.

Противник исключал возможность обхода своих укреплений через Перекопский залив, и столь дерзкий маневр Блюхера оказался для него полной неожиданностью. Решительная атака 455-го полка с тыла с одновременной фронтовой атакой других частей решили наконец судьбу грозных укреплений. Неприятель дрогнул и поспешно бежал на юг, к Армянску.

Взятие Турецкого вала коренным образом изменило всю обстановку в пользу советских войск.

«Я получаю донесение из штаба 51-й дивизии... о том,— писал М. В. Фрунзе,— что части 51-й дивизии в 3 часа 30 минут по полуночи овладели штур-

мом Перекопским валом и продолжают наступление на Армянский Базар. Прочитал донесение, и с плеч словно гора свалилась... Со взятием Перекопа для нас в значительной мере ослабела опасность погубить целиком две дивизии, отрезываемые водами Сиваша» [1].

На Литовском полуострове также всю ночь шел ожесточенный бой. Под утро 153-я бригада, сбив противника, заняла Караджанай, ударила ему во фланг и вышла к Армянскому Базару, где соединилась со 152-й бригадой, наступавшей от Перекопа. Фронт сомкнулся.

Врангелевцы бросились бежать под защиту Юшуньских укреплений. Вслед за ними Василий Константинович безостановочно двигал свои поредевшие и изнуренные войска.

К 15 часам 9 ноября 51-я дивизия подошла к первой линии Юшуньских укреплений и заняла фронт от Перекопского залива до озера Красное. Снова закипел бой. Первый натиск наших цепей был отбит. Бойцы залегли в 30 шагах от проволоки. Для защиты Юшуньских позиций Врангель подтянул и сосредоточил все свои резервы. В лицо 51-й дивизии грозно глядели жерла орудий и стволы пулеметов. Наступившей ночью наши войска начали готовиться к атаке. От Перекопа и Армянска подвозили орудия и боеприпасы. В самый разгар подготовки пришла директива командующего армией заменить уставшую 151-ю бригаду В. В. Хлебникова свежими частями Латышской дивизии. Но бригада горела страстным желанием добить врага. Командир и комиссар бригады от имени всего личного состава просили оставить их на позициях. «К счастью», Латышская дивизия запаздывала. На рассвете 10 ноября В. В. Хлебников по собственной инициативе повел бригаду в стремительное наступление и вскоре захватил первую линию обороны противника. Неожиданный и дерзкий налет бойцов 151-й бригады пошатнул силы неприятельских войск.

Чтобы ликвидировать прорыв, Врангель ввел в Юшуньский залив 20 судов и открыл из всех орудий

---

[1] *М. В. Фрунзе.* Собрание сочинений, т. 1, стр. 492.

ураганный огонь. Снаряды вспахали Перекопский перешеек.

Образовалась сплошная стена заградительного огня, через которую, казалось, ничто не может проскочить. Артиллерия заглушала ружейно-пулеметную стрельбу. Но 151-я бригада не отступила ни на шаг. На помощь ей Блюхер направил 152-ю и Ударную бригады.

Бойцы поднялись и с криком «ура» ринулись вперед. Перебегая от воронки к воронке, наступающие цепи вплотную подошли к проволочным заграждениям и дружной атакой заняли вторую линию обороны. Одновременно Ударная и 152-я бригады прорвались к южной части озера Красное. К ночи дивизия уже подошла к третьей линии укреплений. К этому времени подоспела Латышская дивизия. Но бойцы 51-й дивизии отказались смениться.

...В октябре представители Московского Совета вручали дивизии знамя с надписью: «Уничтожь Врангеля». Такое же знамя ими было вручено и командующему 6-й армией. Делегаты красной столицы просили его наградить этим знаменем ту часть, которая первой ворвется в чистое поле Крыма. И бойцы 51-й дивизии дали тогда клятву: никому не уступать первенства и еще раз завоевать Красное знамя Московского Совета.

Теперь, когда Перекоп, Сиваш и две линии Юшуньских укреплений остались позади, воины имели полное право на это знамя и рьяно рвались в бой. Латышской дивизии пришлось втиснуться между 151-й и 152-й бригадами и вместе с ними идти на рассвете 11 ноября в последний решительный бой. Врангель бросил в контратаку марковскую, дроздовскую и корниловскую дивизии, два бронепоезда и танки. Они открыли по нашим цепям сильнейший огонь. В обход бронепоездов направилось несколько сот бойцов. Белогвардейцы не выдержали и в беспорядке попятились назад. На плечах отступающего врага 151-я бригада ворвалась на станцию Юшунь.

В это время Блюхер получил сообщение, что неприятель теснит 15-ю и 52-ю дивизии на левом фланге у Карповой Балки. Конница Барбовича стала

угрожать тылам 51-й дивизии, подставив в то же время свои коммуникации под удар последней. Блюхер решил упредить удар противника. Не останавливая наступления 151-й бригады, он направил 152-ю, Ударную огневую и Отдельную кавалерийскую бригады в тыл белым, в дефиле озер Красное и Круглое.

Тяжелое положение, создавшееся у Карповой Балки, спас удачный маневр 2-й Конной армии.

...Навстречу коннице Барбовича двигалась красная кавалерия, а за ней цепь пулеметных тачанок.

В последний момент наши кавалеристы внезапно раздвинулись и перед противником оказалось 250 пулеметных тачанок. Передовые цепи Барбовича мгновенно были сметены. Остальные, спасаясь, помчались назад. Но там они попали под удар 51-й дивизии. Противник пытался смять ряды сибиряков и расчистить себе путь.

Навстречу ему на полном ходу летела кавалерийская группа 51-й дивизии под командованием Житова. В районе хутора Чегер началась схватка. На помощь своей кавалерии Блюхер двинул 453-й полк. Когда кавалерия Житова отхлынула, противник попал под перекрестный огонь 40 пулеметов и двух батарей. Остатки белых покатились на юг. В тот же день Василий Константинович телеграфировал Московскому Совету:

«Задача, поставленная дивизии,— пробить дорогу в Крым — выполнена. 11 ноября в 12 часов занята ст. Юшунь, впереди Крым, укреплений больше нет, лучшие силы Врангеля разгромлены окончательно: корниловцы, дроздовцы, марковцы, гвардейцы, 2-й армейский корпус представляют из себя жалкие остатки и панически бегут в разных направлениях. Бывшая гордость Врангеля теперь не существует. Погибли лучшие силы Врангеля, и с ними вместе пали неприступный Турецкий вал и четыре линии Юшуньских укреплений. Полуодетые, голодные, уставшие, участвовавшие беспрерывно во всех боях, герои красноармейцы и командиры разгромили не только превосходную живую силу, но и разбили ее за десятками рядов проволочных заграждений и бесчисленным рядом окопов. Ничто не смогло спасти

банды Врангеля. Приказ пролетариата — Крым должен быть Советским — выполнен с честью» [1].

После Юшуни врангелевцы прекратили организованное сопротивление. Остатки разгромленных и морально дезорганизованных войск бежали к побережью. С большим подъемом и воодушевлением шли вперед бойцы 51-й дивизии. При освобождении населенных пунктов Василий Константинович приказал «проходить через таковые строем с оркестрами музыки. В пунктах, где имеются исполкомы, приветствовать их, останавливаясь перед таковыми, от имени Советской власти. Встречаясь с партизанскими отрядами, подчинять таковые себе в оперативном отношении».

15 ноября части 51-й дивизии вступили в Севастополь, а на следующий день — в Ялту. Наказ трудящихся красной столицы: «Уничтожь Врангеля» — был выполнен.

В ответной телеграмме Московский Совет писал:

«Моссовет с гордостью и революционным воодушевлением узнал, что железные полки славной 51-й Московской дивизии одними из первых вошли в Севастополь. Ее боевые подвиги составляют славнейшую страницу в борьбе пролетариата за свое полное освобождение» [2].

Трудящиеся Крыма тепло и радостно встречали своих освободителей.

О встрече в Севастополе бывший комиссар 459-го полка, ныне генерал-лейтенант запаса К. Ф. Телегин рассказывает:

— Приближаясь к Севастополю, мы увидели идущие колонны народа во главе с Севастопольским ревкомом. Товарищи преподнесли нам хлеб-соль и поздравили с победоносным разгромом Врангеля. Крики «ура», букеты цветов, летящие вверх шапки. Только вступили мы на улицу, как послышались звуки «Интернационала». Наш путь до памятника Нахимову был сплошным триумфальным шествием. С балконов сыпались цветы, даже лошади были покрыты цветами. Из толпы то и дело выскакивали

---

[1] «Исторический архив», 1958, № 5, стр. 97.
[2] ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 475, л. 277.

взволнованные люди, крепко жали руки, угощали папиросами, фруктами.

Наконец мы на Нахимовской площади... Выстроились. Командир полка П. П. Мясоедов четко отрапортовал прибывшему комбригу Б. В. Круглову: «Ваш приказ выполнен. Полк в 16 часов 30 минут занял Севастополь. Отстающих нет. Настроение бойцов и командиров высокое».

Неисчислимые подвиги совершили в те дни герои Перекопа и Юшуни. За героизм и отвагу, проявленные в этих боях, большая группа бойцов и командиров была награждена орденами Красного Знамени. Среди награжденных — командир батальона 456-го полка коммунист Казимир Куровский. Он первым бросился на штурм Турецкого вала и увлек за собой весь батальон.

При штурме Перекопа коммунист пулеметчик Ермаков был ранен. Здоровой рукой он оторвал лоскут рубахи, смочил его своей кровью и поднял на палке. Двести метров прошел герой по фронту со своим знаменем. Ермаков шел не спеша и кричал в сторону белых: «Эй, вы, паразиты! Убейте меня, но никогда вам не убить этого трудового красного знамени» [1].

Отмечая неувядаемую славу войск 6-й армии в боях на Перекопском перешейке, М. В. Фрунзе особенно подчеркнул боевые заслуги 51-й дивизии.

В телеграмме Московскому Совету он писал:

«Рад сообщить Вам и Московскому Совету, что 51-я дивизия в последних боях против Врангеля покрыла себя неувядаемой славой. Невзирая на тяжелые жертвы, в обстановке невероятных лишений она до конца выполнила свой долг перед Республикой и, потеряв $^3/_4$ состава, штурмом овладела всеми линиями обороны противника, пробив своей грудью дорогу в Крым. Имея такую опору, Советская Москва и вся Россия могут спокойно смотреть на свое будущее» [2].

В воздаяние этих заслуг 51-я дивизия была награждена орденом Красного Знамени и получила

---

[1] «Перекоп», 1941, стр. 209.
[2] ЦГАСА, ф. 32392, оп. 1, д. 15, л. 5.

почетное наименование Перекопской. Одновременно Реввоенсовет Южного фронта наградил В. К. Блюхера вторым орденом Красного Знамени, а Реввоенсовет 1-й Конной армии преподнес Василию Константиновичу часы с надписью: «Красному вождю и победителю на Перекопе и Юшуне 27.X—11.XI— начдиву 51 В. К. Блюхеру от РВС 1-й Конной» [1].

Приказом Реввоенсовета республики № 197 от 14 июня 1921 года за «выдающуюся храбрость, военный талант и организаторские способности», проявленные в борьбе с Дутовым и другими белогвардейцами в 1918 году, В. К. Блюхер был награжден третьим орденом Красного Знамени [2].

В боях под Каховкой и на Перекопе В. К. Блюхер проявил личную храбрость и большой полководческий талант. Он проявил столько энергии, инициативы и творчества в деле вождения войск и организации боя с врангелевскими войсками, что имя его гремело по всей Республике Советов.

С его именем связано создание глубокоэшелонированной и противотанковой обороны, разработка новых тактических приемов борьбы с танками. Он внес большой вклад в дело развития тактики прорыва сильно укрепленных позиций, построенных по последнему слову военно-инженерного искусства того времени.

В феврале 1921 года В. К. Блюхер был назначен начальником гарнизона Одессы и начальником войск Одесской губернии. Герои Каховки и Перекопа становятся героями труда. 51-я дивизия приняла активное участие в восстановлении разрушенного народного хозяйства и в весенних полевых работах, за что была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Формирование и все блестящие победы 51-й дивизии неразрывно связаны с именем Блюхера. Василий Константинович по праву считал ее своим детищем. Вот почему так трогательно было расставание, когда в мае 1921 года он по решению ЦК РКП(б) уезжал на разгром белогвардейцев и интервентов,

---

[1] ЦГАСА, Личное дело В. К. Блюхера.
[2] См. «Легендарный рейд», стр. 190.

действовавших еще на Дальнем Востоке. Как драгоценную реликвию хранил В. К. Блюхер анкету 51-й дивизии, своего рода паспорт, которая напоминала ему о славных боевых делах. Вот она:

«Имя — 51-я; фамилия — Перекопская имени Московского Совета; специальность — стрелковая; год и месяц рождения — август 1919-й; кем рождена — Коммунистической партией и Октябрьской революцией; место рождения — уральские заводы; национальность — интернациональная; происхождение — из рабочих Урала и крестьян — партизан Сибири; образование — окончила университет гражданской войны; какие имеет награды — орден Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени, 14 Красных знамен; от кого получила благодарственные отзывы — от Владимира Ильича Ленина, который высоко оценил блестящую победу над Врангелем».

Василий Константинович не порывал связи с дивизией и в последующие годы. В день ее пятилетнего юбилея, в 1924 году, он сердечно приветствовал из далекого Китая «дорогих героев Прикамья, Урала, Сибири, Каховского плацдарма, Перекопа и двух Юшуньских позиций».

С радостью вспоминаю я минувшие дни, писал В. К. Блюхер в своей телеграмме, «когда в тяжелые минуты боевых испытаний вы сплелись в крепкую боевую дивизию, покрыв себя неувядаемой славой на пути Сибири и Крыма. Преклоняюсь перед светлой памятью товарищей по дивизии, павших смертью героев во время тяжелых боев и походов. Глубоко верю, что дивизия столь же мужественно и крепко стоит на страже революции, как беззаветно защищала Красное знамя борьбы за свободу за все время нашей совместной боевой работы.

Сегодняшний день поистине редкий радостный праздник, ибо много славных страниц вписали вы в историю революционной борьбы рабочих и крестьян и, беззаветно встав на великую борьбу с колчаковским выступлением, мужественно вели борьбу с реакционными силами до конца. Вами гордится вся революционная Россия».

Волочаевские дни

И останутся как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Мощным ударом войска Южного фронта разгромили последний оплот Антанты в европейской части России. «Черный барон» Врангель был опрокинут в море и ликвидирован. Однако империалисты не могли примириться с мыслью о своем поражении. Они обратили внимание на Дальний Восток. Здесь после разгрома Колчака в апреле 1920 года была образована Дальневосточная республика (ДВР). Это было временное государственное образование, созданное по тактическим соображениям для предотвращения войны с Японией.

«...Обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики,— говорил В. И. Ленин в декабре 1920 года.— ...Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна» [1].

К весне 1921 года Дальневосточная республика занимала территорию от Байкала до берегов Тихого океана. Только в Приморье, южнее Имана, под охраной интервентов еще продолжали орудовать остатки

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 435.

бандитских шаек, готовившиеся к новому походу на Хабаровск и Читу.

26 мая 1921 года белогвардейцы при поддержке японских войск совершили во Владивостоке контрреволюционный переворот. Вся власть перешла в руки «приамурского временного правительства» во главе с монархистами и спекулянтами братьями Меркуловыми. Поддерживая мятежников, японские интервенты стремились навязать конфликт Дальневосточной республике и сорвать ее строительство.

Создалась новая серьезная опасность возобновления гражданской войны.

Центральный Комитет партии призвал коммунистов Дальнего Востока принять все меры к тому, чтобы ликвидировать нависшую угрозу.

«Дальнейшее распространение на территории ДВР белогвардейщины,— говорилось в телеграмме ЦК,— может превратиться в серьезную опасность для РСФСР, стать угрозой возобновления международным капиталом частичной или полной блокады РСФСР» [1].

В этот напряженный момент на Дальний Восток прибыл В. К. Блюхер. 27 июня 1921 года правительство ДВР назначило его военным министром республики и главнокомандующим Народно-революционной армией (НРА).

Для В. К. Блюхера это было не обычным передвижением по службе, а особым поручением партии. Такой высокий пост партия могла доверить лишь испытанному во всех отношениях вожаку масс, сочетающему талант полководца и государственного деятеля.

Посылая Василия Константиновича на новую ответственную работу, ЦК партии и Советское правительство надеялись, что он с честью оправдает возложенные на него задачи. Он должен был практически осуществить политическую линию Коммунистической партии по освобождению Дальнего Востока и в то же время не допустить развязывания войны с Японией.

Василий Константинович получил тяжелое наследие. На 1 июля 1921 года численность Народно-

[1] «Дальневосточная правда», 26 июня 1921 г.

революционной армии по штатам определялась в 198 тысяч человек. Однако в армейских частях было только 76 тысяч. ДВР не располагала ни финансовыми, ни материально-техническими средствами для содержания не только штатного, но и наличного состава армии.

Край был до предела разорен и разграблен белогвардейцами и интервентами. Армия испытывала крайнюю нужду в продовольствии и обмундировании. В ней процветала еще партизанщина.

Состояние дисциплины Народно-революционной армии того времени ярко характеризует один эпизод, рассказанный В. К. Блюхером на слете участников волочаевских боев 22 февраля 1937 года.

«Знакомясь с армией, я приехал к Я. Н. Коротаеву, известному вам командиру Забайкальской дивизии, и говорю ему: построй дивизию для смотра.

— Это невозможно,— растерянно отвечает он.

— Выстраивай на парад,— категорически приказал я.

— Не послушают,— твердит Коротаев.— Бойцы в бой пойдут, а на парад не пойдут.

— Какая же это армия,— отвечаю,— если она на парад не пойдет. Ведь парад — это демонстрация сил. Дайте мне строевую записку.

— Какую записку? — удивленно спрашивает Коротаев.

— Строевую записку, в которой должно быть указано, сколько людей числится по списку, в строю, больных, в наряде и сколько просто нахлебников.

Я должен вам сказать, что в дивизии числилось 4800 человек, а непосредственно в строю оказалось 920 бойцов».

Такая примерно картина была и в других частях.

Заслуга В. К. Блюхера состоит в том, что он со свойственной ему смелостью и принципиальностью поставил вопрос перед правительством ДВР о коренной реорганизации армии и резком сокращении ее численности.

В ряде писем на имя ЦК РКП(б) Василий Константинович доказывал, что ДВР своими средствами без помощи Советской России не имеет возможности создать боеспособную армию. В ноябре 1921 года

В. И. Ленин подписал постановление СНК о переводе ДВР (в распоряжение В. К. Блюхера) полутора миллионов рублей золотом.

На Дальнем Востоке в силу своеобразных условий войны особенно активно действовали партизанские отряды. Однако их операции зачастую проводились разрозненно и без единого командования, что не могло в конечном итоге не отразиться на успешном исходе борьбы с организованным и сильным врагом.

В результате упорной работы В. К. Блюхеру удалось побороть «дух партизанщины», провести коренную реорганизацию армии и создать регулярное войско. По его инициативе была разработана новая, более четкая структура строительства вооруженных сил республики, ликвидирована значительная часть штабов и тыловых учреждений.

К ноябрю 1921 года численность армии была сокращена до 38 тысяч человек. Сокращение проходило за счет старших возрастов с одновременным призывом молодых бойцов.

— В ходе реорганизации,—говорил В. К. Блюхер,— мы пытались сделать армию однородной по возрасту и по физической выносливости. Одновременно преследовалась задача сокращения армии, главным образом уменьшение числа штабных и тыловых организаций. Лучше было иметь меньше полков и дивизий, но зато вполне укомплектованных до полного штата, чем множество малочисленных и, значит, малобоеспособных частей.

Особое внимание военный министр уделял совершенствованию обучения и воспитания войск.

«Только хорошо обученные и идейно воспитанные бойцы,— писал он в одном из своих приказов,— смогут составить крепкие, надежные боевые ряды, способные на выполнение ответственных задач, и подготовка таких бойцов явится нашей первой неотложной задачей. Всякое послабление дисциплины уменьшает боевые качества армии. Только твердое усвоение революционной дисциплины является залогом действительной крепости ее боевых рядов».

Для усиления партийно-политической работы в армии Военный совет НРА издал специальный при-

каз, в котором подчеркивалась чрезвычайная важность политико-просветительной работы в армии и намечались мероприятия по усилению политического воспитания и ликвидации неграмотности.

С этой целью в частях были сформированы школьные команды, в которых обучалось до 50 процентов всех неграмотных и малограмотных бойцов.

Проведение в жизнь этих мероприятий повышало сознательность бойцов и укрепляло воинскую дисциплину.

— Мы должны добиться строгой централизации, единства воли, беспрекословного выполнения приказов, не допускать никакого сепаратизма, никакой стихийности,— требовал главком.— Только в этом случае мы сможем целеустремленно направить великую революционную энергию наших бойцов на сокрушение и разгром врага.

Хотя реорганизация армии к началу решающих боев (к декабрю 1921 года) и не была завершена, тем не менее она стала более дисциплинированной и боеспособной. Создавать новую армию приходилось в обстановке хозяйственной разрухи, в условиях ожесточенной борьбы с врагами. Уже в июле месяце ей пришлось выступить против Унгерна.

Выйдя весной 1921 года из своего убежища в Монголии, барон Унгерн стремился захватить Верхне-Удинск, прорваться к Байкалу и отрезать Дальний Восток от Советской России.

По приказу В. К. Блюхера Народно-революционная армия вместе с частями Красной Армии выступила на защиту своей Родины. Нанеся поражение Унгерну на границе, красные части стали преследовать его на территории Монголии.

В связи с этим 1 июля Военный совет НРА за подписью В. К. Блюхера и М. И. Губельмана издал инструкцию о поведении наших войск в Монголии. В инструкции давался строгий наказ уважать суверенитет монгольского государства, права и обычаи населения.

Вместе с советскими войсками против Унгерна активно действовали и красномонгольские отряды во главе с Сухэ-Батором и Чойбалсаном.

В середине августа белогвардейские банды были разгромлены, барон Унгерн взят в плен и по приговору ревтрибунала расстрелян в Ново-Николаевске (Новосибирске).

Советские войска помогли монгольскому народу ликвидировать кровавый режим Унгерна и упрочить революционную власть. Между народами Советской России и Монголии установилась братская дружба.

Тем временем в Приморье белоповстанческая армия под командованием генерала Молчанова готовилась к нападению на Дальневосточную республику. Японское командование поставляло белогвардейцам оружие, боеприпасы и обмундирование. Среди солдат армии Молчанова проводилась усиленная агитация. При этом «поход на Москву» изображался как борьба «за святую веру православную, за церкви божьи и за государство русское, за родину, за отечество и за родные очаги».

Чтобы усыпить бдительность общественности, японское правительство пригласило представителей Дальневосточной республики на конференцию в Дайрен для обсуждения вопроса об эвакуации иностранных войск из Приморья и урегулирования отношений между Японией и ДВР.

Советскую делегацию возглавлял заместитель премьер-министра ДВР, старый член партии Ф. Н. Петров. Японские империалисты выставили ряд неприемлемых требований и умышленно затягивали переговоры, под прикрытием которых они энергично готовились к наступлению.

В ноябре в Дайрен прибыл В. К. Блюхер. Японские газеты разразились тогда по его адресу восторженными дифирамбами. Они уверяли, что с его приездом конференция выйдет наконец из тупика. Однако первое же выступление Василия Константиновича полностью разочаровало японских дипломатов. Он твердо и решительно отверг необоснованные требования японцев. На другой же день тон газет резко изменился. Под его портретом появилась выразительная надпись: «Рука красного дьявола тянется к Дальнему Востоку».

Потерпев поражение на конференции, Япония решила с помощью белогвардейцев силой добиться

осуществления своих притязаний. 30 ноября 1921 года белоповстанческие войска неожиданно вышли из «нейтральной полосы», охраняемой японскими штыками, и двинулись в наступление на позиции НРА, проходившие южнее станции Иман. Переход в наступление белогвардейских банд, говорил В. К. Блюхер, «совпал с моментом реорганизации партизанских отрядов в регулярные части». Перестройка и сосредоточение Народно-революционной армии на наиболее угрожаемых направлениях еще не были закончены. Этим воспользовался противник. Имея пятикратное превосходство, две колонны белых стали продвигаться вдоль железной дороги и в обход ее на север. Их войска состояли из офицерских рот и батальонов, хорошо обученных, отлично обмундированных и вооруженных.

Оказав упорное сопротивление под Иманом, Бикином и Казакевичевом, наши малочисленные части после ожесточенных боев вынуждены были отойти к Хабаровску, а затем в ночь на 22 декабря оставить его.

Блюхер был срочно вызван из Дайрена. 18 декабря он прибыл в Читу и в тот же день информировал народное собрание ДВР о переговорах с Японией, о результатах реорганизации армии и о мероприятиях, намеченных им по разгрому белоповстанцев.

Василий Константинович рассказал о семнадцати требованиях, предъявленных японской делегацией, принятие которых превратило бы Дальневосточную республику по сути дела в японскую колонию. Японские империалисты требовали не вводить на территории ДВР «коммунистический режим», уничтожить все береговые укрепления, сохранить частную собственность, передать им на 80 лет советский Сахалин и т. д.

— Мы не согласились с этими требованиями и сделаем все, что возможно, для победы,— закончил свой доклад главком.

С фронта поступали тревожные сведения: белые продолжали продвигаться вперед, заняли Волочаевку, что в 50 километрах западнее Хабаровска, и подошли к станции Ин.

Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство ДВР, учи-

тывая серьезность создавшегося положения, призвали трудящихся встать на защиту республики и поставили перед Народно-революционной армией задачу задержать дальнейшее продвижение противника, а затем и разгромить его.

Для оперативного руководства боевыми действиями 18 декабря 1921 года был создан штаб и Военный совет Восточного фронта во главе с командующим С. М. Серышевым и членами Военного совета П. Постышевым и Б. Мельниковым. На усиление Восточного фронта срочно перебрасывались из Забайкалья 1-я отдельная Читинская стрелковая бригада и Троицко-Савский кавполк под общим командованием старых боевых соратников Блюхера — Н. Д. Томина и В. С. Русяева. Сюда направлялись все запасы теплого обмундирования, продовольствия и боеприпасов.

Первоначальный легкий успех вскружил голову белогвардейцам, и они решили без остановки двигаться по Амурской железной дороге прямо в Читу. Белогвардейцы злопыхательски кричали на весь мир о разгроме Народно-революционной армии и высчитывали дни, когда вступят в столицу ДВР. Нужно было во что бы то ни стало сбить с них эту спесь. И вот в канун Нового года под станцией Ин неприятель неожиданно получил столь сокрушительный удар, что без оглядки отступил к станции Ольгохте.

...В ночь на 28 декабря сильная группа противника под общим командованием генерала Сахарова повела энергичное наступление на станцию Ин. Белым удалось обойти правый фланг народоармейцев и ударить в тыл по резервным подразделениям. Они дрогнули и стали отступать. В это время комиссар полка Трегубенков с возгласом «Вперед, товарищи!», с винтовкой наперевес бросился в атаку. Несколько бойцов во главе с командиром взвода М. Марковым устремились вслед за ним. Поднялся и бросился вперед весь полк. За пехотой двинулся бронепоезд под командованием командира пластунов Петрова-Тетерина. Противник не выдержал дружного натиска и бежал.

Инский бой имел большое значение для всей Хабаровской операции. Он знаменовал собой коренной

перелом в ходе боевых действий в пользу Народно-революционной армии. Была одержана первая победа. Радостно прозвучала она на фронте и в тылу. Бойцы поздравляли друг друга. Все лишения и пережитые невзгоды разом забылись. Укрепилась вера в свои силы.

Василий Константинович горячо поздравил войска с первой крупной победой. В телеграмме командующему Восточным фронтом С. М. Серышеву он просил «передать всему личному составу, принимавшему участие в Инском бою, глубокую благодарность Военного Совета и Правительства ДВР, выделить отличившихся и представить их к награде. Вчерашний успех имеет громадное моральное значение для войск».

За боевые отличия в Инском бою Ф. М. Петров-Тетерин и М. Марков были награждены орденом Красного Знамени. Команде бронепоезда № 8 был вручен большой серебряный кубок с надписью: «За удержание станции Ин в наших руках».

Отступив к станции Ольгохте, противник стал спешно укреплять свои позиции в районе Волочаевки.

5 января Инская группа войск Восточного фронта предприняла наступление на Волочаевку, но оно было неудачным. Командующий фронтом С. М. Серышев готовил новое наступление. Однако Блюхер считал это нецелесообразным. Отменяя приказ командующего фронтом, Василий Константинович взял на себя большую ответственность, так как хорошо понимал, что до сосредоточения всей Забайкальской группы и проведения тщательной подготовки наступление не будет иметь успеха.

В разговоре по прямому проводу с С. М. Серышевым В. К. Блюхер изложил свой план разгрома неприятеля и занятия Хабаровска.

«Перешедшего в наступление противника необходимо разбить и отбросить к Волочаевке,— говорил он,— не переходя в решительное наступление до полного сосредоточения Читинской бригады на станции Ин.

Второй этап должен состоять в следующем: 5-й, 6-й и Особый Амурский полки, составляя Сводную

стрелковую бригаду, переходят по линии железной дороги в наступление на Волочаевку; 4-й кавполк, Троицко-Савский кавполк и кавдивизион Читинской бригады составляют Сводную кавалерийскую бригаду, обеспечивая успех пехоте, наносят удар по непосредственному тылу Волочаевской группы противника. Отряд Шевчука с этой же целью наступает с севера на Дежневку.

И наконец, третий этап — овладение Хабаровском и уничтожение противника — должен начаться только после занятия Волочаевки. Для этой цели ударная группа Томина, усиленная двумя стрелковыми полками, двигаясь через Новгородское — Ново-Троицкое, должна захватить Казакевичево, отрезать путь отступления противнику на юг и уничтожить его живую силу» [1].

Основная идея плана Волочаевских боев сводилась к уничтожению противника между Волочаевкой и Хабаровском, с тем чтобы уберечь Хабаровск от белогвардейского разгрома. Ударом с фронта в полосе железной дороги с одновременным глубоким обходом и ударом группы Н. Д. Томина имелось в виду не только разбить, но и уничтожить белогвардейские банды раньше, чем они достигнут Хабаровска.

Это был простой и вместе с тем смелый план окружения и разгрома неприятеля. Но для этого необходимо было хорошо подготовиться: сосредоточить войска, тепло их одеть, усилить партийно-политическую работу.

Прибыв из Дайрена, В. К. Блюхер еще более энергично взялся за мобилизацию всех сил на отпор врагу. Он работал дни и ночи.

— Первое, что поразило меня в этом человеке,— вспоминал боевой соратник Я. З. Покус,— это его трудолюбие и трудоспособность. Почти ежедневно Василий Константинович возвращался домой в четыре часа утра. Он вел беспрерывно переговоры, давал приказания, составлял планы, вникал в самые, казалось бы, мелкие дела. Когда кончался его трудовой день, он любил в кругу друзей за чашкой чая вспоминать эпизоды перекопских боев, уральского

[1] «Правда», № 42 12 февраля 1937 г.

похода, задавался планами, делился своими думами.

Невзирая на жестокие морозы, главком торопился с завершением подготовки к наступлению. К выполнению этой задачи он подходил не только как военный специалист, но и как государственный деятель: затягивание операции грозило серьезными осложнениями как международного, так и внутреннего порядка. Промышленность и транспорт республики находились в катастрофическом состоянии, а длительное пребывание войск в Инском районе, лишенном населенных пунктов, ежедневно приводило к большим потерям от обморожений и заболеваний.

В эти напряженные дни Василий Константинович написал большую статью под названием «Твоя очередь, тыл», в которой призывал население усилить помощь фронту.

Одновременно Военный совет НРА от лица армии обратился к населению с призывом энергичней развивать партизанскую борьбу в тылу врага.

Для руководства партизанским движением создается военно-революционный штаб партизанских отрядов Приамурской области, а в январе 1922 года — штаб партизанских отрядов Приморья.

Бурно развернулись действия партизан. Они взрывали склады, железнодорожные мосты, нарушали связь, окружали и уничтожали гарнизоны противника. Народные мстители не давали ему покоя.

В ночь на 12 января партизанский отряд совершил налет на Хабаровск, где располагался штаб Молчанова. В кратковременном бою они уничтожили много солдат и офицеров. Перепуганные белогвардейцы сняли из-под Волочаевки два полка с артиллерией и направили их для преследования партизан. Но и эти части были разбиты в селе Князе-Волконке.

Набирала силы для окончательного разгрома врага и Народно-революционная армия. Каждый день пополнялись ее ряды многочисленными кадрами коммунистов. Партийная организация Хабаровска в полном составе влилась в воинские части, 500 коммунистов прислала Забайкальская область. С Центральных читинских военно-политических курсов было отправлено на фронт 120 молодых коммунистов.

В январе по инициативе главкома в республике активно прошла неделя помощи фронту. Она проводилась под лозунгом: «Все для победы над контрреволюцией!»

На сборные пункты население несло полушубки, валенки, шапки, рукавицы — все, что могло пригодиться для армии.

Встревоженные быстрыми успехами НРА, командование белых и интервенты всеми силами пытались превратить Волочаевку в неприступную крепость.

Командной точкой обороны была сопка Июнь-Карань. Она возвышалась над огромной снежной равниной, подступы к ней были открыты. На 30—40 километров не встречалось ни одного населенного пункта, где можно было бы обогреться и укрыться.

Белогвардейцы рассчитывали закрепиться в Волочаевке, сделать ее «дальневосточным Верденом». Волочаевка являлась главным стратегическим узлом: для нас была ключом к Приморью, для белых — ключом к Забайкалью и Восточной Сибири. Кто закрепится в ней, тот обеспечит себе стремительное наступление в будущем.

Вот почему противник сосредоточил здесь все свои лучшие части, наполовину укомплектованные офицерами. Целый месяц под руководством известного специалиста царской армии полковника Аргунова здесь усиленно работали саперы. Восемь рядов колючей проволоки преграждали подступы к позициям. С юга и запада проволокой был опутан даже кустарник. За железной изгородью выросли брустверы из мешков с землей, поверх которых навалили сугробы снега и полили его водой. Образовалась ледяная стена. Все подходы были тщательно пристреляны. Отлично оборудованные многочисленные наблюдательные пункты, пулеметные и артиллерийские позиции давали неприятелю огромные преимущества. В ближайшем тылу у него были хорошо накатанные дороги и теплые дома, где солдаты могли укрыться от мороза. Войска Народно-революционной армии должны были наступать по открытой равнине, покрытой глубоким и рыхлым снегом.

Генерал Молчанов, осмотрев свои позиции, самоуверенно заявил, что Волочаевку красным не взять,

так как для этого необходимо «иметь не менее десяти тысяч бойцов», которых у них тогда не было.

В то же время он ясно сознавал, что в Волочаевке решается судьба белогвардейской армии и на одни укрепления надеяться нельзя. Нужна была еще армия, готовая сражаться до победы. А она с каждым днем все больше разлагалась. Поэтому генерал Молчанов прилагал огромные усилия, чтобы поднять боеспособность своих войск.

«Вопрос самого нашего бытия требует полного напряжения всех сил для достижения победы,— писал он в обращении к своим офицерам.— С победой мы живем, неудача может лишить нас самого бытия, как антибольшевистской организации» [1].

Белогвардейский главком призывал старших начальников «вдунуть в сердца подчиненных страстный дух победы, поговорить со всеми и наэлектризовать каждого», внушить всем, что «проволочные заграждения бросать ни в коем случае нельзя».

Однако дни существования «дальневосточного Вердена» были уже сочтены. 28 января 1922 года для непосредственного руководства боевыми операциями на станцию Ин прибыл В. К. Блюхер вместе с полевым штабом.

— Я приехал на станцию Ин,— вспоминал впоследствии Василий Константинович,— и приказал выстроиться для смотра. Кое-кто тогда ругался: «Вот идиоты! Тут драться нужно, а они парад вздумали».

Я говорю Постышеву: Павел Петрович, нужен парад, чтобы люди видели, что это не отдельные кучки, а целое войско. Во-вторых, чтобы народ понял, что наступило время дисциплины, без которой ничего не сделаешь. Можно и померзнуть во имя этой дисциплины. И мы три часа мерзли. Проехались по фронту, устроили митинг, и впервые в истории наша армия прошла церемониальным маршем.

Парад и митинг сыграли большую роль в поднятии настроения бойцов.

— Блюхер здесь,— значит, победа будет обеспечена,— говорили народоармейцы.

«Выстроенные в длинные ровные шеренги бойцы

---

[1] «Борьба за Хабаровск». Хабаровск, 1922, стр. 41.

имели бодрый, праздничный вид,— писал командир 6-го полка А. Захаров.— Над головами реяли пунцовые знамена и плакаты с лозунгами: «Хабаровск должен быть красным!», «Вперед за освобождение Приморья!», «Привал на Имане — отдых во Владивостоке!», «Волочаевка будет нашей!» Когда на трибуне появился главком, морозный воздух разорвался от оглушительного «ура». Он произнес страстную речь, в которой не скрывал трудностей предстоящих сражений и призвал бойцов к решительной победе».

— Товарищи бойцы, командиры и комиссары! — сказал главком.— Результаты этого смотра служат достаточным доказательством той сознательности, с которой вы относитесь к выполнению возложенного на вас Республикой, Родиной и историей долга защиты интересов русского революционного народа на Дальнем Востоке.

Пусть ваш мерный шаг на этом параде, вблизи продажного врага, на болотных позициях под Ином, будет первым шагом к раскрепощению всех народов Востока, собирающихся под красным знаменем революции. Пусть он превратится в наш победный марш к морю.

Выступления В. К. Блюхера имели большую силу воздействия на массы. Они отличались четкостью поставленных задач, немногословием, доходчивой и убедительной аргументацией, увлекающим пафосом боевых призывов.

Накануне штурма Волочаевки Василий Константинович проявил инициативу мирным путем покончить с войной и избежать дальнейшего кровопролития. Он направил командующему белогвардейскими войсками генералу Молчанову письмо, в котором писал:

«Какое же солнце предпочитаете Вы видеть на Дальнем Востоке? То, которое красуется на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю после дней очищающей революционной грозы?

Какая участь Вам более нравится — участь Колчака, Врангеля или Унгерна или жребий честного гражданина своей революционной Родины?

Вы всюду твердите, что боретесь за великую Россию, за национальное возрождение ее, за раскрепощение ее от большевиков, ведущих антинациональную политику. Так ли это? Вы, конечно, знаете, что единственной, кто стоял за единство России, кто отстаивал ее от вожделений иностранных империалистических акул, была существующая в революционной России Советская власть.

Я — солдат революции и хочу говорить с Вами, прежде чем начать последний разговор на языке пушек. На этих сопках и без того много могил. В случае продолжения борьбы одна из них будет Вашей.

Я именем русского революционного народа в последний раз гарантирую Вашим солдатам, офицерам и Вам сохранение жизни в случае, если Вы добровольно прекратите сопротивление и сложите оружие. Драгоценная кровь русского народа заставляет меня обратиться к Вам с последним словом. Своих слов я на ветер не кидаю, так же как и не на ветер будут выпущены пули нашей Народно-революционной армии, если борьба будет продолжаться» [1].

Это письмо В. К. Блюхера — один из ярких примеров большевистской агитации. Оно было широко распространено среди войск противника и своей сильной аргументацией и страстностью сыграло большую роль в разложении белогвардейской армии. Парламентер П. Подеревянский, возивший письмо Молчанову, рассказывал, что солдаты противника, узнав о цели его приезда, «отнеслись к этому сочувственно и согласились с доводами о ненужности войны».

Командующий белоповстанческой армией отказался разговаривать с парламентером и не счел нужным ответить на обращение Блюхера. В связи с этим главком приказал приступить к выполнению плана разгрома противника.

Первым этапом задуманной операции было овладение станцией Ольгохта, как плацдармом для развертывания наступления на Волочаевку.

5 февраля 2-й полк при поддержке 3-й батареи и бронепоезда № 8 внезапным ударом ворвался на станцию и занял ее. Однако Молчанов приказал отвоевать Ольгохту. Его войска несколько раз пыта-

[1] «Борьба за Хабаровск». Хабаровск, стр. 87—88.

лись окружить станцию, но красные артиллеристы стойко отражали все их атаки. За самоотверженную борьбу главком наградил 3-ю батарею орденом Красного Знамени и серебряным кубком с надписью: «За беспримерную и лихую работу в ночь с 7 на 8 февраля 1922 года под разъездом Ольгохта».

Накануне штурма Волочаевки Василий Константинович собрал в своем штабном вагоне совещание старшего командного состава. Он хотел еще раз обсудить план предстоящей операции, дать последние указания. Учитывая, что противник соорудил серьезные искусственные препятствия, Блюхер, используя опыт Перекопа, приказал командиру Сводной стрелковой бригады Я. З. Покусу «сформировать штурмовые взводы, которые свести в штурмовые колонны, имеющие задачей прорыв заграждений.

Штурмовые колонны снабдить гранатами, ножницами, кошками и топорами» [1].

К 10 февраля все приготовления были закончены, и главком отдал приказ о наступлении.

«В ночь на 10 февраля войска НРА начали развертываться,— вспоминал впоследствии В. К. Блюхер,— а утром — жестокий, полный героизма бой за Волочаевку. Войска Народно-революционной армии, вступившие в бой, были уверены в своей победе. Эта уверенность была выкована в войсках большевиками во главе с П. П. Постышевым. Войска шли в бой с лозунгами: «Волочаевка будет наша!» Бойцы, командиры и политработники шли в бой с твердой решимостью победить. Так начались волочаевские дни» [2].

Сводная бригада Я. З. Покуса и партизанские отряды Ф. М. Петрова-Тетерина и И. П. Шевчука начали непосредственный штурм волочаевских укреплений, а Забайкальская группа Н. Д. Томина направилась вдоль Амура в обход левого фланга для удара по ближайшему тылу неприятеля и окружения его в районе Хабаровска.

Первой подошла к проволочным заграждениям южнее железной дороги рота корейцев 6-го полка и бросилась на штурм. Ножницы подвезти не успели,

[1] ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 388, л. 25.

[2] «Красная звезда» № 35, 12 февраля 1937 г.

и бойцы прикладами рвали колючую проволоку, штыками копали промерзшую землю и вытаскивали колья. Противник открыл сильнейший перекрестный огонь из пулеметов и бронепоездов. Почти вся рота полегла смертью храбрых.

В центре на штурм вражеских укреплений пошла команда пеших разведчиков Особого Амурского полка в маскировочных халатах. Но и она застряла. Дважды командир 6-го полка А. Захаров водил своих бойцов в атаку, но сильный огонь преграждал им путь. Не помог и единственный танк. На подходе к заграждениям он был подбит.

Продолжать атаку дальше не было сил. Бойцы лежали перед проволокой, зарывшись в снегу. Бой не дал заметных результатов. Более 400 человек выбыло в тот день из строя ранеными, обмороженными и убитыми.

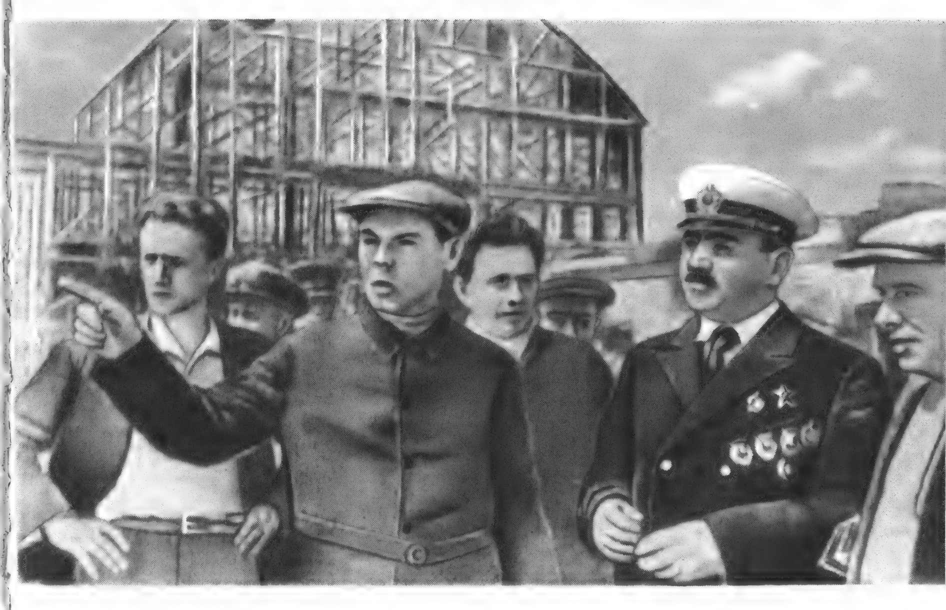
К ночи мороз усилился, поднялась буря. Всю ночь и весь следующий день бойцы находились под открытым небом, не получая горячей пищи. Ели соленую рыбу и мерзлый хлеб. Чтобы не отмерзли ноги, использовали мешки, набитые сеном. Особенно плохо было раненым. Они размещались в небольшой комнате в полуказарме. Только утром удалось их эвакуировать.

Несмотря на неимоверные трудности, никто не покинул поле боя.

С утра до вечера по передовым цепям атакующих ходил Блюхер в своем коротком меховом полушубке и заячьей шапке-ушанке. По колено в снегу обходил он ряды утомленных бойцов. Слова Василия Константиновича зажигали их. Вместе с ними главком делил все радости и горести.

В результате боя была уточнена группировка войск и огневая система противника. Наиболее укрепленным оказался северный участок волочаевских позиций. Здесь же были сосредоточены основные силы неприятеля. В связи с этим главком решил произвести перегруппировку своих войск и перенести главный удар с северного участка на южный, где укрепления противника оказались более слабыми.

11 февраля в течение всего дня шла сильная артиллерийская и ружейно-пулеметная стрельба.



В. К. Блюхер на строительстве одного из заводов в Комсомольске-на-Амуре.

В. К. Блюхер беседует с делегацией иностранных рабочих, посетившей Дальний Восток в 1931 г.

М. И. Калинин, А. Ф. Горкин, В. К. Блюхер и И. Ф. Федько среди награжденных командиров и политработников ОКДВА в 1938 году.

Командующий войсками ОКДВА Маршал В. К. Блюхер принимает военную присягу войск Хабаровского гарнизона.

1 СОЗЫВ 1937

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

ДЕПУТАТСКИЙ БИЛЕТ № 61.

Предъявитель, тов. Блюхер В. К.

избран членом Президиума

ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Депутатский билет члена Президиума Верховного Совета СССР В. К. Блюхера.

К вечеру были восстановлены железнодорожные мосты и к фронту подтянулись два наших бронепоезда — № 8 и № 9. Это еще больше воодушевило бойцов.

На правом фланге в двухдневных ожесточенных боях Забайкальская группа разбила 4-й отряд белых и овладела деревнями Верхне- и Нижне-Спасской. Последняя находится на Амуре в 12 километрах юго-восточнее Волочаевки.

Поздно ночью В. К. Блюхер отдал приказ о штурме. Три орудийных выстрела бронепоезда № 9 явились сигналом для атаки. После часовой артиллерийской подготовки бойцы в едином порыве бросились вперед. Разрывая проволочные заграждения прикладами, ручными гранатами и тяжестью своего тела, атакующие цепи приблизились к окопам противника. Падали убитые и раненые. На смену им устремлялись новые подразделения бойцов.

Вражеские бронепоезда обрушили на них ураганный фланговый огонь и остановили наступление.

На помощь пехоте пришли наши артиллеристы. Своим прицельным огнем они принудили вражеские бронепоезда несколько отступить назад. Этим воспользовался красный бронепоезд № 8. Он полным ходом устремился вперед, ворвался в расположение врага и открыл шквальный огонь из всех видов оружия. Противник на минуту притих. Бойцы 6-го стрелкового полка только и ждали этого момента, поднялись — и по всему фронту прокатилось громкое «ура». Они преодолели наконец все препятствия и ударили в штыки. Одновременно наша обходная колонна вышла в тыл врага и подожгла деревянный мост, находившийся в 6,5 километра восточнее Волочаевки.

Войска белогвардейцев дрогнули и в беспорядке бросились бежать.

«Сегодня в 11 час. 32 мин. частями НРА занята дер. Волочаевка,— рапортовал командир Сводной бригады Я. Покус.— В 7 час. 30 мин. части Сводной бригады перешли в решительное наступление при поддержке двух бронепоездов и после четырехчасового упорного боя при своевременной поддержке Троицко-Савского кавполка опрокинули противника».

Потеряв Волочаевку, белые не смогли больше где-либо закрепиться на новых позициях. 14 февраля Народно-революционная армия освободила Хабаровск. Разбитые и деморализованные остатки бывшей белогвардейской армии стремительно покатились в Приморье под защиту японских штыков.

Через день штабные телеграфисты приняли спешную правительственную телеграмму:

«Действующая армия. Блюхеру.

Преклоняясь перед памятью павших, шлем пламенный привет и поздравление с возвращением Хабаровска всем доблестным бойцам и вам, их вождю, оправдавшим доверие Республики».

Победой под Волочаевкой части НРА вписали еще одну героическую страницу в историю борьбы с белогвардейцами и иностранными интервентами за свободу и независимость Советской Родины.

Дни волочаевских боев стали легендарными. Героизм ее славных освободителей воспет народом.

Волочаевку по праву назвали «вторым Перекопом», потому что «под Волочаевкой, как и под Перекопом,— сообщали «Известия»,— революционная армия показала величайшие образцы героизма, преданности нашей армии делу пролетарской революции. Как со взятием Перекопа был нанесен сокрушительный удар врангелевщине на юге, так и под Волочаевкой был нанесен окончательный удар белогвардейщине и интервентам на Дальнем Востоке. Волочаевская эпопея показала всему миру, как умеют драться люди, желающие быть свободными».

О беспримерном героизме, мужестве и выносливости бойцов главком Блюхер писал:

«Я был свидетелем того революционного порыва, стойкости и мужества, с которыми вы держались под бешеным натиском наших врагов в течение трехдневного боя под Волочаевкой. На морозе, без горячей пищи, с куском замерзшего хлеба в кармане, под ураганным пулеметным и орудийным огнем вы грудью прорывали проволочные заграждения каппелевской цитадели и наконец своими стремительными, всеразрушающими атаками выбили противника из его укрепленного гнезда...

Я затрудняюсь выделить доблесть какой-нибудь

отдельной части: геройски боролись и самоотверженно глядели в лицо смерти все...

Одно могу сказать, что беззаветную преданность делу революции и Республике, нечеловеческую выносливость, редкую доблесть, мужество, величайшее самопожертвование и революционный порыв проявила армия при выполнении возложенной на нее трудовым народом боевой задачи...» [1]

За беспримерную доблесть, стойкость и отвагу, проявленные в бою под Волочаевкой, 6-й стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени и переименован впоследствии в 4-й ордена Красного Знамени Волочаевский полк. Орденом Красного Знамени главком наградил также бронепоезд № 8 и наиболее отличившихся бойцов и командиров.

В героических боях под Волочаевкой смертью храбрых погибли многие славные сыны трудового народа. Имена их записаны на самой почетной странице истории нашей борьбы за революцию и родную землю.

В память павших героев военный министр ДВР В. К. Блюхер приказал: «Немедленно собрать тела всех, кто с беззаветной доблестью погиб в жестоком бою под Волочаевкой, и схоронить их в общей братской могиле на вершине сопки Июнь-Карань, и над этой могилой воздвигнуть достойный памятник.

Пусть последнее место успокоения красных орлов постоянно напоминает всем гражданам нашей республики о славной странице борьбы Народно-революционной армии и воодушевляет бойцов на новые подвиги к достижению нашей исторической, революционной цели на Дальнем Востоке» [2].

В июле 1922 года В. К. Блюхер был отозван с Дальнего Востока для работы по укреплению боевой мощи Красной Армии.

Проводы Василия Константиновича вылились в яркую демонстрацию любви и уважения к нему армии и трудящихся Дальнего Востока. Газеты отводили целые полосы с описанием его деятельности как военного министра ДВР и главкома НРА. Газета

---

[1] ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 75, л. 19.
[2] Там же, л. 16.

«Дальневосточный путь» писала: «...отъезд Блюхера имеет для нас значение как оценка этапа в собирании мелких ячеек, отдельных разрозненных частей в нечто цельное, компактное, гибкое и подвижное, готовое во всякое время к действию, к удару... Не проделай Блюхер своей работы, мы не были бы свидетелями тех славных, полных энтузиазма, храбрости, беззаветности, смелости и подвигов нашей армии, которые мы имели под Дальневосточным Перекопом — Волочаевкой, под Хабаровском, Бикином».

7 июля на специальном заседании правительства председатель Совета Министров ДВР П. М. Никифоров тепло поблагодарил Василия Константиновича за все его труды и заслуги в деле создания вооруженных сил НРА и флота и умелое руководство боевыми операциями и вручил ему почетную грамоту, в которой говорилось:

«Ваши труды по военному строительству и Ваши боевые заслуги будут ценным вкладом в историю нашей армии. Вы были не только Главкомом — начальником, но и трибуном, товарищем, за которым массы шли не только по приказу, но и по призыву.

Когда трудовому правительству потребовались Ваши познания в качестве дипломата, оно делегировало Вас в Дайрен для ведения переговоров с представителями Японии. Когда же для поддержания своих милитаристических посягательств правительство Японии прибегло к вооруженному давлению на нашу территорию при помощи меркуло-каппелевцев, Вы, как солдат революции, вооруженной рукой, в невероятно тяжелых условиях зимних операций отразили натиск врага, штурмом взяв второй Перекоп — укрепленный плацдарм Волочаевки.

За Вашу работу на пользу Революции и трудового народа Дальневосточной республики Совет Министров постановляет: зачислить Вас навсегда почетным бойцом Народно-революционной армии с занесением в списки 1-й роты 4-го Волочаевского ордена Красного Знамени стрелкового полка» [1].

---

[1] «Дальневосточный путь» № 179, 9 июля 1922 г.

Генерал Галин

Беспощадно сокрушая
Натиск белых эполет,
Мы трудящимся Китая
Посылаем свой привет...

В августе 1922 года Василий Константинович был назначен командиром-комиссаром 1-го стрелкового корпуса, стоявшего в Петрограде и его окрестностях. Принимая во внимание исключительно важное стратегическое положение города, В. К. Блюхер вскоре утверждается одновременно и комендантом Петроградского укрепленного района.

Одной из основных задач, стоявших перед командиром корпуса и его заместителем, легендарным героем гражданской войны Я. Ф. Фабрициусом, являлось всемерное повышение боевой готовности и боеспособности войск, совершенствование и строительство новых укрепленных позиций. Все свои силы и богатый боевой опыт отдавали они этому любимому делу.

Но недолго продолжалась мирная жизнь полководца. Это было время, когда в Китае началась первая гражданская революционная война (1924—1927 годы). «Ликвидировать феодальные пережитки!», «Объединить страну!», «Завоевать национальную независимость!» — под этими лозунгами выступил на борьбу весь трудовой Китай. Во главе революционного движения стоял единый демократический фронт, образованный в 1924 году на основе союза Коммунистической партии Китая с гоминданом. Существовавшее на юге страны, в провинции Гуандун,

Национально-революционное правительство во главе с Сунь Ят-сеном обратилось к Советскому Союзу за помощью. «В этой борьбе я рассчитываю на Вашу великую страну,— писал Сунь Ят-сен правительству СССР,— дружба и помощь которой могут дать мне возможность освободить Китай из мощной хватки империализма и восстановить нашу политическую и экономическую независимость».

Советский народ, верный идеям пролетарского интернационализма, откликнулся на призыв революционного Китая.

В распоряжение Национально-революционного правительства была направлена группа военных советников во главе с В. К. Блюхером, известным в Китае под именем генерала Галина. Они приняли активное участие в создании Национально-революционной армии (НРА) и разработке стратегических планов Восточного и Северного походов. Подготовка к походам была начата с коренной реорганизации старых войск и создания новой армии. В нее влились тысячи добровольцев из рабочих Кантона и революционно настроенной молодежи.

Для усиления воспитательной работы в армии было создано политическое управление, в корпусах — политотделы, опиравшиеся в своей работе на военных комиссаров и ячейки Коммунистической партии.

Было централизовано управление НРА и упорядочено снабжение. Большую работу провели советники в области обучения и тактической подготовки войск.

Значительную роль в этом отношении сыграли выпускники специальной военной школы, созданной с помощью русских советников на острове Вампу.

Советское правительство по просьбе Сунь Ят-сена направило в Кантон пароход с оборудованием для школы. Чувство радости охватило слушателей, когда они узнали об этом. Советским морякам был оказан горячий прием. 8 октября 1924 года в их честь в городе была сооружена триумфальная арка. На состоявшемся митинге была зачитана телеграмма Сунь Ят-сена, в которой говорилось: «И СССР, и мое правительство стремятся к уничтожению империализма

и к освобождению малых и слабых национальностей от их угнетателей. Ваше судно пришло издалека, и его прибытие является доказательством дружбы, существующей между обоими народами, которые вместе будут работать над преодолением препятствий, стоящих на пути к утверждению равноправия всех рас и народов. Это будет благом не только для наших двух народов, но и для всего мира. Да здравствует СССР!» [1]

В школе изучались принципы построения и боевой опыт Красной Армии. Здесь воспитывались многочисленные кадры командного состава, преданные революции. Политотдел школы давал молодым командирам хорошую политическую подготовку. Зерна, заложенные в военной школе на Вампу, вскоре начали давать всходы.

Впервые в истории Китая была создана революционная армия, представлявшая собой централизованную, надежную и боеспособную силу. Воины шли в бой с лозунгами: «Бей империалистов!», «Долой феодалов!», «Землю — народу!»

В рядах Национально-революционной армии установились совершенно новые обычаи: были достигнуты сплоченность и единодушие между командирами и бойцами, между армией и народом. Войска были проникнуты героическим, наступательным, революционным духом.

В феврале 1925 года НРА нанесла свой первый удар по войскам милитариста Чэнь Цзюн-мина, пытавшегося захватить столицу революционного Китая — город Кантон.

В результате 1-го Восточного похода революционные войска и партизанские отряды разбили неприятеля. Более 7 тысяч солдат было захвачено в плен и разоружено.

Это было первое крупное вооруженное выступление объединенных революционных сил Китая против милитаризма и иностранного империализма.

1 октября 1925 года с целью укрепления революционной базы в провинции Гуандун НРА предпри-

---

[1] «Известия», 15 октября 1924 г.

няла 2-й Восточный поход. Командиры, комиссары и солдаты — члены Коммунистической партии Китая шли в первых рядах сражающихся бойцов. Под ударами НРА противник медленно отходил на восток. Особенно упорный бой разгорелся за крепость Вай-чжоу, преграждавшую дальнейший путь войскам НРА. Участник штурма крепости советник Н. И. Кончиц — ныне генерал-майор в отставке — рассказывает:

— Взять крепость было очень трудно. Она была окружена высокой и широкой каменной стеной, с трех сторон омывалась водой. Подойти к Вай-чжоу с суши можно было только с юга. Крепость считалась неприступной: за много столетий 37 раз пытались взять ее, и все напрасно. Годами выдерживала она осаду... А вот перед бурным натиском молодой революционной армии крепость впервые не устояла. Наступательный порыв был настолько высок, что ни водная преграда, ни высокие стены не смогли сдержать героев.

13 октября части 1-й дивизии Вампу бросились на штурм. Артиллерия, руководимая русским советником Гилевым, засыпала крепость снарядами. Мощными ударами ей удалось к концу дня разрушить Северные ворота, но противник выставил против ворот два станковых пулемета и преградил путь. Непосредственно у крепостных стен было обнаружено еще одно препятствие в виде забитых в землю заостренных бамбуковых колышков и гвоздей, пропитанных ядом. Но и это не смогло остановить штурм. На следующий день он возобновился с новой силой. Под вечер 4-й полк, сбив пулеметы, ворвался через Северные ворота в крепость. Вскоре она полностью сдалась. Национально-революционная армия двинулась вперед.

К концу 1925 года вся территория провинции Гуандун была объединена под властью Национального правительства.

Создание Гуандунской революционной базы было завершено. Авторитет и политическое влияние Национально-революционного правительства возросли настолько, что его власть добровольно признали губернаторы соседних провинций — Гуанси и Гуйчжоу.

Войска этих провинций были переформированы и включены в состав НРА.

Но это было только начало. Части Национально-революционной армии усиленно готовились к новому большому походу на север с целью ликвидации милитаристов и объединения страны. Коммунистическая партия Китая, стремившаяся по мере расширения территории поднять на борьбу многомиллионные массы трудящихся, полностью поддержала Северный поход. По ее призыву народные массы активно выступили на помощь революционным войскам. Тысячи гуандунцев вместе с частями НРА вышли в поход в качестве носильщиков, грузчиков, проводников. Рабочие, студенты и крестьяне создавали специальные отряды по уходу за ранеными, по ремонту дорог, организовывали сбор подарков для бойцов.

К началу Северного похода НРА имела семь корпусов, насчитывавших около 100 тысяч человек.

Силы противника, возглавляемые генералами У Пэй-фу и Сунь Чуань-фаном, в два с лишним раза превосходили численность войска НРА. Они имели 270 тысяч солдат и значительно лучшее вооружение, полученное от иностранных империалистов.

Уступая в численности и вооружении противнику, Национально-революционная армия превосходила его своей политической сознательностью и высоким моральным состоянием. Это превосходство было доказано во время Северной экспедиции.

Северный поход проводился в соответствии со стратегическим планом, в разработке которого активное участие приняли советские военные советники во главе с В. К. Блюхером. Планом предусматривалось в первую очередь разгромить генерала У Пэй-фу и освободить провинции Хунань и Хубэй.

Выполнив эту задачу, войска перебрасывались на восток для разгрома другого милитариста — Сунь Чуань-фана и освобождения провинций Цзянси, Фудзянь, Аньхой, Цзянсу, Чжецзян.

И, наконец, необходимо было двинуться на север, вдоль железных дорог Пекин — Ханькоу и Тяньцзинь — Пукоу, объединиться с Северной армией гоминдана, общими усилиями разгромить других

милитаристов, освободить Пекин и тем самым одержать полную победу в революции.

Это был смелый и единственно правильный в тех условиях план. Он давал возможность разбить противника поодиночке, небольшими силами. План был принят, и 9 июля 1926 года НРА приступила к его выполнению.

Вместе с войсками в поход отправился В. К. Блюхер с военными советниками. Они передавали китайским товарищам по оружию свой боевой опыт, разделяя с ними все трудности фронтовой жизни.

В авангарде шел Отдельный коммунистический полк. Основное ядро его составляли коммунисты. Выйдя из провинции Гуандун, НРА двинулась на север. Условия движения были весьма тяжелыми. Дорога, по которой двигались войска, была шириной в один метр, а местами и того уже. Невыносимая жара и упорное сопротивление неприятеля еще больше утомляли солдат.

«Движение войск происходило,— писал старший советник по артиллерии Бородин,— в самый жаркий период времени года с температурой, доходившей до 120° по Фаренгейту, усугубленное бездорожьем северной части провинции Гуандун и южной части провинции Хунань. Кроме того, в указанных провинциях свирепствовала повальная холерная эпидемия. В результате указанных трех неблагоприятных для кантонских войск факторов некоторые корпуса потеряли до 50% личного состава, как, например, 6, 2, 3 корпуса, и меньше — 4-й корпус. (Из русских товарищей болел холерой советник снабжения т. Лодзинский, а его переводчик т. Яновский умер.)

Все это безусловно не могло не сказаться на боеспособности кантонских войск» [1].

Первым крупным успехом НРА была победа в боях под городом Лилином. Вслед за тем была занята Чанша — центр провинции Хунань. Чем дальше продвигалась армия на север, тем ожесточеннее становились бои. Каждый километр приходилось брать с бою. 19 августа началось сражение на реке Мишуй,

---

[1] «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 108.

в районе сильно укрепленного города Пинцзян. Смелым маневром Отдельного коммунистического полка при активной помощи партизан целая бригада противника была разбита. Части НРА сразу же рванулись вперед. По горным тропинкам, без связи шли вперед бойцы Национально-революционной армии, не давая неприятелю остановиться.

Уже в первых сражениях благотворно сказалась активная поддержка широких народных масс.

Освободив провинцию Хунань — китайскую житницу, войска НРА стремительно двинулись к одному из крупнейших центров Китая — Уханю (условное название трех рядом расположенных крупных городов: Ханькоу, Ханьяна и Учана). Ухань — экономический и политический центр бассейна реки Янцзы, связывающей девять провинций.

Стремясь во что бы то ни стало удержать этот важный центр торговли и коммуникаций, У Пэй-фу сосредоточил свои главные силы на выгодной позиции у станции Ден Си-чао. 23 часа длился ожесточенный бой.

«Части НРА несколько раз бросались в штыки и штыками же отбивались,— писал в своем дневнике советник 4-го корпуса В. Е. Горев (Никитин).— Утром 27 августа собрали все свои резервы и вновь атаковали, чем и сломили противника, который начал быстро отступать. Этой победой были разрушены все китайские представления, по которым позиция у Ден Си-чао считалась неприступной. Когда узнали, с кем дрались, то даже страшно стало. Оказалось, что против 6 полков НРА дрались 12 полков врага. Зато результат был большой. Половина сил врага была уничтожена». Свыше 5000 человек было взято в плен.

Участь Уханя решилась в сражении 30 августа между озерами Лянцзи и Хуантин. Три линии окопов с проволочными заграждениями соорудил здесь противник под руководством японских инструкторов. У Пэй-фу лично командовал войсками. Чтобы избежать излишних потерь, В. К. Блюхер рекомендовал прорвать оборону внезапной ночной атакой. Восемь часов кипел ожесточенный бой. Неприятель предпринял четыре штыковые контратаки, но все они были отбиты с большими для него потерями. Усили-

вая натиск, войска НРА к утру прорвали все укрепления и освободили города Ханьян и Ханькоу.

Остатки войск противника засели за крепостными стенами. Сорок дней продержался осажденный Учан.

Во время наступления советские летчики Сергеев и Кравцов с высоты 50 метров бомбили и обстреливали гарнизон противника, стесняя его маневренность.

Одновременно кантонцы бросились на штурм. Не щадя своей жизни, они один за другим взбирались по легким бамбуковым лестницам на крепостную стену. Противник поливал их пулеметным огнем, по древнему обычаю обливал атакующих горящей смолой и сбрасывал груды камней.

Несмотря на большие потери, Национально-революционная армия мужественно продолжала штурмовать неприступный Учан. Противник не выдержал бурного натиска и капитулировал. 10 октября Учан был взят. Окрыленные этой победой, кантонцы усилили свои удары по неприятелю. Генерал У Пэй-фу спешно приехал на фронт, пытаясь остановить бегущую лавину своих войск. Но было уже поздно. Совершенно разбитые и деморализованные, они бросали все вооружение и разбегались. Еще одна провинция — Хубэй — была освобождена.

С одним противником было покончено.

Теперь задача Национально-революционной армии состояла в том, чтобы успешно провести операцию против Сунь Чуань-фана. Противник с помощью англо-американских империалистов хорошо вооружился и дважды отразил наступления, предпринятые НРА под личным командованием Чан Кай-ши. Эти неудачи выявили полную бездарность Чан Кайши как главнокомандующего. Третья операция была проведена по плану, разработанному главным военным советником.

«План Цзянсийской операции, прекрасно разработанный Галиным, был полностью принят,— писал советник 6-го корпуса Н. И. Кончиц.— Приказ о наступлении, составленный им с подробными указаниями задач каждому корпусу, предусматривавший даже возможные варианты действий противника, был пе-

реведен на китайский язык и подписан главнокомандующим».

В этом плане Блюхер предусмотрел все до мелочей, чтобы успешно провести операцию: снабжение продовольствием, боеприпасами, теплым обмундированием, подготовку лазаретов, организацию телефонной и радиосвязи.

Особое внимание обращал главный советник на взаимодействие частей. Он настаивал на том, что в случае перехода противника в наступление на одном из направлений войска НРА на других направлениях должны немедленно контратаковать его.

В ходе сражения Василий Константинович предлагал «избегать направления больших сил в лоб укрепленных позиций противника, а искать решения в обходе их и фланговых ударах».

Большое значение в осуществлении этого плана Блюхер придавал политической работе в войсках. Он рекомендовал развернуть широкую работу по разъяснению задач Северной экспедиции, ее значения для национальной революции и завоевания независимости страны.

В конце октября Национально-революционная армия начала осуществлять второй этап Северного похода.

Войска Сунь Чуань-фана оказывали упорное сопротивление. Солдаты НРА, имея ограниченное количество боеприпасов, действовали больше штыком, чем огнем.

«Войска Сунь Чуань-фана,— доносил Блюхер,— дерутся отлично. Они отличаются от нас внешним видом, рослостью, хорошо снабжены, имеют много пулеметов и орудий. Несмотря на огромное техническое и численное превосходство, наша южная мелкота ведет себя в бою выше всяких похвал. Лишь 17-я дивизия плохо выдерживает до сих пор ураганный огонь противника. Победу покупаем исключительно упорством, штыком и ночными атаками».

Несмотря на необычайные трудности, третья Цзянсийская операция завершилась полным разгромом противника.

30 октября в районе Унина была целиком уничтожена 4-я дивизия неприятеля, а через два дня

в ожесточенных боях у Сан Шоу-чуна ему было нанесено еще одно поражение. Оставив на поле боя тысячу убитых, большое количество пленных и трофеев, противник бежал за линию железной дороги.

8 ноября был освобожден город Наньчан.

Преследуя и громя войска Сунь Чуань-фана, Национально-революционная армия смелым маневром прижала их к озеру и окружила. Через несколько дней под мощным ударом НРА они сложили оружие и капитулировали. 15 ноября Василий Константинович писал:

«Армиям Сунь Чуань-фана и собственно цзянсийским войскам окончательное поражение нанесено 5 ноября. Отброшенные на озеро с железной дороги, окруженные с юга и севера остатки войск разоружены 9-го. Взято около 40 000 винтовок, несколько десятков орудий и много пулеметов. Большое число оружия брошено противником в реки... Район Цзюцзяна и Наньчана запружен пленными, число коих превышает 40 тысяч».

Освободив провинцию Цзянси, войска НРА вступили в провинцию Аньхуэй и к концу ноября 1926 года овладели ее главным городом — Аньцином. Противник не выдерживал мощных ударов революционной армии и отступал к Шанхаю и Нанкину.

21 марта 1927 года в Шанхае произошло восстание, а на следующий день в город вступили части НРА.

24 марта был взят Нанкин. Это была огромная победа революционных сил Китая. С большой радостью встретили ее трудящиеся всего мира. В Советском Союзе в связи с этим вышел специальный совместный экстренный выпуск газет «Правда» и «Известия». На заводах и фабриках проходили многолюдные митинги, на которых принимались приветственные адреса. Московский губернский совет профсоюзов писал рабочим Шанхая: «С напряженным вниманием пролетариат Красной столицы день за днем следил и следит за вашей героической борьбой. Мы всегда были с вами, как в дни поражений, так и в дни ваших радостных побед. С великой радостью и гордостью мы встретили весть о вашей победе... Московский пролетариат уверен, что вы доведете до

конца свое историческое дело, и со своей стороны обещает, что в вашей борьбе всегда будет с вами»[1].

В результате Северного похода были разгромлены милитаристы, хозяйничавшие в Центральном и Южном Китае. В пять раз расширилась территория Национального правительства, а население освобожденных районов возросло до 150 миллионов человек. Выросла и закалилась Коммунистическая партия, значительно расширилась социальная база революции.

Свою посильную долю в победу внесли военные советники, представители Страны Советов, и прежде всего В. К. Блюхер. Американский журналист Роберт Гульд писал, что «Галин сыграл главную роль в руководстве той военной лавиной, которая прокатилась от Кантона на север. Галину на вид даже меньше, чем его тридцать восемь лет. Он быстр, атлетически сложен, силен, а руки словно у боксера».

Большую помощь китайским войскам оказали во время их наступления советские летчики. Совершая многочисленные разведывательные полеты, летчик Сергеев добывал ценные сведения о дислокации войск противника и тут же обстреливал его и бомбил. Появление Сергеева в воздухе вызывало у противника страшную панику. Однажды он атаковал бронепоезд и через 15 минут заставил его уйти с фронта, вследствие чего был оголен важный боевой участок.

Большой любовью отвечали простые люди Китая на дружбу и помощь русских товарищей. Нельзя без волнения читать документы об огромном внимании китайского народа к посланцам Советского Союза.

«Наиболее популярен в занятых провинциях, в особенности в тех местах, где были боевые действия, Галин,— писал советник А. Хмелев.— Галину буквально нельзя никуда выйти на улицу без того, чтобы его движение по улице не сопровождалось бурно выражаемыми овациями населения. Например, при въезде Галина в Наньчан, только вступила его лошадь, на которой он ехал верхом, в черту города, как до самого штаба население с беспрерывными

[1] «Правда», 24 марта 1927 г.

аплодисментами выкрикивало приветственные слова — и как будто бы для приветствия его собралось все население города.

Для китайского населения имя Галина стало нарицательным. Теперь уже всех русских советников зовут Галиными» [1].

Газета «Цзефанжибао», говоря о поддержке, оказываемой Советским Союзом Китаю в годы первой гражданской революционной войны, писала 17 октября 1949 года: «Нужно помнить, что в то время революционный Китай был блокирован и окружен империалистами... Только наш великий союзник — Советский Союз оказывал помощь китайской революции. Благодаря прямой помощи СССР быстро была заложена основа победы китайской революции».

Размах революционного движения в Китае вызвал переполох в лагере империалистов. 24 марта 1927 года их военный флот подверг ожесточенной бомбардировке Нанкин. В Шанхае было сконцентрировано 20 тысяч иностранных солдат. Началась открытая война империалистов против китайского народа. Одновременно они стремились взорвать единый революционный фронт изнутри. Начали переговоры с Чан Кай-ши. Ему была обещана сумма в 60 миллионов юаней. Нажим международной реакции и боязнь дальнейшего роста революционного движения привели к тому, что Чан Кай-ши изменил национально-освободительной борьбе. 12 апреля 1927 года он произвел контрреволюционный переворот. Сотрудничество его с Компартией было разорвано. Начались массовые аресты и казни революционных рабочих и коммунистов.

В этих условиях наши военные советники вынуждены были покинуть Китай и вернуться на родину.

Советское правительство высоко оценило военно-дипломатическую деятельность В. К. Блюхера в Китае, наградив его четвертым орденом Красного Знамени.

---

[1] «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 125.

Командующий ОКДВА

Стоим на страже
Всегда, всегда,
Но если скажет
Страна труда:

«Винтовку в руки!
В карьер! В упор!»
Товарищ Блюхер,
Даешь отпор!

В 1929 году на Дальнем Востоке возник военный конфликт. Китайские милитаристы, грубо нарушив заключенное в 1924 году советско-китайское соглашение о совместном управлении Китайско-Восточной железной дорогой, захватили 10 июля телеграф на всей линии и стали чинить насилия над работавшими там советскими гражданами. Вместе с китайскими милитаристами активно действовали русские белогвардейцы. Захватчики разгромили профессиональные и кооперативные организации рабочих дороги.

Китайские реакционные генералы явно взяли курс на развязывание войны против СССР. Враг подтягивал к советским дальневосточным границам от Забайкалья до Владивостока крупные силы и совершал непрерывные налеты на наши пограничные заставы и населенные пункты.

Захват КВЖД и издевательства над советскими гражданами вызвали в СССР бурю возмущения. Повсеместно состоялись массовые митинги и демонстрации протеста. Рабочие и крестьяне, бывшие красноармейцы и партизаны заявляли, что они считают себя мобилизованными, и требовали решительных действий.

Китайские реакционеры, поощряемые империалистическими державами, продолжали бесчинствовать.

Они отклоняли все предложения нашего правительства разрешить конфликт мирным путем.

Советское правительство вынуждено было принять соответствующие меры к самообороне. Эта почетная задача была возложена на Особую Дальневосточную армию. 6 августа 1929 года был издан приказ Революционного Военного Совета СССР о ее создании. В приказе говорилось:

«1. Объединить все вооруженные силы, ныне расположенные на территории Дальнего Востока, в армию, присвоив ей наименование «Особая Дальневосточная армия».

2. Командующим Особой Дальневосточной армией назначить товарища Блюхера.

3. Товарищу Блюхеру немедленно вступить в исполнение своих обязанностей».

После возвращения из Китая Василий Константинович был назначен заместителем командующего войсками Украинского военного округа. Больше года работал он на этом посту, активно участвуя в строительстве Советских Вооруженных Сил, добиваясь повышения обороноспособности СССР. Теперь партия и правительство поручили Блюхеру новое ответственное задание: обеспечить безопасность дальневосточных границ страны.

Являясь передовым отрядом Красной Армии на далеких берегах Тихого океана, Особая Дальневосточная должна была защищать мирную жизнь советского народа и обеспечить возможность дальнейшего социалистического строительства.

Неразрывная связь с народом и мощная поддержка ее трудящимися СССР являлись залогом успешного выполнения поставленной задачи.

И вот Блюхер опять в знакомых местах, там, где уже гремела его слава. Весть о назначении Василия Константиновича командующим ОДВА быстро облетела Дальний Восток. Имя его было здесь хорошо известно: под его командованием дальневосточники громили белогвардейцев семь лет назад.

«Среди бойцов и командиров частей армии,— писал он в одном из своих первых приказов,— есть немало тех, кто участвовал вместе со мной в жесточайших и победоносных боях против царского адми-

рала Колчака и империалистических интервентов. Посылая им боевой привет, призываю к передаче молодым бойцам лучших боевых традиций, беззаветной преданности делу рабочего класса и непоколебимой стойкости».

Возвращение В. К. Блюхера на Дальний Восток широко комментировалось в иностранной печати. Так, упоминаемый нами уже американский корреспондент Роберт Гульд писал:

«Сообщается, что новая Московская Дальневосточная армия возглавляется генералом Галиным, известным также под именем Блюхер... Можно смело сказать, что Галин сумеет употребить еще раз моральный аргумент».

Английский журнал «Китайское обозрение» посвятил передовую статью под заглавием: «Галин возвращается на Дальний Восток». В этой статье говорилось:

«Одним из наиболее резких контрастов в настоящем китайско-русском конфликте является возвращение на Дальний Восток генерала Блюхера, известного в Китае под именем Галина.

Прибытие Галина создает положение, которое может быть небывалым (единственным) в истории. В случае войны Россия будет иметь командующим ее военными силами, действующими против Китая, человека, бывшего руководящей фигурой (лицом) в армии оппозиционного государства и с более безукоризненным, из первоисточников, знанием о силах противника. Проведя более десяти лет на Дальнем Востоке, Галин хорошо знает Дальний Восток и Китай. Без сомнения, принятие командования вооруженными силами России на Дальнем Востоке Блюхером создает новую обстановку в русско-китайском конфликте» [1].

Шли дни. Китайские милитаристы все больше усиливали свои провокации. В ночь на 18 августа полк беломаньчжур перешел границу в районе города Никольск-Уссурийского и пытался уничтожить нашу пограничную заставу. Провокаторы ежедневно

---

[1] Газета «Тревога» — орган политуправления Особой Дальневосточной армии, № 7, 15 сентября 1929 г.

обстреливали советских пограничников и рыбаков, а с 1 сентября стали систематически перебрасывать через границу диверсионные банды. 10 октября на Амуре появились плавучие мины, выпущенные белокитайцами из устья реки Сунгари. Благодаря бдительности советских моряков мины были своевременно замечены и обезврежены. «Все эти враждебные действия противной стороны,— писал В. К. Блюхер в своем приказе войскам Особой армии,— нельзя рассматривать иначе как сознательную провокацию. По-видимому, они замышляют нечто большее, чем творимое на КВЖД и налеты на границу. Ставя об этом в известность войска армии, я призываю всех к величайшей бдительности. Еще раз заявляю, что наше правительство и в данном конфликте придерживается неизменной политики мира и принимает все зависящие от него меры к разрешению его мирным путем.

На провокацию необходимо отвечать нашей выдержкой и спокойствием, допуская впредь, как и раньше, применение оружия исключительно только в целях собственной самообороны от налетчиков» [1].

Однако провокации не прекращались, и Особая армия вынуждена была начать активные боевые действия, чтобы обуздать китайских милитаристов и восстановить нормальное положение на КВЖД и советско-китайской границе.

12 октября группа войск Особой Дальневосточной армии в составе Амурской военной флотилии и 2-й Приамурской стрелковой дивизии получила приказ командарма нанести по врагу ответный удар: уничтожить его Сунгарийскую флотилию и разрушить укрепления в городе Лахасусу. Командовать группой Блюхер поручил начальнику штаба армии А. Я. Лапину.

Рано утром советские корабли с десантом пехоты под прикрытием артиллерийского огня Амурской речной флотилии стремительно двинулись в атаку. С воздуха их активно поддерживала бомбардировочная авиация. Они обрушили шквальный огонь на китайскую флотилию и береговые укрепления. Кано-

---

[1] «Тревога» № 2, 10 сентября 1929 г.

нерские лодки «Красный Восток» и «Бурят» поливали вражеские окопы из пулеметов. Внезапный и мощный удар деморализовал противника. Десантники быстро занимали укрепленные позиции и населенные пункты белокитайцев.

В середине дня Лахасусу был окружен и взят. Остатки разгромленных частей противника во главе с адмиралом Шеном бежали в Фугдин. Когда пленных спросили, какое впечатление произвела на них трехчасовая бомбардировка с кораблей и с воздуха, то они в один голос заявили, что им казалось, будто земля перевертывается. В тот же день советские войска возвратились обратно на свою территорию.

Однако этот удар не привел в чувство зарвавшихся китайских милитаристов. Они продолжали обстреливать пограничные села Советской страны и нападать на наши заставы.

Перед войсками Особой Дальневосточной командарм поставил новую задачу: разгромить гарнизоны противника, расположенные по берегу реки Сунгари от Лахасусу до Фугдина включительно, и уничтожить остатки Сунгарийской флотилии в районе города Фугдина. В своем приказе Блюхер выразил твердую уверенность в том, «что все участники операции возложенное на них почетное оперативное задание выполнят с той же энергией и умением, быстротой и преданностью Республике Советов, как это имело место 12 октября под г. Лахасусу» [1].

На рассвете 30 октября Амурская флотилия в полном составе с десантом пехоты 2-й Приамурской стрелковой дивизии при поддержке авиации выступила в семидесятикилометровый поход по Сунгари. Условия похода были тяжелые. Уже появились льдины. Река обмелела. Кроме того, советские моряки слабо знали фарватер Сунгари. И тем не менее корабли успешно продвигались вперед.

В 12 километрах от Фугдина амурцы наткнулись на препятствие: противник затопил шесть барж, подбитую канонерку и железные козлы. На совещании у командующего флотилией Озолиня было принято решение во что бы то ни стало преодолеть преграду

[1] ЦГАСА, ф. 33879, оп. 1, д. 24, л. 129.

и ворваться на рейд Фугдина. Шесть часов подряд работали мужественные моряки в ледяной воде: привязывали к затопленным неприятельским баржам тяжелые тросы и отводили их в стороны.

Наконец в образовавшиеся ворота флотилия проскочила к Фугдину. Береговые батареи и корабли белокитайцев открыли ураганный огонь. На помощь прилетели советские летчики. Они обрушили свой удар прежде всего по огневым точкам врага, подавили их, а затем один за другим стали топить его корабли. Через несколько часов вся Сунгарийская флотилия неприятеля была уничтожена.

— Был флот надводный, стал подводный,— шутили наши бойцы.

Одновременно Амурская флотилия ворвалась в порт. Десантники быстро покинули корабли и повели энергичное наступление. Белокитайцы не выдержали их натиска и стали в беспорядке отходить. К вечеру 31 октября Фугдин был полностью занят советскими войсками.

Население города радостно встретило красных бойцов. Утром в штаб командира 2-й Приамурской дивизии И. Онуфриева явилась делегация китайских рабочих с просьбой разрешить им разделить запасы муки бежавших купцов и помещиков.

— Мука ваша, забирайте ее,— не задумываясь, сказал комдив.— Нам она не нужна.

Весть о том, что «большой капитан» разрешил разобрать муку, с быстротой молнии разнеслась по рабочим кварталам и окружающим деревням. Через несколько часов вместительные склады были пусты.

Выполнив поставленную задачу, флотилия отправилась в обратный путь. Когда она снималась с якоря, тысячи китайцев провожали советских воинов как своих друзей. 2 ноября корабли, преодолев почти сплошные льды, прибыли в Хабаровск.

В тот же день командующий Амурской флотилией Озолинь доложил Блюхеру, что в результате операции «разгромлено осиное гнездо приамурской контрреволюции, уничтожены береговые укрепления противника, полностью разбита и потоплена Сунгарийская флотилия. За период Сунгарийской опера-

ции принято в партию 80 человек. Флотилия готова к обороне».

Отмечая исключительные заслуги амурцев в борьбе с белокитайской контрреволюцией, Советское правительство наградило флотилию орденом Красного Знамени.

Смелые и решительные действия Особой Дальневосточной армии по разгрому вражеских опорных пунктов получили горячую поддержку всего нашего народа и трудящихся зарубежных стран. Командование Особой получало ежедневно сотни телеграмм, в которых советские люди просили зачислить их добровольцами в ряды ОДВА.

«Прошу отозвать в ряды Особой сейчас же,— писала комсомолка из Новоград-Волынского Клара Бора.— Буду с гордостью выполнять возложенные на меня обязанности».

«Василий Константинович,— читаем в другом письме.— Решаюсь потревожить тебя и написать о своей личной жизни. Когда ты работал в гранатной мастерской, ты жил у Максимовых. Наверное, помнишь двух мальчуганов, бегавших к вам в комнату и в один из вечеров заряжавших вместе с вами деревянными пулями обтянутый серебряной бумагой деревянный револьвер. И вот один из них, младший мальчуган Сергей, обращается теперь к тебе с просьбой: возьми меня добровольцем в армию под свое командование.

У тебя, наверное, возникнет вопрос, что побудило меня обратиться с подобной просьбой? Скажу — желание принести больше пользы, быть в рядах защитников мирного труда. Мне теперь 27 лет. Я член партии. Жду с нетерпением ответа».

Комсомольские организации формировали из добровольцев целые батальоны.

В середине октября трудящиеся Москвы направили на Дальний Восток автогрузовую роту. В ее состав входила группа добровольцев с завода «АМО» (ныне автозавод имени И. А. Лихачева). В приказе по роте №7 говорится:

«Поступивших на пополнение роты рабочих завода «АМО» зачислить на все виды довольствия с 15 октября 1929 года».

...Однажды на завод приехал М. М. Литвинов и сделал доклад о положении на КВЖД. После доклада объявили запись добровольцев. Сборы были короткие. Прямо из Ленинской слободы поехали амовцы в ОДВА.

Много писем присылали и китайские рабочие, проживавшие в СССР.

Вот одно из них.

«Товарищ Блюхер!

У меня к тебе такая просьба: на кирпичном заводе недавно был митинг, я выступил там с предложением создать добровольческий отряд из китайской рабочей молодежи. Рабочие поддержали меня. Они говорили, что пойдут в этот отряд и будут хорошо драться за Советский Союз, за Ленина, против генералов — своих смертельных врагов. Я знаю, что вся китайская трудящаяся молодежь, ее передовики-комсомольцы только и мечтают о Красной Армии. Собери нас в один отряд и приготовь нас к бою.

Ван Ижан-сюй».

Но брать всех добровольцев не было необходимости.

«Мы получаем целые потоки писем от добровольцев,— говорил В. К. Блюхер,— и если их всех взять, то Особая стала бы в пять раз больше, чем теперь. В этом нет никакой надобности. Хотя Особая и немногочисленна по сравнению с белокитайской армией, но она достаточно крепка для защиты советских границ».

В эти дни ОДВА получила тысячи приветствий от различных съездов, конференций, собраний трудящихся.

В начале ноября к Блюхеру прибыла делегация трудящихся Приморья. Она передала просьбу рабочих фабрик и заводов и жителей пограничных деревень оградить их мирный труд от посягательств врага. Бывшие красные партизаны, требуя вооружить их, в своей резолюции заявляли: «Даешь партизанские полки и испытанных в боях партизанских командиров для последнего расчета с белобандитами!»

Долго разговаривал командарм с делегатами. Они расспрашивали о настроении бойцов, интересовались,

не нужна ли им помощь. В заключение беседы Василий Константинович сказал: «Передайте рабочим Владивостока, что Особая армия выполняет свои задачи по охране границ очень неплохо. На бесчисленные налеты отвечает китайским генералам и белогвардейцам крепким и сокрушительным ударом. Рабочий класс может не беспокоиться. Винтовка находится в верных руках. Особая не подведет» [1].

Китайские милитаристы продолжали по-прежнему концентрировать на границе войска и усиливали налеты на нашу территорию. 30 октября командующий Забайкальской группой войск ОДВА, легендарный герой гражданской войны, кавалер четырех орденов Красного Знамени С. С. Вострецов в своем докладе В. К. Блюхеру писал: «...обстрел станицы Олочинской ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем продолжается восьмой день. Задерживается обмолот хлеба, срываются хлебозаготовки и вывоз к пристани 10 тыс. пудов зерна. Китайские белобандиты обстреливают население и скот. Население просит помощи. В случае отказа — готовится к самостоятельной расправе с белыми. Прошу указаний» [2].

В. К. Блюхер приказал С. С. Вострецову не оставлять без внимания ни одну провокацию противника, держать войска в состоянии полной боевой готовности и ответным артиллерийским огнем подавлять его огневые точки.

В середине ноября противник выставил против советских войск две армии: одну в Приморье, в районе города Мишань-фу, вторую в Забайкалье и срочно формировал третью.

В Мишань-фу прибыла 1-я Мукденская кавдивизия, пехотные части и отряд русских белогвардейцев. Перебежчики сообщили, что белокитайцы готовят нападение с целью перерезать железную дорогу Хабаровск — Владивосток в районе станции Иман.

В то же время противник намеревался ударом главных сил из района городов Маньчжурия — Чжалайнор прорваться к Байкалу, взорвать железнодорожные туннели и отрезать Дальний Восток от остальной территории СССР.

---

[1] «Тревога» № 50, 5 ноября 1929 г.

[2] ЦГАСА, ф. 34018, оп. 1, д. 2, л. 72.

В сообщении ТАСС говорилось, что «15 ноября китайские войска в районе разъезда № 86 силою около батальона пытались перейти в наступление. Наступление было отбито огнем наших пограничников. В ночь с 16 на 17 ноября китайские войска значительными силами при поддержке артиллерии перешли в наступление на станицу Абагайтуевскую и разъезд № 86...

Одновременно с этим в Приморье участились случаи налета на нашу территорию белогвардейских банд из района Мишань-фу (в 25 *км* северо-западнее Турьего Рога), являющегося местом белогвардейских формирований для действий в нашем тылу...

Учитывая создавшуюся на Дальнем Востоке обстановку, командование Особой Дальневосточной армии принуждено было принять со своей стороны контрмеры по защите наших границ и для обеспечения охраны пограничного населения и нашего тыла...» [1]

Было решено стремительным наступлением разгромить базы противника на его территории и тем самым упредить удар врага.

Руководство Мишаньфуской операцией Василий Константинович поручил своему начальнику штаба А. Я. Лапину, а сам с членом РВС Н. Е. Доненко выехал в Забайкалье, где ожидались наиболее крупные бои.

Рано утром 17 ноября части 1-й Тихоокеанской дивизии и 9-й отдельной кавбригады двинулись к городу Мишань-фу, расположенному на расстоянии 40 километров от границы. Кавбригада под командованием Д. А. Вайнерха вырвалась вперед и при активной поддержке авиации успешно продвигалась к цели. К концу дня она вышла в глубокий тыл неприятеля и отрезала ему пути отступления из Мишань-фу. Подоспевшие части 1-й Тихоокеанской дивизии завершили разгром противника. Только одними убитыми враг потерял около 1500 человек. Были захвачены в плен сотни солдат, штабы 1-й Мукденской кавалерийской дивизии, 1-й стрелковой

---

[1] «Известия» № 273, 23 ноября 1929 г.

бригады и других частей, семь полковых знамен и огромное количество оружия.

«Преодолев большое расстояние и неоднократные бои,— доносил Лапин командарму,— наши войска выбросили противника из основного гнезда — Мишань-фу с большими для него потерями. Возложенная на нас задача блестяще выполнена. В столкновениях наблюдалась исключительная доблесть всех бойцов и командиров; члены нашей партийной и комсомольской организаций бесстрашно бросались вперед в опасные места» [1].

В бою под Мишань-фу погиб помощник начальника штаба 87-го кавполка Иван Чеботарь. Вражеская пуля пробила его партийный билет и попала в сердце. Секретарь партбюро полка в левом верхнем углу партбилета, чуть выше пулевого отверстия написал: «Убит 17 ноября 1929 года в бою под Мишань-фу».

В тот же день десятки бойцов подали заявления с просьбой принять их в ряды Коммунистической партии.

Мишаньфуская операция проходила в быстром темпе и была завершена в один день.

Одновременно командующий Особой Дальневосточной армией приказал войскам Забайкальской группы перейти в решительное «наступление, разбить живую силу и захватить материальную часть гарнизонов Чжалайнор и Маньчжурия».

Основной удар наносился по чжалайнорской группировке противника с последующей ликвидацией его в районе города Маньчжурия. 5-я Кубанская кавалерийская бригада К. К. Рокоссовского (ныне Маршал Советского Союза) с двумя батареями дивизионной артиллерии выбрасывалась в обход города Чжалайнор. «С кавбригадой,— приказал В. К. Блюхер,— направить около двух батальонов пехоты с артиллерией с задачей по выходе в район железной дороги прикрыть операцию со стороны станции Цаган. На время операции под Чжалайнором одним батальоном 63-го полка с артиллерией и бронепоездами сковать район г. Маньчжурия, осталь-

---

[1] ЦГАСА, ф. 33879, оп. 1, д. 1, л. 127.

ные подразделения 63-го полка, усиленные артиллерией, обходом с юго-запада отрезают пути отхода Маньчжурской группы в южном направлении» [1].

— Вся операция,— наказывал командарм,— должна привести к полному пленению живой силы и захвату материальной части противника при малых жертвах с нашей стороны.

На фронте Забайкальской группы белокитайцы имели тройное превосходство в силах и мощные укрепления.

В районе города Маньчжурия, доносил С. С. Вострецов, «оборона кольцевая, хорошо развита. Впереди окопов искусственный ров, местами заложены фугасы. Отдельные участки и опорные пункты усилены проволочными заграждениями».

Такая же оборона была и в районе города Чжалайнор. Однако это не испугало Блюхера. Уверенный в стойкости своих частей, он решил разбить противника по частям.

17 ноября в 3 часа ночи 5-я Кубанская кавбригада вышла из станицы Абагайтуевской и двинулась по восточному берегу реки Аргунь в тыл чжалайнорской группировке. Она должна была перерезать в 10—12 километрах восточнее Чжалайнора железную дорогу и ударом с тыла разбить противника. Одновременно ей ставилась задача отрезать пути отступления неприятелю из города Маньчжурия.

В трудных условиях бригада перешла по скользкому льду широко разлившуюся реку Аргунь и стремительно двинулась на юг. Вслед за ней по западному берегу реки спешили бойцы 35-й стрелковой дивизии под командованием П. С. Иванова. В середине дня кавбригада успешно выполнила поставленную ей задачу. Она овладела железной дорогой и вышла в тыл чжалайнорскому гарнизону противника, отрезая ему пути отступления на юг. В течение всего дня белокитайцы ожесточенными контратаками пытались не допустить окружения Чжалайнора, но красные кавалеристы стойко отразили их и плотно блокировали город. Даже неприятель вынужден был отметить высокие боевые качества бригады

---

[1] ЦГАСА, ф. 34018, оп. 1, д. 2, л. 94.

К. К. Рокоссовского. В обзоре военных действий за день белокитайцы писали: красные «заняли наши позиции, расположенные южнее железной дороги, и нам пришлось отступить, так как противник храбро и быстро наступал, имея хорошее вооружение, большой запас снарядов, технических частей и хорошее настроение бойцов» [1].

На следующий день атака Чжалайнора возобновилась. «18 ноября в 9 час. 30 мин.,— доносил К. К. Рокоссовский,— части бригады совместно со 108-м полком перешли в наступление в общем направлении на город Чжалайнор. Наступление бригады было встречено сильным ружейно-пулеметным огнем. Около 11 час. сопротивление противника было сломлено, и последний начал отход. Для преследования был выброшен 73-й кавполк. В 11 час. 45 мин. бригада с боем заняла южную окраину поселка, где завязала уличный бой с противником» [2].

Преодолевая упорное сопротивление, советские войска пулеметным огнем и гранатами очищали улицу за улицей и к концу дня полностью заняли город.

Тем временем другие части Особой четвертые сутки вели при 25-градусном морозе ожесточенные бои в районе города Маньчжурия. Они шли на укрепленные позиции, на бетонированные блиндажи. Шли с обмороженными лицами и с потрескавшимися, обветренными губами, горя одним желанием — как можно скорее разбить врага. Окруженному гарнизону города Маньчжурия предъявили ультиматум о безоговорочной капитуляции.

Однако противник решил обороняться. На помощь ему шли крупные подкрепления. Копию приказа командующий 11-й армией генерал Ху Юй-кай решил доставить на самолете осажденным, чтобы они продержались до подхода резервов. Но летчик сбросил вымпел с приказом... в расположение советских войск. В приказе говорилось: «1-й пехотной и 3-й кавалерийской бригадам и одному артиллерийскому дивизиону предписывается немедленно выступить в

---

[1] ЦГАСА, ф. 34018, оп. 1, д. 2, л. 135.
[2] ЦГАСА, ф. 33879, оп. 6, д. 2, л. 499.

сторону Цаган — Чжалайнор для укрепления и усиления наших войск»[1].

С утра 20 ноября неприятель предпринял несколько отчаянных попыток вырваться из маньчжурского котла. Одна из них была сделана на участке Отдельного бурят-монгольского национального кавдивизиона. Смело встретили бойцы атаку врага. Особенно активно действовала пулеметная тачанка Нимы Хаджанова. Он в упор разил наступающие цепи белокитайцев и обратил их в бегство.

Однако это был отвлекающий удар противника. Основные его силы пытались прорваться на юг. Вся артиллерия и бронепоезда Забайкальской группы были приведены в действие. Авиация непрерывно бомбила с воздуха. Отдельные прорвавшиеся группы неприятеля попали под удар острых клинков 5-й Кубанской бригады и были уничтожены.

«Атаками 73-го и 75-го полков и боем спешенных подразделений при поддержке артиллерии,— доносил комбриг К. К. Рокоссовский,— группа противника была уничтожена и лишь незначительная часть его ушла в глубь сопок»[2].

Оказавшись перед лицом неминуемого разгрома, гарнизон города Маньчжурия 20 ноября капитулировал. В тот же день В. К. Блюхер сообщил:

«Чжалайнор занят 18 ноября. Вторым ударом занят г. Маньчжурия 20 ноября. Бой за Чжалайнор длился двое суток. Противник, несмотря на превосходство нашей техники и полное окружение, оказывал небывалое по упорству сопротивление. Чжалайнор и Маньчжурия были противником настолько прочно укреплены, что полевая и гаубичная артиллерия не пробивала верхних перекрытий окопов и блиндажей. Несмотря на это, разгромлены полностью 15-я и 17-я смешанные бригады противника. В результате боев взято свыше 8 тысяч пленных и около тысячи раненых солдат. В числе пленных захвачен командующий Северо-Западным фронтом генерал Лян Чжу-цзян со своим штабом и около 250 офицеров. Противник потерял убитыми около полутора тысяч.

---

[1] ЦГАСА, ф. 33879, оп. 6, д. 2, л. 607.
[2] Там же, л. 500.

Нами взята почти вся имеющаяся артиллерия, два бронепоезда, большое число военного имущества, снаряжения, орудия и прочее.

Наши потери: убитых — 123 человека и 605 раненых. Наши войска дрались отлично, проявляя высокую доблесть и героизм. Настроение войск отличное.

От имени бойцов и начсостава Особой поздравляем с крупным успехом и высокой политической и военной доблестью, проявленной в этих тяжелых боях Рабоче-Крестьянской Красной Армией» [1].

Желая прекратить дальнейшее кровопролитие, В. К. Блюхер обратился к офицерам и солдатам 1-й пехотной и 3-й кавалерийской бригад противника с призывом сложить оружие. В своем воззвании он писал, что основные силы белокитайцев разгромлены, а остатки их во главе с командующим и его штабом сдались в плен, что Красная Армия защищает и впредь будет защищать права Советского государства.

В целях избежания лишних потерь, командарм предложил сдаться в плен, «как это сделал генерал Лян, сохранив жизнь всем офицерам и солдатам, находящимся ныне у нас живыми и в полной безопасности.

Условия: сложить и сдать все оружие... Красная Армия гарантирует жизнь и безопасность всем китайским офицерам и солдатам» [2].

Белокитайцы отвергли мирное предложение командующего Особой, и он отдал приказ продолжать наступление. 23 ноября войска Забайкальской группы нанесли еще одно поражение противнику и заняли станцию Цаган, а через четыре дня — город Хайлар.

Мощные удары Особой дальневосточной армии, руководимой В. К. Блюхером, привели к полному разгрому неприятеля и заставили китайских милитаристов подписать Хабаровский протокол, по которому на КВЖД восстанавливалось прежнее положение, существовавшее до конфликта.

В борьбе против белокитайцев личный состав частей ОДВА проявил высокие морально-политические

---

[1] ЦГАСА, ф. 33379, оп. 1, д. 7, л. 216—218.
[2] ЦГАСА, ф. 33879, оп. 1, д. 47, л. 61.

качества. Идя в бой, советские воины подавали заявления с просьбой принять их в ряды ВКП(б). За время боевых действий число коммунистов в армии удвоилось.

Особая Дальневосточная армия с честью оправдала доверие партии и народа. «Она,— отмечалось в приказе Реввоенсовета,— дала сокрушительный отпор китайским наемным войскам и белобандитам. Красноармейцы, командиры и политработники доблестно отстаивали политику Советского Союза, его права, защищали его границы. Когда им приходилось отбивать нападение, они сражались как достойные носители боевых традиций Красной Армии. Сочетая энтузиазм, мужество, героизм, беззаветную преданность делу пролетарской революции с выучкой последних лет, доблестно сражались все роды войск... Коммунисты и комсомольцы были впереди, во главе частей, показывая пример исполнения боевого долга перед пролетарской революцией» [1].

Храбро сражался бурят-монгольский кавалерийский дивизион. «Товарищи настолько хорошо дрались,— писал о воинах дивизиона член РВС ОДВА Доненко,— что им даже сделали замечание, что они в такой холод сбросили свои полушубки, чтобы действовать активней, хотя бурят-монгольские части никогда раньше не проходили военной подготовки».

Советское правительство высоко оценило доблестные действия Особой и наградило ее орденом Красного Знамени. С этого времени армия стала именоваться: Особая Краснознаменная Дальневосточная армия. Этой награды было также удостоено свыше 500 бойцов и командиров.

Отмечая самоотверженную работу Московской автогрузовой роты, командующий Забайкальской группой С. С. Вострецов писал, что весь личный состав ее «показал высокую политическую сознательность, хорошую подготовку и выдержанность, отлично выполнив все порученные задания.

Тяжелые климатические условия, подчас бездорожье, суровые холода не прерывали работу роты. Все переброски войск и грузов были выполнены без-

---

[1] ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 3228, л. 1.

отказно и в срок. Принимая непосредственное участие в боях против белокитайцев под Маньчжурией, Чжалайнором и Хайларом, личный состав роты показал большую твердость, высокое мужество и храбрость, свидетельством чему является награждение трех шоферов роты высшей революционной наградой — орденом Красного Знамени и 12-ти человек — ценными подарками от имени РВС Республики» [1].

В борьбе против белокитайцев вновь проявился военный талант Василия Константиновича. Его смелые и глубоко продуманные оперативные решения свидетельствовали о хорошем знании им обстановки, о полной уверенности в своих войсках и в успешном исходе каждой операции. Он строго контролировал решения командующих оперативных групп и побуждал их к смелым маневрам на окружение противника и нанесение ему главного удара с тыла. Образцом блестящей разработки является операция «Чжалайнор — Маньчжурия».

«В. К. Блюхер и член РВС Н. Е. Доненко,— писал командир 35-й дивизии П. С. Иванов,— непосредственно руководили решающими боями под Маньчжурией 17—20 ноября, находясь в наиболее ответственных местах развертывающегося боя и передовых линиях под огнем противника. Присутствие Реввоенсовета на передовых позициях, непосредственная живая связь его с бойцами в огромной мере усиливали боевой порыв частей и содействовали успеху боя».

Полководческая деятельность Василия Константиновича была достойно оценена Советским правительством. В своем ходатайстве в Президиум ЦИК Союза ССР Революционный Военный Совет СССР писал:

«Боевые успехи Особой Краснознаменной Дальневосточной армии в защите наших границ от белокитайских наймитов и международного империализма были достигнуты под выдающимся и искусным руководством командующего этой армией товарища Блюхера Василия Константиновича. Революционный Военный Совет Союза ССР ходатайствует о награждении Блюхера орденом «Красная Звезда»» [2].

[1] ЦГАСА, ф. 10895, оп. 1, д. 29, л. 40 об.
[2] ЦГАОР, ф. 3316, оп. 23, д. 362, л. 41.

Центральный Исполнительный Комитет СССР, рассмотрев 13 мая 1930 года указанное представление, единогласно решил наградить Василия Константиновича первым, только что утвержденным орденом Красной Звезды.

К этому времени В. К. Блюхер являлся уже первым в стране кавалером пяти орденов Красного Знамени.

Во время боевых действий на КВЖД бойцы Особой еще раз доказали, что Красная Армия является подлинно интернациональной армией. Едва смолкали выстрелы, как советские воины сразу становились друзьями пленных китайских солдат. Красные бойцы окружали их братской заботой, делились с ними хлебом, табаком, сахаром, помогали перевязывать раны, разъясняли обманутым империалистами солдатам, за что борется Красная Армия.

— Мы не имели ни одной жалобы на наших красноармейцев на плохое отношение их к населению,— говорил Блюхер на заседании РВС СССР.— Наоборот, в Маньчжурии были доказательства личной симпатии со стороны китайцев к Красной Армии, так как им было ясно, что она защищает мирное население.

Блюхер распорядился выдать рабочим копей Чжалайнора и Хайлара заработную плату из фонда маньчжурских банков и обеспечить их продовольствием, так как китайская администрация сбежала и они остались без средств к существованию.

За эту заботу китайцы сердечно благодарили Красную Армию.

«Красная Армия, заняв город своего противника,— говорится в докладе общественного комитета Хайлара,— не позволила обидеть ни одного гражданина, взяла на себя полную и действительную охрану города, раздала бедному населению города бесплатно месячный запас продовольствия и топлива, вместо бежавших городских врачей поставила своих врачей, устроила для бедного населения и раненых солдат китайской армии бесплатное лечение...

Комитет города от имени всего населения Хайлара выражает свой восторг перед мудрым руководством командного состава Красной Армии и их помощников, выражает свой восторг выдержке, дисциплини-

рованности и корректности всех красноармейцев. Комитет от имени всего населения благодарит Красную Армию и просит довести до сведения Правительства Великого Союза Советских Социалистических Республик о своей глубокой благодарности Красной Армии, которая не только спасла жизнь населению, но и позволила установить необходимый общественный порядок. Да будет известно всем врагам великого русского народа, всем врагам СССР, всем врагам Красной Армии, что никакие налеты в будущем не смогут изменить наше мнение и уничтожить в нас ту благодарность, которую мы чувствуем как к Красной Армии, так и ко всем вождям Союза».

Рабочие Чжалайнорских копей в знак благодарности преподнесли 5-й Кубанской кавбригаде К. К. Рокоссовского знамя и адрес, в котором писали:

«Красным кубанцам от рабочих Чжалайнорских копей.

Мы, рабочие Чжалайнорских копей в составе 400 человек, выражаем свою признательность частям Красной Армии за их хорошее, заботливое к нам отношение. За все время нахождения в Чжалайноре частей Красной Армии не было ни одного случая мародерства или грубого отношения к нам красноармейцев.

В знак своей признательности и благодарности преподносим вам — красным кубанцам — знамя и сей адрес».

Подобных проявлений искренних чувств было очень много. Трудящиеся Китая на деле еще раз убедились, что советский народ является их верным и надежным другом.

Граница на замке

Мчались танки, ветер поднимая,
И по сопкам лязгала броня,
И летели наземь самураи
Под напором стали и огня.

Выполнив задание, войска ОКДВА возвратились на свою территорию.

Перед ними стояли большие задачи: наряду с боевой учебой и охраной границ они должны были помочь трудящимся Дальнего Востока преобразить этот богатейший край, создать здесь мощную промышленность и развитое сельское хозяйство. Несмотря на огромные природные богатства, Дальний Восток был в экономическом отношении крайне отсталым районом. Достаточно сказать, что 95 процентов промышленных товаров и 60 процентов продовольствия завозилось из других областей.

Чтобы придать экономике Дальневосточного края большую самостоятельность и устойчивость, необходимо было ускоренно развивать его производительные силы. Советское правительство объявило Дальний Восток ударной стройкой.

Вскоре работа закипела: строились новые города и заводы, совхозы и колхозы, дороги и укрепленные районы.

Активное участие в социалистическом строительстве на Дальнем Востоке принял В. К. Блюхер. Он постоянно избирался членом бюро Дальневосточного крайкома и Дальневосточного крайисполкома. Большевики Дальнего Востока оказали ему большое доверие, послав делегатом на XVI и XVII съезды партии.

На XVI съезде В. К. Блюхеру была оказана высокая честь приветствовать делегатов от имени Красной Армии. Вместе с ним на сцену Большого театра вышла делегация ОКДВА со знаменем съезду от бойцов Особой армии. Зал разразился бурей оваций.

Несколько минут Василию Константиновичу не давали говорить. Вспоминая это волнующее событие, делегат съезда Н. С. Смирнова пишет:

«Четким, военным шагом поднимается на трибуну В. К. Блюхер. Подтянут. Чувствуется большая внутренняя сила. Он уверенно рапортует съезду о делах на границе Дальнего Востока. Во время рапорта все делегаты XVI партсъезда встают и стоя слушают Блюхера».

Василий Константинович доложил съезду, что за последние годы Красная Армия выросла политически и значительно пополнилась новой техникой.

После вынужденных боев с китайскими милитаристами мы можем смело заявить, что она не уступает по своей подготовке армии любой буржуазной страны. Всемерно повышая боевую готовность, Красная Армия в то же время принимает активное участие в социалистическом строительстве. Десятки тысяч демобилизованных бойцов идут на заводы и фабрики, в колхозы и совхозы, становятся организаторами и руководителями производства.

Докладывая о боевых действиях Особой Краснознаменной Дальневосточной армии против белокитайцев, Блюхер заявил, что она «дралась в этих боях с такой колоссальной преданностью диктатуре рабочего класса, Советской власти и нашей партии, с какой могли драться только лучшие отряды Красной гвардии в 1918—1919 гг.»

Когда командарм закончил речь, председатель съезда М. И. Калинин поблагодарил его и принял знамя ОКДВА.

Вернувшись со съезда, В. К. Блюхер с новой силой взялся за работу по укреплению боевой мощи армии. Под его руководством проводились систематические тренировки и общевойсковые учения.

Выступая на I партийной конференции ОКДВА, Василий Константинович подверг острой критике

недостатки в боевой подготовке и призвал коммунистов крепить дисциплину в частях.

— Подчеркивая промахи,— сказал он,— мы тем самым помогаем их изжить, содействуем повышению качества боевой подготовки.

В начале августа 1931 года состоялось торжественное заседание Хабаровского Совета, посвященное 2-й годовщине Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Выступавшие говорили, что Особая Дальневосточная под руководством Блюхера полностью оправдала возложенные на нее задачи, что эту славу она будет хранить как знамя, как доказательство высокой своей боеспособности.

На заседании было оглашено постановление ЦИК Союза ССР о награждении Василия Константиновича за его многочисленные заслуги перед Родиной, за беззаветную преданность Коммунистической партии, за всю его героическую деятельность на благо советского народа орденом Ленина.

С ответным словом выступил В. К. Блюхер.

— Я не смущался в боях и не терялся в самой трудной обстановке,— сказал он.— Сегодня я растерян. И поэтому я могу ответить на полученную награду тем, чем может ответить боец, пролетарий, член партии. Я по мере сил и уменья буду честно служить партии, пролетариату, мировой революции. Заверяю партию и правительство, что буду и впредь честным бойцом партии и рабочего класса. И если от меня партия и рабочий класс потребуют жизнь за дело социалистического строительства, я отдам свою жизнь без колебаний, без минутного страха.

Свою речь Василий Константинович закончил словами торжественного обещания:

«Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту СССР от всяких опасностей и покушений со стороны всех врагов и в борьбе за СССР, за дело социализма и братства народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни. Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона. Но этого не пона-

добится, ибо я в любой момент готов отдать жизнь за дело революции» [1].

В. К. Блюхер был истинным патриотом Дальнего Востока. Он глубоко понимал, какое огромное значение для обороны его имело скорейшее развитие промышленности и сельского хозяйства, и своим непосредственным участием внес ценный вклад в дело индустриализации и коллективизации края.

Василий Константинович неизменно подчеркивал, что обороноспособность дальневосточных границ базируется не только на мощи ОКДВА, но и на экономическом преобразовании хозяйственного лица этого богатейшего по своим природным возможностям огромного края нашей страны.

«Мы,— говорил он в 1936 году,— не только охраняем Дальний Восток, но меняем его лицо, превращаем его из края каторги и несчастья в край большой индустрии, край, насыщенный техникой» [2].

В своих многочисленных выступлениях В. К. Блюхер остро критиковал местные органы в недооценке значения развития производительных сил Дальнего Востока.

— Мы до сих пор завозим в край сено, а также картофель и другие овощи,— говорил он на пленуме крайисполкома в марте 1936 года.— А разве мы не могли бы обойтись без помощи соседних областей? Конечно, могли бы, но наша беда состоит в том, что у нас нет достаточного внимания к этим вопросам.

Василий Константинович призывал решительно покончить с «иждивенческими» настроениями и обеспечить себя полностью хлебом, сеном и овощами.

Останавливаясь на вопросах строительства, Блюхер сказал:

— У нас подчас не хватает местных строительных материалов, и мы не всегда умеем их найти. Из-за этого задерживаются темпы строительства. Кладется, например, каменный фундамент дома, и строители обязательно требуют цемента. А почему не извести? Наши предки прекрасно использовали ее в строительстве. Надо искать и находить местные строительные материалы.

---

[1] «Тихоокеанская звезда», 8 августа 1931 г.

[2] «Тихоокеанская звезда», 1 мая 1936 г.

Через несколько дней В. К. Блюхер присутствовал на краевой комсомольской конференции. Обращаясь к молодым строителям коммунизма, он призвал их быстрее превращать огромные средства, отпускаемые на развитие Дальнего Востока, в новые дома, в новые заводы, МТС, неустанно поднимать большевистскую бдительность и боевую готовность каждого комсомольца, рабочего, колхозника.

Особое внимание уделил маршал в своем выступлении работе комсомольцев Уссурийской железной дороги. Он сказал:

— Вы обязаны вывести Уссурийку на такое место, чтобы о ней знала вся страна так же хорошо, как и об ОКДВА. Найдите славные четыре-пять букв, которые можно было бы произносить с такой же гордостью, как ОКДВА.

— Четыре буквы найдены, Василий Константинович! — ответил секретарь Далькрайкома ВЛКСМ Петр Листовский.— Уссурийская Краснознаменная железная дорога!

Весь зал, бурно аплодируя, дружно начал петь «Дальневосточную партизанскую» — любимую песню маршала.

Наливалися знамена
Кумачом последних ран...

— Постойте, постойте,— улыбаясь, сказал командарм.— Вы неправильно поете, надо так:

Развевалися знамена.
Из тайги на вражий стан
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.

— А теперь давайте споем снова,— и он первый затянул боевую песню.

Надолго осталась в памяти у молодых дальневосточников эта незабываемая встреча с командармом.

Василий Константинович настойчиво проводил мысль о необходимости создания на Дальнем Востоке собственной продовольственной базы.

— Лучшие люди деревни,— говорил он на краевом слете колхозников,— от вас зависит многое. Во что бы то ни стало в кратчайшее время нам надо создать на Дальнем Востоке собственную продовольственную и фуражную базу.

По инициативе В. К. Блюхера на Дальнем Востоке были созданы Особый колхозный корпус и многочисленные военные колхозы, которые занимались производством сельскохозяйственной продукции.

В апреле 1932 года члены колхоза «Труд красноармейца» Усольского района обратились с призывом ко всем колхозникам Восточной Сибири послать в Особую Дальневосточную армию лучшую бригаду для вручения В. К. Блюхеру рапорта о ходе сева, а лучшей части — знамени ударника.

Командарм высоко ценил дружбу трудящихся с армией. Шефской деятельности он придавал большое политическое значение и всемерно развивал ее. В ответ на призыв колхозников он писал, что Реввоенсовет ОКДВА решил вручить их знамя лучшей части и одновременно дать знамя ОКДВА — знамя учебно-боевых побед Особой — лучшему, передовому колхозу края, по-большевистски выполнявшему и перевыполнявшему план весеннего сева.

Так началось соревнование двух армий.

«Две армии развернули соревнование,— говорилось в решении Красноярского крайкома партии.— Армия колхозников и армия Особой — за повышение боевой подготовки и укрепление боевой мощи». Бюро крайкома призвало колхозников «драться за овеянное порохом боевое знамя ОКДВА».

Деятельность командарма была многогранна. Его творческая инициатива не знала границ. Василий Константинович непрерывно разъезжал по огромному краю и часто выступал на конференциях, пленумах, собраниях и совещаниях.

В мае 1932 года вместе с первыми строителями он высадился в глухой тайге, на безлюдном и диком берегу Амура в 400 километрах от Хабаровска. Здесь 12 июня 1932 года вместе со знатными рабочими А. Смородовым, М. Дурнеевым и другими командарм заложил первый камень города юности — Комсомольска. Со всех концов страны посылал сюда комсомол своих лучших активистов. Преодолевая огромные трудности и лишения, молодые энтузиасты победили природу и в короткий срок построили город. Блюхер внимательно следил за их успехами и всячески помогал им...

Советское правительство по достоинству оценило военную деятельность Василия Константиновича. 20 ноября 1935 года ему вместе с другими выдающимися и наиболее отличившимися полководцами Красной Армии — С. М. Буденным, К. Е. Ворошиловым, А. И. Егоровым и М. Н. Тухачевским — было присвоено высшее воинское звание Маршала Советского Союза.

Тысячи поздравительных телеграмм получил в то время Василий Константинович со всех концов страны. Поздравляли бывшие партизаны Урала и Дальнего Востока, герои Перекопа и Волочаевки, рабочие и колхозники, пионеры и школьники.

«Дорогой Василий Константинович! — писали в своем приветствии участники общегородского партийного собрания города Артемовска.— Поздравляем Вас с высоким званием Маршала. Мы искренне рады, что Ваши бессмертные заслуги перед революцией и Родиной, которыми гордятся все трудящиеся страны, достойно оценены нашим правительством. Мы уверены, что во главе с Вами — героем Перекопа и Волочаевки — ОКДВА даст беспощадный отпор всем врагам социалистической Родины».

Гордостью за родного командарма проникнуто письмо бывших бойцов ОКДВА:

«Мы, рабочая ударная бригада плотников, горячо поздравляем тебя, Василий Константинович, с получением военного звания Маршала Советского Союза. Все мы только что демобилизовались из рядов нашей славной ОКДВА и переживаем чувство гордости за Вас. Сейчас мы сменили винтовки и пулеметы на топоры и фуганки — строим город Комсомольск, овладеваем техникой строительного дела. Но если партия и правительство призовут нас в час опасности к оружию, то мы под твоим водительством, наш Красный Маршал, беспощадно и быстро сломим хребет любому врагу».

В четвертую годовщину начала строительства Комсомольска Василий Константинович вновь посетил его.

Командарм отправился туда на боевом корабле Амурской Краснознаменной военной флотилии.

Появление на корабле командующего ОКДВА вызвало у краснофлотцев огромный подъем. Блюхер интересовался их жизнью и учебой. Всюду, где он появлялся, его окружало тесное кольцо моряков. Начиналась простая задушевная беседа.

— Не думаете ли вы остаться на сверхсрочную службу? — спросил Блюхер у боцмана. Тот от неожиданности смутился. Тогда Василий Константинович просто и доходчиво рассказал о том, что обстановка на Дальнем Востоке напряженная, на границе непрерывно совершаются провокации, что для обороны страны нужны крепкие и подготовленные кадры.

Внимательно слушали краснофлотцы своего командарма. Когда он кончил говорить, один за другим подходили к нему старослужащие и рапортовали:

— Остаюсь на сверхсрочную, товарищ Маршал Советского Союза!

Беседа продолжалась. Все перешли на корму корабля, где можно было покурить и поудобнее расположиться. Принесли шахматы. Блюхер сразился со старшиной Чалых и... проиграл две партии. Весело острили по этому поводу краснофлотцы: ни разу не проигрывал на поле боя, бил разных генералов и адмиралов и вдруг потерпел поражение... от старшины.

Так незаметно прибыли в Комсомольск. Четыре года не прошли даром. Герои-строители создали крупный индустриальный центр Дальнего Востока. Жилые кварталы, заводы и фабрики, школы и клубы раскинулись на многие километры вдоль Амура.

Несколько дней внимательно осматривал Василий Константинович строительство ряда предприятий, побывал в цехах, общежитиях, детских садах и школах, беседовал с рабочими и руководителями строек.

Принимая первую продукцию одной новостройки, командарм сказал:

— Я хоть и не специалист в этом деле, но продукция производит на меня отрадное впечатление. Новостройка увеличивает ценности нашей страны, обогащает наш Дальний Восток. Главное же заключается в том, что новостройка воздвигнута в тайге быстро, культурно и уже дает продукцию.

В заключение Блюхер рекомендовал лучше использовать механизмы и больше заботиться о культурно-бытовых нуждах рабочих и служащих.

Уделяя большое внимание развитию производительных сил в крае, Василий Константинович в то же время непрерывно укреплял боевую мощь ОКДВА.

Японская военщина, захватив Маньчжурию, стала усиленно готовиться к нападению на СССР. Вдоль наших границ форсированным темпом строились стратегические дороги, аэродромы, сосредоточивалась огромная армия.

«Наблюдая военные мероприятия японского империализма,— заявил Блюхер на XVII съезде партии,— мы не могли и не можем остаться к ним безучастными... Мы крепко, на замок запираем наши границы... Воевать мы не хотим, но если нас заставят, вынудят, то Особая Дальневосточная Красная армия — от красноармейца до командарма, как беззаветно преданные солдаты революции — под непосредственным руководством Центрального Комитета партии ответит таким ударом, от которого затрещат, а кое-где и рухнут устои капитализма» [1].

Окруженная всенародной любовью Особая Дальневосточная продолжала настойчиво совершенствовать свою боевую и политическую подготовку. Василий Константинович особенно большое внимание уделял вопросам овладения новой техникой.

«Наличие большого количества разнообразных по своим техническим и тактическим свойствам средств борьбы,— писал он в своей статье «На пороге летней учебы»,— по-новому ставит все вопросы организации и управления современным боем.

Овладеть этой техникой для общевойскового командира — значит достигнуть высокого умения в организации взаимодействия войск, насыщения новыми техническими средствами. Этого можно добиться только на основе практического освоения расчетных данных, определяющих тактические возможности технических средств» [2].

---

[1] «Правда» № 41, 11 февраля 1934 г.
[2] «Тревога» № 100, 4 мая 1932 г.

Маршал много работал над повышением своих теоретических знаний. Он сожалел, что ему не удалось получить систематического образования в высших учебных заведениях, и компенсировал этот пробел упорной самостоятельной учебой. Василий Константинович регулярно читал военно-историческую литературу, подробно изучал историю войн конца XIX и начала XX веков на Дальнем Востоке, и прежде всего историю русско-японской войны 1904—1905 годов, много внимания уделял военно-научной работе.

Соратники В. К. Блюхера свидетельствуют, что он имел большую библиотеку, книги были испещрены его многочисленными пометками. Обладая огромными природными способностями и большим боевым опытом, полководец настойчиво расширял и совершенствовал свои знания.

В. К. Блюхер придавал большое значение работе военно-научных обществ и обобщению опыта боевых действий Особой Дальневосточной армии во время советско-китайского конфликта в 1929 году, который «выявил ряд тактических, политических и технических моментов, кои представляют настолько большой интерес, что требуют срочного и тщательного анализа».

Василий Константинович был большим знатоком современного военного искусства. Советник маршала, ныне генерал-лейтенант в отставке Б. К. Колчигин рассказывает, что В. К. Блюхер часами терпеливо слушал докладчиков и других выступавших товарищей в военно-научном обществе, умел найти ценные зерна, дать верное заключение, к которому нельзя было ничего прибавить.

В процессе своей напряженной творческой работы маршал глубоко осмысливал новые явления в военном искусстве, вызванные реорганизацией и техническим перевооружением армии, и добивался практического применения их в боевой подготовке войск.

«Повышение технической подготовки начальствующего состава,— писал он,— должно идти нарастающими темпами, в строгом соответствии с усложнением элементов общевойскового боя, прорабатываемых на отрядных учениях. К этому вопросу

должно быть неослабно приковано внимание командования, политорганов и партийных организаций» [1].

В марте 1936 года в Приморье под руководством В. К. Блюхера были проведены общевойсковые опытные учения войск ОКДВА. Они проходили в горно-лесистой местности в условиях суровой зимы. Бездорожье, почти полное отсутствие населенных пунктов и сильные морозы требовали от личного состава большой выдержки и выносливости.

Готовясь к учениям, командарм приказал принять все необходимые меры против обморожения выводимых частей, обеспечить их полушубками, валенками и теплым бельем, усилить питание.

Закаленные в повседневной учебе, войска Приморской группы под командованием легендарного героя гражданской войны, кавалера четырех орденов Красного Знамени И. Ф. Федько успешно справились с поставленными задачами. Они доказали, что им не страшны никакие трудности.

«Зимние тактические учения войск Приморской группы, проведенные в горно-лесистой местности,— отмечал В. К. Блюхер,— войдут в историю боевой учебы ОКДВА, как одно из ее крупных и поучительных достижений. Ни бездорожье, ни крутые сопки, ни лесная чаща, ни глубокий снег не смогли сдержать боевого порыва войск. Последний день учений был особенно трудным. Дикая метель, холодный резкий ветер, обильный снегопад намного увеличили и без того большие трудности. Но и в этих условиях, при ночевках вне населенных пунктов, в лесу и сопках все бойцы и командиры показали высокую способность вести бой в столь сложной обстановке, проявили исключительную выдержку, твердость характера, силу воли, героизм и отвагу» [2].

Командарм объявил всему личному составу, участвовавшему в учениях, благодарность и приказал тщательно изучить опыт Приморской группы во всех соединениях.

Успешно завершив зимнюю учебу, ОКДВА вступила в напряженный период летней подготовки.

---

[1] «Тревога» № 100, 4 мая 1932 г.
[2] «Тревога» № 71, 28 марта 1936 г.

Вопросы овладения новой техникой, стрелкового и тактического совершенствования, борьба за повышение уровня командирской подготовки и усиление политического воспитания бойцов были в центре внимания командарма и его штаба.

Особенно интересовался маршал боевой учебой танкистов. Летом Василий Константинович приехал в одно из танковых соединений и наблюдал, как боевые машины вместе с пехотой и артиллерией преодолевали болотистые места. Все части действовали образцово.

По окончании учений состоялся большой разбор, на котором Блюхер подвел итоги:

— Учения,— сказал он,— произвели хорошее впечатление своей организованностью, темпом, хорошими результатами стрельбы и успешными действиями всех родов войск. Можно, пожалуй, на «отлично» оценить учения, но я от такой оценки пока воздержусь и скажу — проведено хорошо. Такая учеба дает нам огромную пользу. Надо больше тренироваться в сложных условиях, на внезапных действиях, каждый раз в новых районах.

— Надо запомнить,— заявил в заключение маршал,— что никогда нельзя смягчать условий боевой работы. Я ставлю перед вами на вторую половину лета задачу — все стрельбы проводить только в сложных условиях.

В. К. Блюхер не любил засиживаться в штабе. Большую часть времени он проводил в войсках, где обязательно интересовался, как кормят бойцов, как устроен их быт, как живут командиры и их семьи.

В одном из батальонов маршал обнаружил крупные недочеты в боевой и политической подготовке личного состава. Вместе с командиром батальона он внимательно разобрался в причинах отставания в учебе и дал исчерпывающие указания, как лучше и быстрее устранить их.

Прошло несколько месяцев. Воодушевленные приказом командарма, бойцы энергично взялись за учебу, развернули соревнование за досрочное овладение боевой техникой и на инспекторской проверке заняли первое место. Василий Константинович тепло поздравил их с успехом.

«Уверен,— писал он в своей телеграмме,— что бойцы, командиры и политработники батальона, овладевшие своим оружием и боевой техникой, окруженные любовью и заботой советского народа, до конца преданные партии Ленина, явятся грозной, несокрушимой силой и разгромят всякого врага, который посмеет посягнуть на неприкосновенность границ нашей социалистической Родины.

Еще раз поздравляю вас, товарищи, и желаю дальнейших успехов. Для премирования ударников перевожу пять тысяч рублей» [1].

В марте 1937 года в ОКДВА проходило армейское совещание по вопросам комсомольской работы. С большой речью на совещании выступил В. К. Блюхер. С удивительной простотой говорил он о долге комсомольцев Особой. Вспоминая о годах гражданской войны, Василий Константинович сказал, что, когда в полку было 4—5 % коммунистов, мы говорили: дайте нам каких угодно людей, и мы их воспитаем, поведем за собой в бой и победим.

— Какие же прекрасные перспективы перед нами в нынешних условиях при современной партийной и особенно комсомольской прослойке! Как много могут сделать комсомольцы для усиления боевой мощи ОКДВА! — Маршал призвал участников совещания проявлять больше организованности в работе, строго соблюдать дисциплину, усилить политико-воспитательную работу и сделать Особую Дальневосточную армию передовым округом в РККА.

* *
*

Мирная жизнь ОКДВА часто прерывалась провокациями японских империалистов. Они пытались проверить бдительность наших войск, их политико-моральное состояние и боеспособность. Но все налеты врага немедленно отражались героями-дальневосточниками.

25 марта 1936 года в 10 часов утра по хабаровскому времени японский вооруженный отряд вторгся на советскую территорию в Приморье и открыл огонь по нашим пограничникам. После короткого боя

---

[1] «Тревога» № 68, 23 марта 1936 г.

противник был разбит и поспешно бежал, оставив на нашей территории двух убитых. Усилив свой отряд, в середине дня японцы вновь перешли нашу границу и заняли высоту Безымянную. И снова враг был разбит и отброшен.

В начале июня герои-пограничники, участвовавшие в отражении налета японцев,— капитан Бонич, комиссар Пожарский, младшие командиры Мочалов, Старостин и другие были приняты В. К. Блюхером. Он попросил рассказать подробно о действиях бойцов.

— Я командовал эскадроном,— начал Бонич,— который действовал на правом фланге. Здесь же был и комиссар Пожарский. В середине боя его ранило, но он не оставил строя. Хорошо стрелял командир отделения Старостин. Пулеметчик Крутченко заставил замолчать три японских пулемета. Смело повел бойцов в атаку командир отделения Копылов. Храбро действовали и другие воины.

— Были ли случаи,— спросил маршал,— чтобы приходилось понуждать бойцов идти в атаку?

— Нет! Наоборот! — ответили в один голос все командиры.— Их приходилось сдерживать.

— Вы хорошо дрались,— сказал в заключение командарм,— и не уронили чести воинов Красной Армии. Но не нужно зазнаваться. Учитесь воевать еще лучше.

В конце ноября 1936 года батальон японо-маньчжурских войск вновь перешел советскую границу в районе озера Ханко. И на этот раз неприятель получил достойный отпор. Он был отброшен с большими потерями.

В этом бою был смертельно ранен пулеметчик Семен Лагода. Вскоре он умер, но его место в строю занял брат, Иван Лагода, добровольно прибывший служить в ОКДВА.

Брат за брата! Этот патриотический поступок советских людей, готовых отдать без колебания свою жизнь за любимую Родину, вызвал горячие отклики и поддержку нашего народа. Первым откликнулся на это старый колхозник Дмитрий Федорович Михеев. В своем письме к маршалу В. К. Блюхеру, полном любви и патриотизма к отчизне, он писал:

«Я узнал о героическом поступке семьи Лагоды. Я — отец девяти сыновей нашей счастливой социалистической Родины. Двое моих сыновей служат в Вашей доблестной ОКДВА. Павел Михеев — старшина караульной роты штаба ОКДВА в г. Хабаровске, Виктор Михеев — старшина роты на станции Н. Третий мой сын Федор 1915 года рождения. Недавно он был на комиссии и признан годным к службе в рядах РККА. Он ждет распоряжения явиться по первому зову Советского правительства. Его мечта — поехать на охрану дальневосточных границ. Четвертый сын Иван — 1916 года рождения — ждет не дождется призыва. Сейчас он учится на комбайнера. Пятый сын Владимир — 1918 года рождения — не дождался призыва и уехал к братьям, служащим у Вас, с целью добровольно поступить в Краснознаменную армию, чтобы охранять границы от заклятых хищников японского империализма, убивших славного воина Семена Лагоду. Будьте добры, не откажите в его стремлениях, зачислите его в Красную Армию. Старший сын Александр служит в переменном составе РККА и работает в г. Челябинске техником автоматической станции связи.

У всех моих сыновей, и у тех, которые еще учатся в школе, одно стремление — быть в рядах героической непобедимой Красной Армии. Я хотя и старик-инвалид (52 года), но если нужно будет, встану во главе своего боевого отделения стойких и отважных бойцов и буду громить наших заклятых врагов, покушающихся на нашу счастливую жизнь» [1].

Дмитрий Федорович мечтал собрать всех своих сыновей в одну часть ОКДВА и создать из них михеевское подразделение. Он долго подбирал род войск, где бы сыновья могли служить все вместе. Выбору помог один случай.

Однажды он сопровождал своего сына Федора к месту службы в одну из танковых частей ОКДВА, где увидел грозные машины. Они поразили его.

«Вот бы такие в колхоз!» — подумал Дмитрий Федорович.

---

[1] «Тревога», 16 апреля 1937 г.

Он долго любовался ими, ощупывал, как новую покупку. Командир части предложил Дмитрию Федоровичу прокатиться на танке, на что он охотно согласился. Танк, ломая деревья, пошел по тайге, легко преодолевая овраги и лощины. Колхозник остался очень доволен и танками и своим катанием. Тогда ему предложили сесть на другой, танк-амфибию и совершить путешествие по реке. Старик сначала оробел:

— А не утонем?

Дружный смех танкистов был ответом на его вопрос. Это подзадорило Дмитрия Федоровича. Осмотрев еще раз внимательно танк, он молча полез в машину.

Танк медленно спустился с берега, вошел в реку и быстро поплыл по ней к противоположному берегу, а потом обратно. Вылезая из танка, старик чувствовал себя, как говорят, «на седьмом небе».

— Вот это машины! — восхищался Дмитрий Федорович.— А нельзя ли нам получить один танк, чтобы весь экипаж был михеевским? — обратился он к командиру части. Командир ответил, что об этом следует подумать.

Однако думать Дмитрию Федоровичу было некогда, и он решил как можно скорее осуществить свою мечту. Свои мысли и просьбу Д. Ф. Михеев изложил в письме В. К. Блюхеру. Вскоре он получил от маршала ответ:

«Дорогой Дмитрий Федорович! От всего сердца приветствую Вас, истинного патриота нашей замечательной Родины. Искренне сожалею, что мне, в силу служебных обязанностей, не пришлось лично встретиться с Вами. В своем письме Вы с чувством неподдельного восторга отзываетесь о бойцах и командирах Особой Краснознаменной, заявляя: какой хороший народ в Красной Армии. А ведь народ этот — наши сыновья, Дмитрий Федорович, это наши дети по крови, по классу. Это действительно крепкий, хороший народ, безгранично любящий партию, свою страну, готовый жизнь отдать за дело социализма.

Спасибо, Дмитрий Федорович, большое красноармейское спасибо за сыновей, за воспитание из них

славных патриотов нашей великой Родины. Обещаем Вам, что михеевский экипаж будет создан.

Привет, крепко жму руку. Блюхер».

Так был создан прославившийся на всю страну танковый экипаж братьев Михеевых.

Вслед за сыновьями на Дальний Восток приехал на постоянное жительство и глава семьи Д. Ф. Михеев.

«Дорогой Василий Константинович! — писал он в своем письме Блюхеру.— Я сдержал свое твердое колхозное слово и приехал со всем семейством к Вам на Дальний Восток, чтобы строить наше социалистическое хозяйство и укреплять оборону советской земли. Обещаю Вам, Василий Константинович, что отдам на благо народа все свои силы, свой труд, энергию, а если понадобится — то и жизнь...»

Никакие происки империалистов не могли помешать бурному развитию Дальневосточного края. Особая армия надежно охраняла мирный труд советских людей. Новые города и промышленные гиганты, совхозы и колхозы до неузнаваемости изменили бывший край ссылки и каторги.

— Сердце радуется,— говорил в своем выступлении по радио В. К. Блюхер,— когда видишь, как поновому шумит тайга, как осваиваются необозримые пространства от Амура до Охотского моря. Приезжайте к нам на Дальний Восток! — обращался он к советским людям.— Вступайте в колхозы, используйте огромные природные богатства...

И они ехали, осваивали край, претворяли мечту в действительность. Десятки тысяч демобилизованных бойцов ОКДВА навсегда остались жить и работать на Дальнем Востоке. Тысяча младших командиров добровольно изъявила желание остаться на сверхсрочной службе в частях ОКДВА. В своем письме к Блюхеру они писали:

«Громадная любовь к Родине, сознание долга и ответственности перед страной за крепкую нерушимость наших дальневосточных границ обязывают нас быть в рядах ОКДВА, зорко охранять дальневосточные границы и если потребуется, то и отдать жизнь за нашу социалистическую Родину» [1].

[1] «Тревога» № 49, 3 марта 1937 г.

В этих словах бьется горячее сердце советских патриотов, готовых во имя Родины не пожалеть ни своих сил, ни самой жизни. Командарм в специальном приказе сердечно поздравил славную тысячу добровольцев и приказал создать для них все условия для жизни и учебы.

Отеческое отношение Блюхера к нуждам и запросам младших командиров вызвало новый подъем, новый поток докладных на сверхсрочную службу. Тысячи новых добровольцев остались в ОКДВА.

Не только в войсках, но и среди населения Дальнего Востока Василий Константинович пользовался исключительно большой популярностью и искренней любовью. Советские люди видели в нем не только одного из прославленных героев гражданской войны, но прежде всего настоящего коммуниста-ленинца. Он был исключительно человечен, доступен и отзывчив. Держался с людьми просто, по-товарищески.

Трудящиеся Дальнего Востока и бойцы Особой высоко оценили заслуги В. К. Блюхера в укреплении боевой мощи и в преобразовании края. При его активном участии край быстро превращался в один из цветущих и индустриальных районов Советского Союза. С огромным воодушевлением они избрали маршала в декабре 1937 года депутатом Верховного Совета СССР, а весной 1938 года — депутатом Верховного Совета РСФСР.

Выступая на предвыборном собрании рабочих и служащих масложиркомбината в Уссурийске 11 декабря 1937 года, Василий Константинович тепло поблагодарил их за доверие.

— Моя жизнь,— сказал он,— это жизнь рабочих и крестьян Страны Советов. Выдвинутый из рядов народа, я вырос в военного и политического деятеля только потому, что мною руководила Коммунистическая партия... Могу смело сказать, что с 1917 года и по сей день я честно выполнял обязанности перед своим классом. Заверяю вас, что и впредь, облеченный вашим доверием, я с честью его оправдаю.

В ознаменование 20-й годовщины РККА Блюхер был награжден вторым орденом Ленина. От всей души поздравили легендарного полководца — героя

Урала, Каховки, Перекопа и Волочаевки трудящиеся и воины ОКДВА.

Вместе с Блюхером орденами были награждены 93 офицера ОКДВА.

Поздравляя славных орденоносцев с высокой наградой, маршал пожелал им новых успехов в борьбе за дальнейшее повышение боевого могущества Особой Краснознаменной армии и призвал весь личный состав ОКДВА быть всегда наготове, чтобы в любой момент дать сокрушительный отпор агрессору.

«Угроза войны,— писал В. К. Блюхер,— особенно чувствуется у нас, на Дальнем Востоке, где пламя войны охватило сотни миллионов трудящегося населения. Мы, борясь за дело мира, одновременно и неуклонно крепим оборону и мощь нашей социалистической родины. На страже границ нашей социалистической родины, на страже границ советского Дальнего Востока стоит наша Красная Армия и один из ее передовых отрядов — ОКДВА, которой доверена защита одного из наиболее угрожаемых участков нашей социалистической родины» [1].

Свою благородную задачу — быть неусыпным стражем наших дальневосточных границ — ОКДВА целиком и полностью выполнила.

Летом 1938 года японские милитаристы пытались захватить советские высоты Заозерную и Безымянную, расположенные в районе озера Хасан.

Японская армия долго и основательно готовилась к нападению. Противник не случайно избрал этот район для агрессии. Обе высоты составляют вершину одного и того же скалистого кряжа, круто спускающегося прямо к озеру. Хотя они сравнительно и не высокие (Заозерная имеет высоту 157 метров и длину гребня 350 метров), но в условиях окружающей равнины в ясную погоду с них хорошо просматривается все наше побережье — от Посьета до Владивостока. От остальной советской территории высоты отделены широкой водной преградой озера Хасан, растянувшейся на 5 километров вдоль границы, обойти которое можно только в не-

---

[1] «Тревога», 7 ноября 1937 г.

посредственной близости от границы по двум очень узким и открытым проходам.

Неприятель рассчитывал, что болотистая местность и отсутствие хороших дорог не дадут нам возможности использовать танки и подвести тяжелую артиллерию, а хороший обзор всего района с высот позволит им вести по нашим войскам эффективный артиллерийский огонь.

Получив сведения о сосредоточении японских войск, Военный совет Дальневосточного Краснознаменного фронта[1] 24 июля отдал 1-й армии директиву: «Усиленные батальоны 118-го и 119-го стрелковых полков и 121-го кавполка немедленно сосредоточить в район Заречья и привести войска в полную боевую готовность. Вернуть людей со всех работ в свои подразделения. Иметь во всех частях наготове опознавательные полотнища для связи с авиацией».

По этой директиве вся система ПВО была приведена в боевую готовность. Пограничники получили указание соблюдать спокойствие и выдержку, не поддаваться на провокации, применять оружие только в случае прямого нарушения границы.

29 июля в 15 часов рота японцев двумя колоннами начала наступление на высоту Безымянную, на которой находились 11 наших пограничников. Противнику удалось захватить высоту.

Командующий фронтом В. К. Блюхер в тот же день приказал: «Японцев, наступающих на нашу территорию в районе севернее высоты Заозерная, немедленно уничтожить на нашей территории, не переходя границу... Обратить внимание на прочное удержание в наших руках этой горы и немедленно принять меры к установлению артиллерии на огневые позиции с задачей преграждения противнику какого бы то ни было продвижения на нашу территорию».

Пограничники мужественно встретили наступление противника, обрушив на него всю силу своего

---

[1] В связи с угрозой нападения Японии на СССР Особая Краснознаменная Дальневосточная армия 1 июля 1938 года была преобразована в Дальневосточный Краснознаменный фронт. Командующим фронтом был назначен В. К. Блюхер.

огня. Они стойко отразили первую атаку самураев. Но враг продолжал наступать. На поддержку была двинута рота коммуниста Д. Т. Левченко. В ожесточенной схватке противник был разбит и отброшен. Высота Безымянная вновь стала советской. Приказ командующего был выполнен.

В этой схватке 11 пограничников проявили исключительную стойкость и героизм. Ни один не покинул поле боя. Пять из них были убиты, остальные ранены.

День 30 июля прошел в напряжении. На рассвете 31 июля усиленные наряды наших бойцов стали различать чуть слышный шорох, а затем увидели силуэты ползущих японцев. Сильная ружейно-пулеметная стрельба нарушила ночную тишину в районе высот Заозерной и Безымянной.

Заместитель политрука С. Н. Бамбуров открыл огонь из ручного пулемета. От его метких выстрелов полегло несколько десятков самураев. Но вот патроны кончились, и пулемет замолк. Японцы с криком «банзай» бросились вперед и окружили Бамбурова. Они стремились захватить его живым. Отважный воин взял пулемет за ствол и начал наносить самураям удары прикладом. Последней гранатой он проложил себе дорогу и скрылся в темноте.

За мужество и отвагу С. Н. Бамбурову и Д. Т. Левченко впоследствии было присвоено звание Героя Советского Союза.

Подтянув свежие силы, противник вновь пошел в атаку. Руководивший боем на высоте Заозерной полковник Федотов запросил помощи. Блюхер тотчас телеграфировал командующему армией: «Просьбу полковника Федотова об усилении его еще одним батальоном немедленно удовлетворить, повторяю, удовлетворить».

Используя численное превосходство и удобные пути подхода, японцы продолжали непрерывно атаковать наши позиции. Бойцы 118-го стрелкового полка забросали неприятеля ручными гранатами, а затем решительно перешли в штыковую атаку и отбросили его. В этом бою они проявили исключительное мужество.

Но обстановка с каждым часом осложнялась. «Противник сконцентрировал крупные силы в районе Заозерная и Безымянная,— доносил Федотов.— Крупнокалиберная артиллерия обстреливает наши тылы. Я должен наступать в узкой полосе, весьма неудобной и болотистой, все время под фланговым и сильным огнем...

Вчера и сегодня у противника подходят непрерывно эшелоны с новыми подкреплениями».

Вечером 31 июля наши передовые подразделения отошли на новый рубеж. Заняв высоты, японцы стали поспешно отрывать окопы, ставить проволочные заграждения, устанавливать бетонированные огневые точки. Все подступы к высотам они держали под сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем.

Наши части усиленно готовились к штурму Заозерной и Безымянной.

Непосредственное командование войсками Блюхер возложил на начальника штаба — комкора Г. М. Штерна, оставив за собой общее руководство.

2 августа в район боевых действий прилетел командующий фронтом вместе с членом Военного совета П. И. Мазеповым. Он одобрил действия Г. М. Штерна и принял решительные меры к улучшению работы тыла, организовав ускоренную доставку на фронт подкреплений, боеприпасов и продовольствия. Для перевозки войск и грузов Василий Константинович использовал корабли Тихоокеанского военного и торгового флотов, а также все плавучие средства местных рыбаков. 5 августа закончились последние приготовления к решительному штурму высот. Командир 39-го корпуса Г. М. Штерн отдал боевой приказ № 01 о наступлении.

«Задача корпуса с приданными частями,— говорилось в нем,— 6 августа овладеть высотой Заозерная и уничтожить врагов, посмеливших вторгнуться на нашу Советскую землю».

Во всех подразделениях были проведены митинги, партийные и комсомольские собрания. Бойцы и командиры единодушно заявляли, что они не пощадят своей жизни, но выполнят приказ командования. Сотни бойцов в эти дни подали заявления с прось-

бой принять их в ряды Коммунистической партии и ВЛКСМ. Первый батальон 95-го полка стал полностью комсомольским.

В предстоящей операции В. К. Блюхер возлагал большие надежды на авиацию, которой командовал Герой Советского Союза комбриг П. В. Рычагов.

Рано утром 6 августа части заняли исходные позиции и с нетерпением ждали команды. Появление авиации в воздухе должно было явиться сигналом к началу атаки. Однако спустившийся сильный туман задержал ее вылет. Только в 16.00 над районом боев появились советские самолеты. Волна за волной шли они над высотами Заозерная и Безымянная, сбрасывая свой смертоносный груз на голову японцев. 216 тяжелых самолетов целый час непрерывно бомбили позиции противника.

В. К. Блюхер, лично наблюдавший за действиями авиации, сообщал, что Заозерная «производит впечатление не только взрытой, но буквально скальпированной».

После короткой, но мощной артиллерийской подготовки в 17.00 в 9-ю годовщину своего существования части ОКДВА пошли в атаку. Обгоняя пехоту, вперед вырвались танки полковника А. П. Панфилова. Рельеф местности затруднял наступательный порыв, так как приходилось идти по крутым каменистым склонам сопки. Два узких прохода не допускали никакого маневра. Несмотря на это, бойцы упорно продвигались вперед. 96-й стрелковый полк, смяв уцелевшие цепи противника, в 18 часов захватил северо-восточные скаты высоты Безымянной. Одновременно несколько танков во главе с командиром 2-й механизированной бригады А. П. Панфиловым ворвалось на высоту Заозерную. За ними спешили бойцы 118-го полка. Смело и отважно действовал секретарь партийного бюро полка лейтенант И. Н. Мошляк. Несмотря на ранения, он шел впереди атакующих с пробитым пулями Красным знаменем, увлекая за собой весь полк. Атака завершилась стремительным штыковым ударом. В 22 часа 30 минут Заозерная была взята. Лейтенант И. Н. Мошляк вместе с полковником А. П. Панфиловым под гром-

кие крики «ура» и ружейный салют водрузили на ее вершине красный флаг Советского Союза.

Однако японские войска получили приказ вернуть утерянные позиции. Подтянув резервы, они вновь ринулись в атаку. Поредевшие части 40-й стрелковой дивизии с трудом сдерживали ожесточенный натиск врага. Восьмичасовой непрерывный бой утомил бойцов. Большинство командиров выбыло из строя. Создалось критическое положение. В этот напряженный момент в передовых цепях появились комиссар дивизии Иванченко и начальник политотдела Полушкин. Они собрали все резервы и лично повели их в контратаку. Японцы были отброшены с большими потерями. Несмотря на ранение, Иванченко всю ночь находился на высоте Заозерной, и только утром его эвакуировали в госпиталь.

В течение нескольких дней японские захватчики предпринимали еще отчаянные попытки вновь занять высоту. Подпуская врага на короткую дистанцию, советские войска каждый раз сметали его цепи ураганным огнем.

Особенно ожесточенную атаку предпринял противник 7 августа. «Командиры и комиссары 118-го и 120-го стрелковых полков лично руководят отражением атаки японцев,— говорится в донесении штаба дивизии.— Подпустив японцев на 200—300 метров, части открывают ружейно-пулеметный огонь, а затем, забросав противника гранатами, переходят в контратаку... В этом бою были тяжело ранены командиры полков Солянов и Привалов, которые продолжали лично руководить остатками полков и только окончательно обессилев оставили поле боя».

В этом же бою геройски погиб уже известный нам комиссар отдельного разведывательного батальона И. А. Пожарский.

С утра 9 августа японцы вновь перешли в наступление. «Высота Заозерная,— докладывал Г. М. Штерн,— находится под непрерывным огнем японской артиллерии, минометов и гранатометов и по нескольку раз атакуется... На Заозерной трудно поднять голову... Наши люди знают, что, невзирая ни на что, они обязаны сделать высоту недоступной.

Сейчас высота круглые сутки является основным центром притяжения всех видов огня японцев. Прошедшей ночью отбито 4 атаки на участке 118-го полка и 1 атака на участке 96-го полка. Прекрасно дрались саперы. Сегодня днем тоже было несколько атак... Все они отбиты» [1].

Не добившись успеха, японское правительство запросило перемирия. По достигнутому соглашению все военные действия прекращались 11 августа в 12 часов по местному времени. Выполняя указания Советского правительства, наши части в 11 часов 45 минут прекратили огонь из всех видов оружия. Однако японцы продолжали его. Тогда командование корпуса отдало распоряжение открыть мощный артиллерийский огонь. Вся наша артиллерия мгновенно обрушила небывалый по силе удар. Казалось, что артиллеристы торопились расстрелять весь запас снарядов. В общем гуле нельзя было различить отдельных выстрелов. Это был заключительный этап Хасанской операции. Японцы еще раз почувствовали нашу силу и тотчас же прекратили огонь.

В 11 часов 50 минут комкор Штерн донес, что «боевые действия на фронте в районе Заозерная закончились».

В боях у озера Хасан советские войска еще раз продемонстрировали свое могущество и неприступность наших дальневосточных границ. Сотни бойцов и командиров проявили в эти дни беспримерный героизм и самопожертвование. Шесть раз капитан М. С. Бочкарев водил свой батальон в атаку в ночь с 6 на 7 августа. В одной из них на него набросились несколько самураев. Сержант Н. М. Баринов смело ринулся ему на помощь. Он заколол штыком трех японцев и спас жизнь своему командиру.

Самоотверженно сражался пулеметчик Г. П. Чуйков. От его меткого губительного огня полегло много вражеских солдат. 8 августа он уничтожил два станковых пулемета противника, чем обеспечил батальону выполнение боевой задачи.

За образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом мужество и отвагу 40-я стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина,

[1] ЦГАСА, ф. 33879, оп. 2, д. 194, л. 214.

а 32-я — орденом Красного Знамени. 26 участникам боев было присвоено звание Героя Советского Союза. Этого высокого звания были удостоены комиссар И. А. Пожарский, капитан М. С. Бочкарев, лейтенант И. Н. Мошляк, сержант Н. М. Баринов, рядовые Г. П. Чуйков, Я. М. Ягудин и другие.

Около пяти тысяч бойцов и командиров были награждены орденами и медалями.

Разгромом японских агрессоров у озера Хасан закончилась полководческая деятельность Маршала Советского Союза В. К. Блюхера. 18 августа 1938 года Василий Константинович подписал последний приказ об отъезде в служебную командировку в Москву. На Дальний Восток он больше не возвратился.

В конце августа В. К. Блюхер выступил с большим докладом на Главном военном Совете при народном комиссаре обороны СССР об итогах боевых действий войск Дальневосточного фронта.

Вскоре он вызвал из Хабаровска жену, Глафиру Лукиничну, с детьми и поехал отдыхать в Сочи.

Быстро летело время. Маршал отдыхал, играл с детьми, но тревога не покидала его. Он знал, что аресты продолжаются, что недавно арестован его боевой друг, заместитель наркома обороны СССР командарм И. Ф. Федько. Все это угнетало Василия Константиновича. Утром 22 октября 1938 года вместе с женой он был арестован.

Допрос вел лично Берия. В. К. Блюхер держался спокойно и уверенно. Он отверг предъявленные ему обвинения в измене Родине и в намерении сбежать в Японию. (И это чудовищное обвинение было предъявлено ему после того, как под руководством В. К. Блюхера были разгромлены японские самураи в районе озера Хасан!)

Но непрекращающиеся издевательства надломили здоровье этого мужественного человека. 9 ноября 1938 года его жизнь трагически оборвалась.

* *
*

Героический путь от солдата до Маршала Советского Союза прошел простой русский рабочий коммунист Василий Константинович Блюхер.

Большую часть своей жизни он провел в боях и походах, защищая великие завоевания Октября.

Его легендарный рейд в тылу врага во главе армии южноуральских партизан в 1918 году вписал ярчайшую страницу в историю самоотверженной борьбы рабочих и крестьян за власть Советов, за свободу и независимость нашей Родины.

На различных фронтах гражданской войны гремела слава полководца В. К. Блюхера.

Жизнь Василия Константиновича — яркий пример преданности и беззаветного служения Коммунистической партии и своему народу. Они вырастили и воспитали его.

В. К. Блюхер был не только выдающимся полководцем, но и политическим деятелем. «Как старший начальник приказываю и как старший коммунист перед вашей коммунистической совестью обязываю...» — писал он в тяжелые дни борьбы за Каховку.

Как истинный коммунист-ленинец, Василий Константинович находил страстное слово и в адрес обманутых врагом солдат. Перед каждым решающим сражением он обращался к чувствам простых людей с призывом прекратить междоусобную гражданскую войну и выступить единым фронтом против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции.

«Пойми же наконец, казачья беднота, кто ваши враги и кто ваши братья,— говорится в одном из первых обращений Блюхера к дутовцам.— Идите к нам с открытой душою, и вы всегда найдете поддержку такой же бедноты, как и вы».

А перед штурмом Перекопа он от имени Советской власти и русского народа объявил врангелевцам «полное забвение и прощение прежней вины всем добровольно перешедшим на сторону Красной Армии».

Но какой твердостью звучали его слова, когда он разговаривал с ярыми врагами Советской власти! «Я — солдат революции и хочу говорить с вами прежде, чем начать последний разговор на языке пушек,— писал полководец перед сражением за Волочаевку белогвардейскому генералу Молчанову.— На

этих сопках и без того много могил. В случае продолжения борьбы одна из них будет вашей».

Соратников поражала необычайная трудоспособность маршала.

— Иной раз,— говорит Б. К. Колчигин,— он работал сутки и даже двое без сна и отдыха. Память у него была изумительная.

«Я никогда не переставал восхищаться его неутомимой энергией,— пишет генерал-лейтенант С. А. Калинин,— его замечательными способностями организатора красноармейских масс, волевого начальника и прекрасного товарища».

Василий Константинович был необычайно простым, скромным и общительным в быту и бесстрашным в бою. Об отважном полководце, не знавшем поражений, сложено много песен и легенд.

Его имя недавно присвоено плавучему рыбоконсервному заводу. В связи с этим в адрес Ленинградского ордена Ленина Адмиралтейского судостроительного завода пришло много поздравительных писем. Одно из них — от жены маршала. В нем говорится:

«Уважаемый товарищ директор!

С чувством глубокого волнения, радости и гордости читаю вести о спуске нового плавучего рыбоконсервного завода «Василий Блюхер».

Разрешите мне — жене и матери детей Василия Константиновича Блюхера — передать вам и всем товарищам, принимавшим участие в создании этого корабля, душевное глубокое спасибо за светлую память о нем и самые добрые пожелания всему коллективу.

С уважением Блюхер-Безверхова Глафира Лукинична».

Незабвенное имя В. К. Блюхера золотыми буквами вписано в героические страницы истории нашей Родины. Светлый образ пролетарского полководца-большевика никогда не изгладится из памяти советского народа. Имя его с благодарностью вспоминают потомки.

СОДЕРЖАНИЕ

Душенькин Василий Васильевич.
ОТ СОЛДАТА ДО МАРШАЛА. Изд. 3-е, доп. и испр. М., Политиздат, 1966.
224 с. с илл. и карт. (Герои и подвиги).
9(С)22 + 355С

Редактор *З. Политов*
Художник *В. Макеев*
Художественный редактор *Н. Симагин*
Технический редактор *Н. Трояновская*

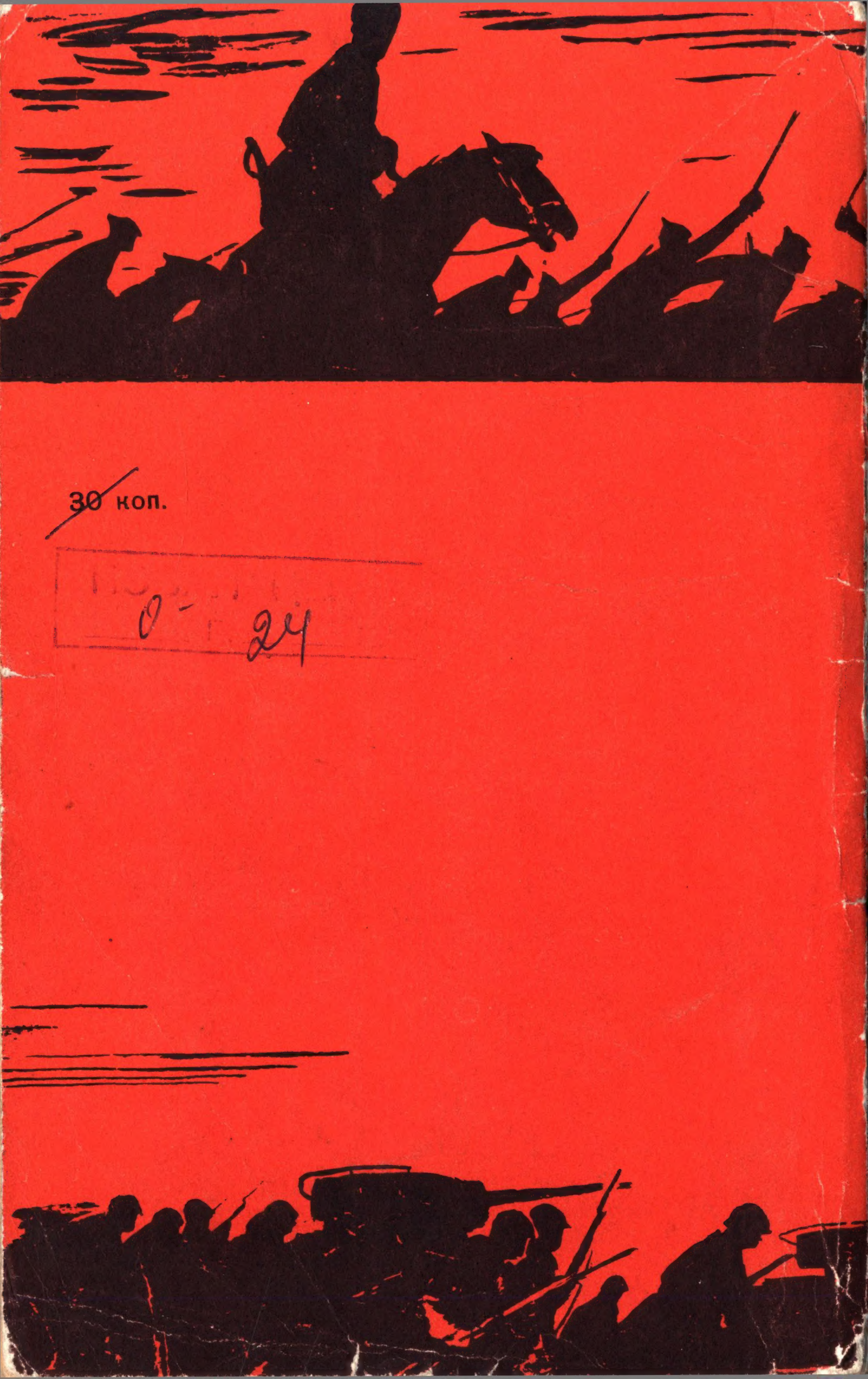
Сдано в набор 15 июня 1965 г. Подписано в печать 14 декабря 1965 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 7 + накидки ¼. Условн. печ. л. 12,18. Учетно-изд. л. 11,82. Тираж 100 тыс. экз. А 10934. Заказ № 3170. Бумага № 2. Цена 30 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата. Москва, Краснопролетарская, 16.

9
1

4 11
5 12
30 6 13
31 7 14 18
1 8 15 19
2 2 9 ~~10~~ 16 ~~17~~ 20
20.


30 коп.